
ОХОТА НА МЕДВЕДЕЙ
В СИБИРИ
С ЛАЙКАМИ
А. Н. ЛЯЛИН
ОХОТНИЧЬИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

А. Н. ЛЯЛИН

охота на медведей в сибири с лайками

ЦИФРОВОЕ ИЗДАНИЕ

Издание очерков сибирского охотника начала XX века А. Н. Лялина. Храбрый, энергичный и опытный медвежатник, он оставил о себе громкую славу в Сибири. Он с двумя-тремя лайками один на один шел на медведя и всегда оставался победителем. Впервые под одной обложкой собран полный цикл, включающий 21 очерк Лялина об охотах на медведя в Сибири с лайками. Издание снабжено фотографиями и рисунками.

Редактор: Игорь Брюшинин
Макет: Василий Вершинин

А. Н. Лялин, сотрудник журналов «Природа и Охота» и «Охотничья газета». На фото в тайге зимой с остяцкой лайкой

Содержание

От редакции

Друзья, с большой радостью представляем вашему вниманию сборник очерков нашего земляка — знаменитого в прошлом сибирского охотника Александра Николаевича Лялина. В издание вошел цикл Лялина «Охота в Сибири на медведей с лайками», принесший ему славу и признание. Эти очерки публиковались в журнале «Природа и Охота» в 1901–1911 гг., и теперь впервые собраны в полном объеме и под одной обложкой. Произведения в сборнике расположены в хронологическом порядке.

Прошло более ста лет, но увлекательные заметки Александра Николаевича, написанные живым и простым языком, а также содержащие много ценных наблюдений из жизни, не оставляют равнодушными современных охотников. Надеемся,что и Вам доставит удовольствие эта интерактивная книга.

Приятного чтения!

I

Случай

В 1892 году ушла у меня медведица, как говорится, из-под носу, да еще с лончаком. Это было в Томском уезде близ села Жаркова.

По мелкому снегу пошел я искать медведей по приметным местам. Никаких признаков близости берлоги не было видно. Вдруг слышу лай, и завязалась возня у собак саженях в 70 от меня. Я подконовязил лошадь и с трехстволкой побежал на бой. Ломь, завалы страшные. Сквозь жидкий лес вижу собак, вскручивающих пестуна, отчаянно дерущегося с тремя собаками. Я, не спуская глаз с турнира, прибавив шагу, бегу и, спотыкаясь на вершину лежащего кедра, падаю. В это время что-то хрустнуло сбоку, то есть у комля кедра. Я вскочил. Гляжу, медведица идет от меня в перевалку; между мною и ею — куртина черемухи. Я взвел правый курок, поднял крючок для третьего ствола, целю, но чистого места не вижу. Однако стрелять надо.

Выстрелил. Медведица побочила, прибавив ходу. Я ее — еще раз; опять мимо. Она пошла вускок. Собаки продолжают войну с пестунишкой. Подбегаю к ним, убил пестуна. В это время подъехал мой спутник с лошадьми. Я ему передаю эпизод с медведицей и хочу ехать за ней. Он уверяет, что она подойдет, а надо освежевать пестуна, подкормить лошадей, собак и самим закусить.

Сняв шкуру с медведя, я второчил ее в торока. Окорока повесили на дерево, чтобы взять их после.

Часа через два поехали. Опять ломь, завалы, чаща. Лошади спотыкаются. Объезжаем заломы. Медведица шла в одну рядь и сошлась с лончаком, которого я не видел ранее. Собаки скрылись. По следу видно было, что они гонятся за зверем, но догнать не могут. Стало вечереть. От села Жаркова далеко, собак нет. Медведица пошла в тайгу, к Роговину. Решил я ехать домой. Когда проехал версты три, собаки меня догнали. Добравшись до Жаркова, переночевал.

Было темно еще, когда я поехал следить медведицу. После полудня верст за десять нашел ее лежку, но вчерашних собачьих следов не было видно. Весь день ехал я ее следом, но догнать не мог. Переночевал в лесу и рано утром продолжал выслеживать ее. Она стала повертывать назад, но петель не делала, шла в одну рядь. На третий день — опять то же, и к трем часам дня я подъехал к месту, где были повешены окорока пестуна. Увидал я, что

медведица их достала и съела. Тут же она и ночевала, что было видно по лежкам и ходу. Пошел снег, разбирать следы стало опять неудобно.

Проездил я за ней пять дней и бросил: следы занесло снегом, и ни разу собаки ее не достигали. Это единственный зверь, ушедший у меня от преследования его собаками. Уверен, что собаки его ни разу не догоняли. Долго я эту медведицу не забуду.

Пустая берлога

Приехал я в Томск в половине сентября. Погода стояла чудная, как и все лето, тогда как в средней полосе Европейской России, где я провел летние месяцы, стояли холода и лили дожди чуть не ежедневно.

Тетеревей, рябчиков, глухарей было много, равно и прилетной дичи. Наоборот, в Европейской России везде слышались жалобы на плохой пролет долгоносиков и малочисленность выводков тетеревей.

Охоту по перу я едва захватил, хотя успел пострелять более, чем во все лето. Но главное — слышались вести о большом количестве медведей во всех тайгах, окружающих Томск.

Собаки мои были без работы все лето. Дождались они осени благополучно. Здоровый вид их так и манил меня в тайгу. И самому мне хотелось уйти в привольную, могучую таежную глушь.

Общий вид моста через реку Яю

В этом году урожай ягод и кедровых шишек был обилен, благодаря чему медведи бродили в кедровниках, лакомясь орехами и малиной, растущей в изобилии по таежным буреломникам, где зверь стал готовить себе рано берлоги, но не ложился благодаря повсеместной пальбе по рябчикам и белкам.

К концу сентября тетерева не выдерживали стойку собаки, бекас попадался изредка, а за утками ездить я небольшой охотник, несмотря на их обилие. Едва ударил мороз, положивший таежную высокую траву, мешающую рыску собак, как я отправился в тайгу искать медведей.

В продолжение октября месяца убили двух — одного на воле, другой пал, едва выскочивши из берлоги, которую нашли собаки в 7 шагах от меня.

После охоты я заболел и пробыл дома около двух недель, досадуя на судьбу, приковавшую меня в городе и не пускавшую насладиться охотой и природой.

Погода стояла чудная. Промышленники ею воспользовались, убив невероятное количество рябчиков; были такие, которые взяли более 1000 штук. Белки было много, но «вышла» она поздно. Били же все более «подпаль», то есть не «вышедшую мездрой». Цена понизилась против прошлого года. Рябчика начали покупать по 17 р. и дошли до 25 р. за сотню. Но вдруг он упал 10 ноября до 12 рублей благодаря трудности отправки в Москву и Петербург. Я же полагаю, причина такого падения — громадное количество

На берлоге. Рисунок Э. Э. Лисснера

привозной дичи и стачки покупщиков, которых трое на всю губернию. Белка с 22 рублей упала на 12 р. Все эти стачки весьма ощутительно отзываются на благосостоянии промышленника-таежника и дают громадный барыш скупщикам-эксплуататорам, умеющим пользоваться удобным случаем нажить деньгу, прижав таежника.

Немного оправившись, я поплыл в тайгу по реке Яе, в деревню Пухаревку, куда меня звал промышленник Иван Титов две недели ранее.

Поехав со станции Судженки Сибирской железной дороги в Пухаревку, мимо заимки Ступникова, я слышу голос: «Погодите, погодите!» — и вижу бегущего ко мне промышленника Андрея Ступникова.

— Ну что, как дела? — спрашиваю подбежавшего ко мне охотника.

— Вам наказывали ехать в поселок Бароновский: Давыдов парень нашел берлогу, да боится, чтобы не выгнали, а сами бить боятся. Теперь без собак не убьешь, а угонишь…

— Ладно, спасибо, побываю и на Бароновке, а прежде надо узнать, в Пухаревке какие звери, — отвечаю Ступникову, приказывая ехать дальше.

Дорогой я заехал в старообрядческий поселок, живописно расположенный на крутом берегу реки Яи, быстро несущей свои чистые воды в скалистых горах, поросших хвойным лесом.

Здесь я узнал, что Иван Титов свою берлогу продал крестьянину деревни Пухаревки Антону Генчишу, который уехал за крестьянским начальником в г. Мариинск, но что пухаревский и бароновские промышленники нашли несколько берлог и ждут моего приезда; идти же удостовериться, лег ли действительно медведь, они боятся, да и не умеют, вернее сказать.

Прибыв в Пухаревку к знакомому промышленнику Генчишу, я узнал, что он три дня как уехал к крестьянскому начальнику, просившему найти берлогу.

Вскоре собрались знакомые охотники и Иван Титов, горевавший, что не я поеду стрелять его медведя и просивший сходить поглядеть еще две примеченные им берлоги. Кроме него оказалось еще трое желающих сходить со мной. Я обещал все обойти по возвращении из Бароновки, куда поехал, напившись чаю.

Снег валил, тайга шумела под напором северо-восточного ветра. Я улегся и проспал почти все 25 верст. Проснулся на крутом спуске к чуть живому мосту, сделанному на

Пороги на реке Яе

козлах. Другого подобной конструкции моста я нигде не видал. Он был сделан чиновником, хозяйственным способом.

Вскоре прибыли и в Бароновку. Поселок бедный, стройка плохая, раскинута на берегу Яи без всякого порядка и плана.

Кое-где послышался лай собак, шатающихся по воле, без всякого призора. Огней в избах не было видно, хотя было 9 часов вечера.

Лошадь остановилась у избы Давыда, деревенские собаки выскочили с лаем, бросившись на моих, которые дали им трепку. Прекратив битву, я посадил своих на цепи и вошел в избу. Боже мой, каким специфическим запахом меня обдало!

Именно «русский дух»…

Я заказал поставить самовар, которого пришлось ждать довольно долго.

Кое-как прокоротав ночь, встал рано, зажег свою свечу, приказав погасить лучину, которой здесь освещают избы вместо керосина. Положим керосиновая лампочка у них была, но без стекла, невыносимо чадила.

Пошли сборы на охоту.

Берлога находилась в 5 верстах, по объяснению Давыда, на противоположной стороне реки Яи.

Выбрались мы в 8 ч. утра. Спутниками были Давыд, вооруженный веревкой, сын его, взявший одностволку, заряженную пулькой, слитой в наперсток, и товарищ его с малопульной винтовкой.

По их уверению, берлога была в 5 верстах от деревни, но мы к ней пришли только в час дня, нигде не отдыхая.

Действительно, ход был тяжелый. Снег шел два дня, почти без остановки, и навалило его по колено, да и путь лежал по колоднику и вдоль речушки, местами не замерзшей. Воду приходилось обходить или перескакивать.

Приблизившись саженей на 30 к предполагаемой берлоге, я взял собак на сворки и передал их мужичкам, а сам осторожно подошел к берлоге, указанной мне Гаврилой, якобы видевшим в ней медведя.

Подхожу с взведенными курками к заметному бугру, но лазеи, иначе — чела берлоги, не видно.

Даю знак спускать собак, которые скачками спешат ко мне, но зверя не чуют.

Очевидно, берлога пустая.

Гаврило уверяет, что медведь тут, и устраняет отца, негодующего за «зряшную склоку».

Собаки повертелись и убежали. Парень тычет палкой в снег и находит «затычку» из сена, которой, по его предположению, заткнул чело медведь. Я зову собак.

Мишка является на мой зов, нюхает и проваливается в старую берлогу.

Оказывается, прошли даром: медведь ушел ранее нас.

— Пойдем домой, — говорю.

Все в унынии. Вдруг слышу саженях в 30 лай Собольки.

— Медведь, — говорю и направляюсь туда.

— Это на белку лает, — отзывается кто-то из спутников.

— Чудак, разве это голос на белку? — разубеждаю спутника и спешу на лай.

Парень бежит впереди меня.

Слышу отчаянный брех и вижу Собольку, делающего полукруг, а за ним громадного черного медведя…

Собака увернулась, медведь сделал несколько скачков под гору, собака догоняет его и впивается в ляжку. Медведь оборачивается на нее, принимая позу чудного рисунка художника Высотского, нарисовавшего медведя, атакуемого двумя лайками. Соболька отскакивает, а лихой Мишка, поместившись в холку, сильно подернул медведя, который, оборотившись назад, то есть лицом к берлоге и собакам, встал, издавая внушительный рев.

Собаки стоят с разных сторон на расстоянии аршина от медведя и отчаянно лают.

Гаврило пальнул, поторопившись. Медведь повернул голову к нему, обнаружив мое любимое место прицела — громадную башку.

Я взял повыше глаза и нажал спуск. Гул раздался по тайге. Я взвожу другой курок, не спуская глаз с зверя.

Дым рассеялся. Громадный медведь лежит без движения и две собаки — Соболька и Мишка, впились и замерли в медведе, третья собака лает, но не подходит близко.

Речной бык моста через реку Яю

Я подошел рядом и выстрелил под левую лопатку — для верности, но это было совсем напрасно. Медведь был мертв от моей первой пули.

Приятно сердцу охотника полюбоваться работой своих собак, вскормленных и притравленных самим, а равно слышать восхищение и удовлетворение свидетелей их лихой, удивительной работы. Громадный, черный медведь, самец, полагаю, весит более 18 пудов.

Вытащить такую тушу наличным составом в деревню по буреломнику — немыслимо. Поэтому я решил оставить его до другого дня и прислать за ним лошадей с санями, а самим идти скорее домой, чтобы добраться засветло.

Вернулись мы в пять часов. Уже стемнело. Весть о работе собак и убитом звере разнеслась по деревне с быстротою молнии, и вскоре явился ко мне мужичок, прося идти посмотреть замеченную им берлогу, уверяя, что видел большого медведя, копавшего ее.

Наутро, отправив вывозить медведя, пошел на другую берлогу. Она оказалась, как и предыдущая — пустой, хотя была окончена и устроена на сухом месте.

Должно быть, зверя подшумели охотники, промышлявшие белку, уже выкунившую.

Сделал я большой круг, надеясь увидать медведя, но напрасно: не всегда удача...

Вернулся я домой, весь мокрый от идущего без остановки мокрого снега; напился чаю и поехал домой, то есть в

Пухаревку, приказав везти убитого медведя на станцию Судженки.

Прибыв в Пухаревку (25 верст от Бароновки), я узнал, что крестьянский начальник не приедет, и берлогу предложили мне — за 30 р. с вывозкой на станцию.

Кроме этой берлоги звали меня еще на 8 берлог, которыми я обещал заняться с 12 ноября, так как тотчас ехать не мог, имея срочное дело 11 ноября в Томске, куда и потащился по убродной дороге до ст. Судженка, 18 верст.

Благополучному результату охоты я обязан собакам: не будь их, мы ушли бы, не зная, что медведь лежит в 30 саженях. Только собаки задержали зверя.

На неделю еду опять в Судженку на р. Яю с целью обойти берлоги.

г. Томск,

ноября 11 дня, 1894 г.

III

Почтенное семейство

23 октября 1899 года я вернулся домой с нелюбимой охоты — бойни тетеревей на чучела.

Не люблю эту охоту, как охоту, но с компанией ездить весело. Кто любит общество, да если еще выдастся хороший лет, тихая заря и присадистое место, где устроют балаган (шалаш), тот получит удовольствие.

Чучела ставят головой к солнцу, смотря по времени дня, на восход или закат.

Разумеется, не мудрено убить из шалаша сидячего тетерева в 25–30 шагах.

Повторяю, эту охоту я не люблю благодаря массе случайностей, часто неблагоприятных, а главное, результат охоты зависит не от себя самого, а от хороших конных загонщиков.

Мастера из мужиков есть, но большею частью плуты или лентяи.

Пассажирское здание станции Черемошники

Мне в этой охоте как-то не везет, да и прелести в ней нахожу мало. Вспоминаю мудрое изречение старика-охотника: «Один дурак сидит, другой дурак летит, а умный гонит», то есть охотник сидит, тетерев — летит, умный загонщик — гонит. И это совершенно верно.

Итак, возвратился я домой, убив 9 тетеревей-косачей и одну тетерку, что по томским охотам мало.

Убивают компанией человек в 5 по 150 штук в две, три зари. Мне приблизительно даже не приходилось убивать столько.

В тайге теперь для медвежатника тоже не радость: рябчика в массах стали закупать на Москву по цене 70 к. пара. Всякий старый и малый идет в тайгу стрелять и гонять смирную, доверчивую птицу. Есть промышленники, которые убивают по 2 000 штук в сезон, с 15 сентября по 1 марта.

Пальба по тайге стоит со всех сторон неумолкаемая, а медведю пора ложиться. Только приготовит он берлогу — недалеко выстрел, медведь услышит и уйдет. А то охотник увидит приготовленную берлогу, подойдет поглядеть — пустая: еще не лег. Наделает следов бродням на выгребе. Медведь, придя ложиться, учует и не ляжет.

В хорошую, длинную осень, когда бывает много рябчика, часто находят берлоги и большею частью угоняют зверя.

Снег выпадет, поедут охотники-зверовщики на замеченную по гону берлогу, а она пустая: «Был да слез».

24-го октября приезжает ко мне молодой парень из Чулымской тайги верхом и говорит, что вчера он наткнулся на берлогу, слышал, как зверица «рюхала» и молодые «ворчали». Кругом во многих местах дран мох. Просит ехать сейчас, а то сгонят.

Мужика я этого не знал, хотя был у его отца на пасеке с лесничим г. Подгурским: тоже на берлогу ездили, да неудачно — пустая оказалась.

Это было лет восемь назад. Я спрашиваю: «Кто тебя ко мне послал?» Говорит: «Г. Ковригин да соседние таежники. Приехал к вам, наслышавшись о ваших собаках, а без собак ничего не поделаешь — медведь в берлоге не один».

Александр Евграфович Ковригин, бесспорно, лучший медвежий охотник из Томского общества правильной охоты. Держит он типичных сибирских лаек, но как они берут медведя — не знаю, то есть лично не видал и не слыхал.

Почему, думаю, он не поехал сам, а послал ко мне? Странно. Разве не доверился пасечнику и не рискнул ехать за 70 верст по отвратительной дороге и найти пустую берлогу? Ну, думаю, куда ни шло: все равно другой охоты в виду не было, да и на собак надеялся, что не отпустят медведицу с берлоги; повалить бы ее, а с молодыми управиться легче.

Сторговал я берлогу за 30 рублей и сказал, что 25-го утром выеду и к вечеру буду на пасеке, чтобы охотиться 26-го. Парень у меня пообедал, сел на коня и ускакал.

Вымыл и вычистил я свои ружья, разумеется, главного своего старика — шомпольную двустволку Lecler'a, да централку трехствольную Штурма. Для мужика взял охотничью берданку с очень верным боем. Ножишко поточил, все собрал; велел собакам приготовить корму на три дня, осмотреть охотничью телегу, лошадей и все прочее, чтобы рано утром выехать.

25-го в 5 часов утра встал, разбудил людей и выехал в 7 часов утра. Заехал по дороге на базар зачем-то и в девятом часу был уже в «Черемошниках». Это крепкий кустарник, начинающийся от пристаней, тянущийся по берегу реки Томи, вплоть до реки Киргизки, впадающей в р. Томь, при впадении которой на крутом берегу расположена монастырская заимка, на месте прежнего «городища» или «острога», построенного казаками Ермака, первыми русскими пионерами Сибири.

Пристани по р. Томи остались сзади. Езжу я большею частью один, без кучера и товарищей. Так и теперь. Собак с собой взял двух — старую бывалую, всю изодранную медведями, суку Дамку и молодого, по второй осени кобеля Барсука, сына Дамки, злобы, легкости и смелости необычайной. Посадил их с собой в телегу на смычке.

Переехав речку малую Киргизку, собаки, увидев лес, стали рваться и выть. Мне это надоело, и я их спустил.

Проехав саженей 200 от пристаней, смотрю, лошади стали настораживать уши — ехал я на паре. Только подобрал

Пожар тайги

вожжи, как из кустов выскакивают два оборванца. Один высокого роста, давно бритый, схватывает коренника за подузцы. Лошадь шарахнулась, ударив оборванца запрягом, сшибла его, а я дернул влево. Пристяжка подхватила, и лошади понесли бешеным аллюром по кустам.

В это время другой оборванец выстрелил почти в упор, но не попал. Лошади помчались к берегу, я же, ухватясь за грядки телеги, едва удержался, чтобы не вылететь: надо было держать ружья, корзину с провизией, да, главное — не выпустить вожжи из рук. Преследовать меня бродяги не решались.

Подскакав к берегу реки Томи, я осторожно свел лошадей с крутизны на дорогу и поехал к монастырской заимке, расположенной на пути к деревне Белобородовой. Смотрю, у коренника кровь на передней левой ноге, около копыта. Я соскочил, начал глядеть ногу, но ничего не было видно, а с живота капала на дорогу кровь. Ну, думаю, беда, заряд попал в живот, не добежит лошадь, а ехать надо около 3-х верст до Белобородовой. Оказывается, выстрел направлен был мне в спину, но пролетел от меня в дюйме расстояния и попал в левую заднюю ляжку коренной лошади, причем несколько картечин прошли вскользь за кожей по животу.

Я доехал до Белобородовой, заявил о всем случившемся сотскому, с которым отправил лошадь в Томск к исправнику, а сам, наняв коня, уехал в тайгу, куда и прибыл благополучно вечером 25 октября, как обещал.

Меня ждали парень, нашедший берлогу, и его брат, оба не бывавшие на охоте по зверю. Они заявили, что ни за какие блага не пойдут на охоту, а поглядеть желали бы.

Оба — ребята здоровенные, старообрядцы и не трусы, как потом оказалось; тут же еще был старик, тесть одного из них, тоже старообрядец, когда-то охотник, не один раз хаживавший на медвежью охоту.

Я им повторил то же, что и в Томске продававшему мне берлогу: покажите мне рукой, где берлога, а помощников мне не надо, кроме собак; их же доведите на сворках.

Поужинал, выпил водочки, улегся на чистую, хорошую постель, но заснул не скоро: все думалось, как это Бог меня спас от негодяев. Ведь какой-нибудь вершок и конец, и на охоту бы не поехал! Почитал на сон грядущий "Les Morticoles", развлекся легкой французской речью и заснул.

Встав рано, разбудил хозяев, напился чайку, живо собрались и отправились.

Я, старик и два брата Ковешниковы — Иван и Федор.

Собаки мои бежали вольно.

Проехали верст 15 отвратительной таежной дорогой. Наконец, Иван, младший брат, говорит: надо здесь оставить лошадей, пойдем пешком, до берлоги осталось всего с версту.

Заехали в сторону от дороги, отпрягли лошадей, привязали к телеге; собак поймали на сворку, я переоделся,

взял свою шомпольную гранатку Lecler'a, Ивану дал трехстволку, старик взял берданку, а Федор Ковешников взял топор, веревку и собак, причем все повторили, что на берлогу «хоть озолоти — не пойдут».

Пройдя с полчаса, Иван и говорит: «Недалеко»; потом указывает место, где он стоял и слышал медведицу и зверят.

— Где же берлога? — спрашиваю я.

«Там», а где там? Оказывается, не знает. Смотрю, действительно, мох дран, есть и заломы* (* Заломы и драный мох — верные признаки близости берлоги. — Примечание автора), берлогу же Иван, очевидно, не видал.

Плохо дело, зря, думаю, проехал. Барсука оставил мужикам, а Дамку взял с собой и пошел по указанию Ивана, где он слышал рев. Прошел саженей 20 — ничего не видать; бросил палочку по направлению предполагаемой берлоги и спустил Дамку, она бросилась, сунулась под выворот — ничего нет.

Выскочив, ощетинилась, хвост вертит калачиком. Поднявши голову, повела нюхом, бросилась в сторону. Пробежав саженей десять, «запела» и скрылась, очевидно, нашла берлогу.

Медведица рявкнула. Смотрю, собака пулей выскочила назад, зубы оскалила и как-то особенно рычит, стоя у «хайла». Кричу: «Спускай Барсука!», но тот вырвался и несется к Дамке на помощь — подбежал и я. Собаки обе в берлоге,

i *На медведя. Рисунок Б. В. Зворыкина* ×

и там идет возня, слышу рычанье. То выскочат обе собаки — это их медведица «понужнет», и станут у хайла, заливаясь ожесточенным лаем, то обратно бросятся в берлогу.

Я стою в пяти шагах, жду «самое», но не выходит. Это повторяется несколько раз: забьются собаки в берлогу, щиплют, беспокоют почтенное семейство; медведице надоест и она на них пыхнет, те выскочат, но вылезти ей не дают, стоя на выгребе, неистово лая и рыча. Она покажет голову и назад.

Мужики осмеливаются подойти ближе.

— Неохота, знать, на свет Божий показаться зверюге-то, — говорит Иван. — Как вы ее добывать-то будете?

Я сказал, чтобы вырубили жердь. Это было исполнено немедленно.

Взял я жердь и засунул в берлогу; левой рукой ворочаю, а в правой держу ружье наготове. Собаки шумят в берлоге и все-таки не дают выскочить медведице на волю, то есть она и выскочила бы, да детей жалеет, бережет.

Вижу, если так будет продолжаться, собаки зарьяют, устанут, и при малейшей оплошности медведица задернет к себе собаку. Тогда я лег на небо берлоги, поймал сначала Барсука за куцый хвост, вытащил его, отвел мужикам держать, потом Дамку тем же манером выручил. Медведица все не выходит. Делать нечего, опять жердь на сцену, только запустил ее в берлогу и ткнул во что-то мягкое, как медведица откусила, как обрезала, конец жерди. Я опять.

Медведица, особенно рявкнув, бомбой вылетела, раскрыв пасть, оскалив зубы с приложенными ушами. Только я бросил жердь, вскинул ружье, как обе собаки, вырвавшись, вплоть подскочили к зверице. Она вснлыла (то есть начала подниматься на задние лапы — на дыбы) и тотчас грохнулась: ждать в четырех шагах такого зверя некогда. Собаки бросились к ней, но, видя вылезавшего лончака, схватились с ним. Из другого ствола я и этого уложил, а зверица еще жива — ревет. Скорее зарядил левый ствол. Я всегда первый выстрел по медведю делаю из левого ствола. Взял пистон, взвожу курок, глядь — капсульки нет: должно быть, переусердствовал и вырвало большим зарядом. Тем временем смотрю, второй лончак из берлоги лезет. Собаки на него. Барсук два раза в «дыбки» брал зверишку. Пока я зарядил другой ствол, — с шомпольным ружьем это не скоро делается, — собаки не спустили медведя, но третий лончак, видя, что никого у берлоги нет, дал тягу. Старик по нем выстрелил, но не попал. Зарядив, наконец, ружье, я пристрелил зверя, которого вскруживали собаки, и насилу оторвал от него рассвирепевших псов, навел на след убежавшего медвежонка, по которому стрелял старик. Почуяв след, собаки пулей пустились за утекавшим, скоро догнали, и пошла опять потеха, старик убил и последнего. Я же с Иваном хлопотал, как бы надеть веревку и привязать медведицу, в чем и успели.

Один конец толстой веревки, которой вяжут воза с сеном, я привязал к дереву, а другой с петлей накинул на нее. Вот, когда она ревела, ярилась и даже схватила меня за ногу, но все-таки я ее не стрелял другой раз, а кончил ударом ножа под лопатку.

Картина получалась незаурядная: стащили четырех медведей в одно место. Собаки лежали, растянувшись. Братья Ковешниковы смотрели победителями. Особенно рады были первый раз бывшие на медвежьей охоте и говорили: «Ни ча не страшно! Только жутко было, как она с дыры-те полезла да рюхнула. Ажено волос учал шапку с головы подымать».

Я же выпил на крови за удачное поле штучки четыре и еще более убедился в прелести милой моему сердцу охоты со зверовыми собаками: здесь вся удача зависит от себя, да от собственных, тобой же натасканных собак, а на облаве вы пешка в руках окладчика, да разных «ершей», «крыловых», мало того, каждого загонщика, которому вздумается заорать не вовремя.

Подвели лошадей, навалили в телегу медведицу и трех лончаков* (* «Лончаком» зовут в Сибири молодого, по второму году медведя. Слово это происходит от прилагательного «ланской», то есть прошедший; ланской год — прошедший год; «лонись» значит в прошлом году, лончак — в

прошлом году рожденный медведь. — Примечание автора) и повезли на пасеку, а я уехал верхом.

На другой день перед вечером я вернулся в Томск, встретив дорогой исправника, К. А. Попова, который, полюбовавшись на четырех убитых медведей, мирно лежавших у меня в телеге, сообщил, что лошадь мою привезли и отправили в ветеринарную школу. Делали облаву на бродяг, укрывавшихся в болоте близ Черемошинской пристани, и задержали около 75 человек. Хотели разыскать меня, но, увы! — никто не мог сказать, куда я уехал, и теперь он рад видеть меня, бывшего на волосок от смерти, живым, здоровым да еще с такими трофеями охоты. Может быть, найдется время рассказать много случаев, бывших со мной и при мне на медвежьих охотах, на которых единственной причиной успеха и главными помощниками были мои добрые собачки.

Жаль только, что мало хороших, злобных собак, берущих медведя в угон, то есть преследующих его по следу (молча) и затем останавливающих (когда собаки зверя остановят, тогда они начинают лаять). Зверовая собака идет по медведю, сохатому, оленю, росомахе, рыси, соболю. Об этой последней охоте я прежде лишь слыхал, но благодаря страшным лесным пожарам в 1900 году, опустошившим Нарымскую, Енисейскую тайгу и Тарские Васюганские мурманы, соболь подался к Томску: осенью

Серые лайки. Известный медвежатник А. Н. Лялин

его много было по рекам: Иже, Чае, Шигарке, притокам реки Оби, где мне удалось охотиться по соболю, которого можно взять только с хорошей собакой. Хорошая собака ценится дорого — до 200 р. Жаль, нет и охотников, ведущих породу зверовых лаек, столь необходимых для дельного, самостоятельного медвежатника.

Далеко не всякая породистая сибирская лайка берет хорошо медведя, сохатого, идет за соболем. Росомаху ни одна собака не возьмет, то есть собака ее скоро догонит, остановит, но росомаха ляжет на спину, поднимет лапы кверху, и какие бы злобные собаки не были, они ограничутся ожесточенным лаем и рычаньем. Говорят, росомаха испускает специфический запах, а мне кажется, что она удивительно ловко действует лапами с острыми когтями; форма ноги у нее положительно медвежья. Длина росомахи около 1½ футов. Зверек не велик, а едок (* В свою охотничью жизнь я убил всего шесть росомах и только одну с дерева, всех же остальных лежачих на спине из-под собак. — Примечание автора). Рысь гораздо больше росомахи (некоторые породы — болотная с более грубой шерстью с едва видными шашками, и боровая). Последняя гораздо светлее первой, шерсть у нее нежная, пушистая, с очень красиво пятнами расположенной шашкой. Собаки ее берут как домашнюю кошку, одно спасение — на дерево.

Простите, уважаемый читатель, за удаление от рассказа.

Когда сняли шкуру с медведицы и подвесили, туша имела вид сплошного куска сала, мяса нигде не было видно, до того была жирна. Весила 13 ½ пуд.

Моя пуля попала ей в грудь; перебив грудину, порвала пищевод, раздробила два позвонка и, переменив направление, пошла по салу к холке; пройдя пять вершков в сале, остановилась, не дойдя до шкуры на ½ дюйма и образовав на чистом, белом сале кровоподтек.

Вот почему медведица не могла действовать лапами.

Велик медведь — мишень порядочная, а убойного места немного. Бесспорно, лучший выстрел в висок, но не всегда удается целить по виску.

Другое место — под лопатку, но надо хорошо знать тело зверя, чтобы пуля попала в сердце, тем более на ходу, а если угодить мимо сердца, то раненый зверь может наделать достаточно беды, даже с пробитыми легкими и двумя-тремя переломленными ребрами.

Третье — выстрел в шею кладет медведя, лося, оленя на месте. Четвертое место — в грудь, против спины или в спину, если пуля пересечет позвонки. Хотя зверь тогда не умирает моментально, но и не владеет лапами, а следовательно, лишен возможности сломать охотника. От лобовой раны зверь падает сразу и делает только одни конвульсивные движения.

Все остальные раны по заду, животу, даже печени и легким, хотя могут быть смертельными, но лишь благодаря потери крови. Ослабевает зверь через два-три часа и долее. Самым же опасным становится, когда он сильно ранен.

По глубокому снегу

Зима 1900 года в Сибири началась сильными морозами, превышающими 30˚ по Реомюру.

Снегов было порядочно. Осень стояла долгая, и рябчика в тайгах около Томска было много. Таежники-охотники начали стрелять его с 8 сентября (Рождество Богородицы), повсеместной пальбой часто сгоняя медведей и мешая им приготовить берлогу, так как медведь готовит себе берлогу «по голу», если только он не гонный. Случайно промышленники часто натыкались на приготовленные берлоги, а позднее, то есть в конце сентября и в октябре, сгоняли медведей, легших в берлогу, но лежавших большею частью «на слуху», так как в берлоге жарко. Вот одна партия молодых охотников в шесть человек из деревни Таловки по реке Яи, Судженской волости, Томской губ. и уез. наткнулись на выкопанную, свежую берлогу.

Задумали и порешили самим добывать медведя. Вернулись домой, зарядили винтовки большими зарядами

Охота на медведей с лайками в Сибири

и отправились все шестеро вместе. Собак не было. Подходят к берлоге, глядят — зверь тут лежит; на общем совете положили «заломить его». Сибиряки заламывают медведя следующим образом: вырубают две «островины» — жерди с отрубленными на четверть и менее сучками; двое из охотников подходят с двух сторон и одновременно всовывают в берлогу островины, так что в хайле берлоги получается крестообразное пересечение островин. Сучья не дают возможности медведю ни вытолкать, ни раздвинуть островины, чтобы вылезти медведю наружу, но отверстие для ружья найти можно, в него-то и палят немвроды, пока «не уходится» медведь — убить его не трудно, вылезти он не может, а к свету показывает голову, в которую и стреляют. Если же успеют засунуть островины, но медведь лежит смирно, тогда третьей жердью тыкают в берлогу, стараясь раздражить медведя, в чем и успевают. Но в данном случае вышло иначе: только двое охотников подошли к берлоге, как медведь стал вылезать; вид он имел внушительный. Охотники моментально дали тягу, кто куда успел. У одного Алексея, новоприбывшего из России, был на спине мешок с сухарями; несчастный бросился в густой ельник, мишка за ним — да и схватил за мешок с сухарями; дернул к себе, мужик упал, а сухари рассыпались. Мишка остановился, удивился и ушел; никто по нем так и не выстрелил.

Вот этой-то компании удалось еще найти берлогу, на которую они идти не решились, а сочли более выгодным продать мне.

Осенью я охотился на Чулыме и довелось ехать зимой 10-го января 1900 года.

У меня есть приятель Н. И. Еренев, молодой охотник с очень покойным, ровным характером — одно из лучших качеств для всякого охотника, зверового в особенности. Я ездил раз с ним на берлогу, но неудачно, а ему хотелось посмотреть на эту охоту, и вот я его пригласил на нее. Выехали мы из Томска до станции «Тайга» по железной дороге. Взял я с собой две пары лыж, два ружья, разумеется, шомпольное Lecler'а гранатку и трехстволку Штурма, а также трех собак: кобеля Барсука, сестру его Холерку и мать их Дамку. От станции Тайга до деревни Таловки 17 верст. Приехали вечером, уговорились идти рано утром.

На другой день мороз сильный, градусов 25, полагаю, не менее. От деревни Таловки до берлоги, по уверению окладчиков, было верст 8, из коих около трех верст можно было проехать на лошадях, а остальное пространство идти на лыжах, так что я предполагал быть у берлоги самое позднее в 11 часов, если выйдем в 8 часов утра, чтобы пройти в вершину реки Чалы, где была еще с осени замечена другая берлога, в десяти верстах от первой.

Спутник мой Н. И. Еренев хороший стрелок, отличный конькобежец, человек высокого роста, сложен атлетически,

но на лыжах не ходил. Я ему уступил свои лыжи, отянутые оленьими кисами. Самые лучшие по легкости и прочности лыжи считаются подбитые кожей, снятой с оленьих ног осеннего промысла; сохатинные, то есть лосиные кисы, употребляемые на лыжи, — толсты, тяжелы и не так прочны. Можно подбивать лыжи также жеребковыми, телячьими ногами, но они скоро прошаркиваются и в теплую погоду намокают, что крайне неудобно.

Беда была моему спутнику при спуске в лога: покатится он сначала хорошо; чем дольше катится, тем скорость увеличивается, и в конце концов ноги разъезжаются и со всего размаху — он падает в снег; лыжи закопаются в сугроб, ноги хотя сильные, молодые, здоровые, но когда переплетутся лыжами, не скоро освобождаются, и нужна посторонняя помощь. Я или кто из крестьян помогут ему встать и опять едем одной лыжницей, до первого спуска, а там опять «бух», и подымается; но замечательно терпеливым характером обладал мой молодой товарищ; другой на его месте стал бы сердиться, а он нисколько, только спрашивает: скоро ли будет берлога?

День морозный, ясный, солнце освещает розовато-золотистым блеском верхушки таежных гигантов. Особенно хорош вид представляют могучие кедры, крупная хвоя которых на верхушках образует пучки (завязь, озимь, будущие шишки, содержащие кедровые орехи); в эти пучки набивается снег, образующий самые разнообразные формы

тюрбанов, гусарских султанов, помпонов и проч., и все это блестит или рефлектируется сильными тенями, около же нас, внизу, темно, холодно и удивительно тихо: тайга вся оцепенела, скованная продолжительной, суровой зимой. Нет ни рябчика, ни тетерева, все это спит, прячется от мороза, делая себе в снегу норку. Белка, свернувшись клубочком, покрыв себя широким, пушистым хвостом, лежит в гайне, не помышляя морозить нежные ножки, только изредка увидишь след беляка: зайчишка всю ночь бегал, грелся, глодал осинку, единственный питательный суррогат зайцу зимой в сибирской тайге. Только мы одни нарушали тишину величавой сибирской тайги своим шествием. Идем по лесу одной лыжницей. Чуть выйдет полянка, давай гоняться, греться. Как кто очень заторопится, глядь, «редьку закопает», смех — встанет спортсмен, весь в снежной пыли, с красным лицом, а иногда белым носом или щеками. Давай оттирать замороженное тело снегом: клин клином вышибай. Самое простое и верное средство, если белый нос после натирания снегом сделается красный, стало быть, болеть не будет. Мороз был градусов в 25 или больше.

Мои собаки прежде рыскали, а потом суки, обе щенные (через 10 дней ощенились), брели сзади. Барсук неугомонно рыскал и шарил под выворотами, валежинами, желая найти себе развлечение, но все его поиски были напрасны: все заковано морозом, спряталось — спит и мерзнет.

Компаса я не имею, хорошо ориентируясь в тайге по солнцу, коре, сучьям и проч. охотничьим приметам, верно указывающим север и юг. Прежде мы держались на юго-восток, потом стали брать все южнее, перебрались через два лога, и вдруг солнышко стало у меня позади, а время 11 часов. Говорю: «Не так, ребята, идем». С нами был сметливый таежник Михаил Иванов Черепанов. Он задумался. Вижу по умному лицу, что и он убежден в ложном направлении, но наш колоновожатый, тот самый злосчастный Алексей, которого медведь тащил за мешок с сухарями, уверяет: «Так, верно идем».

Я спрашиваю, в каких вершинах он нашел берлогу? Он говорит: к Чаламе (это таежная речка, впадающая в р. Яю).

— Да где Чалы-то?

— Эвано, — и показывает на запад.

— А где линия железной дороги? — продолжаю допрашивать, видя, что парень запутался и врет.

— Вестимо тута.

— Ну, — говорю, — ты совсем сбился, да ведь к линии идти надо левее.

Но Алексей утверждает, что берлога от «визирки» пути, просеки землеустроительных партий, на 30 сажен. В таком случае надо резать на линию железной дороги, где ни то должны пересечь «визирку», которая выходит на полотно железной дороги. Все со мной согласились, и мы стали держать путь к Чаламе. Ход был тяжелый, все ломь

и коряжник и частые лога. Милейший Николай Иванович приуныл, да и устал; но идти надо. Наконец, действительно, мы вышли на «визирку», так сильно жданную.

— Ну, теперь далеко ли? — спрашиваю провожатого Алексея.

— Нет, близко, — а часы показывают 2 часа.

Молчу, а сам себе думаю: плохо будет, не минешь ночевать в лесу.

— Да хоть бы до берлоги-то добраться засветло.

Опять пошли. Прошли верст 5, и все еще нет берлоги.

— Да где же твоя берлога? — с подобающим жестом спрашиваю Алексея.

— А вот, как дойдем, так тутотко и будет, — отвечает новоиспеченный промышленник.

Николай Иванович захотел есть, да и привал пора было сделать.

Мы остановились, из нарт достали закуску, водочку, разложили «теплину», огонь.

Черепанов же с Алексеем пошли просеком вперед узнать, далеко ли берлога.

Привал оказался неудобен: Николаю Ивановичу мороз давал себя знать, вся закуска замерзла, водка холодная, как лед. Сначала было не холодно на ходу, устали, согрелись, а как стали остывать, посидев немного, ну, и беда. «Простудиться недолго, — говорит мой товарищ, — я пойду домой». Мужички тоже стали клонить к дому, но мы

сделали около 25 верст, где же ночью брести домой по тайге, на лыжах, просто немыслимо. Начинаю уговаривать, а солнышко садится, хотя его и не видно, но багровый цвет заката и «уши» морозного январского вечера указывают Запад.

Николай Иванович встал во весь свой богатырский рост и говорит:

— Вы как хотите, а я иду домой, — компаньоны у него нашлись.

Но вдруг собаки бросились, залаяли, мы схватились за ружья.

Николай Иванович увидал возвращающихся разведчиков.

Подбегает Черепанов, весь в поту, и говорит:

— Здесь, недалеко, 1 ½ версты по землемерным знакам.

Николай Иванович воспрянул духом.

— Идем, — говорит.

Товарищ отличный — живо взяли ружья, топор, оставив нарты на месте, и бодро побежали по проторенной лыжнице. Солнце село. Прошли более версты очень быстро. Смотрим: Алексей, остававшийся на «мете», с глупо-торжествующим лицом встречает нас.

Собак держим на сворках, говорим шепотком. Я отдаю Николаю Ивановичу своего старика Lecler'а, Черепанову даю берданку. Спрашиваю Алексея: где «мета»?

— Эвот-ка.

Удачная охота.
Рисунок А. Н. Комарова

Действительно, в небольшой елке, под ветками, пучок травы, завязанный им осенью.

— Берлога-то далече?

— Нет, еще две «завязи», тут и будет, под березой, всего саженей 30, не более. А все держитесь прямо.

Тихо, соблюдая все предосторожности, пробираемся по глубокому снегу. Иду, а сам думаю: просто сумасшествие делаю, почти темно, снег глубок, собакам ходу нет, суки щенны, надо бы оставить до утра, но и мыслить нельзя. «Давай зверя» — разгорелось охотничье сердце молодого охотника, а я, старик, если бы был без Еренева, оставил бы до утра охоту. Темно. Первый выстрел обещал Николаю Ивановичу, ну, как не по месту угодит, да зверь большой — всяко бывает.

Делать нечего, пошли — я с Черепановым впереди, остальные сзади. Собаки на сворках шарили-шарили, нашли другую «мету», отойдя с просеки не 30 саж., а 75, если не более, третьей «завязи» нет.

Я и туда, и сюда — нет. Стало совсем темно. Н. И. с таежниками отстал, а я спустил собак и начал «крестить», то есть возьму направление то правее, то левее, удаляясь от просеки — смотрим с Черепановым под елками берез, и звания нет — все хвоя.

Собаки как бы догадались, что зверя ищем, давай рыскать, но только могли прыгать по глубокому снегу. Мне

досадно, стыдно, да и жаль милейшего товарища, второй раз со мной идущего и так неудачно.

Гляжу, Барсучок, прыгая, несется мимо меня, почти весь увязая в снегу, и со всех ног — нырь под коряжину, и залился ожесточенным брехом. У меня так мурашки от радости забегали по спине. Суки несутся к нему, и все сразу в берлогу. Медведь ревет, собаки рычат, идет борьба неописуемая. Кричу: «Здесь, сюда… Николай Иванович!»

Торопясь, прибегает весь ликующий Николай Иванович и с таежниками, сопутствоваемыми мною, побуждаемые желанием посмотреть на моих собак, о которых идет слава по Томским тайгам.

Все, что буду описывать далее, вызовет у многих гг. охотников недоверие, но, быть может, г. Еренев сам подтвердит мой рассказ всем читающим уважаемый охотничий орган Императорского Общества правильной охоты — «Природу и Охоту».

Я начал писать свои записки по просьбе приятелей-охотников и не пишу рассказ, а передаю воспоминание о моих охотах с зверовыми собаками, этой чудной охоты, малоизвестной большинству охотников.

Собрались все на мой зов, слышим возню в берлоге, собаки все три там. Вдруг глядим: Барсук пятится задом, упираясь передними ногами и отседая на задние; таким аллюром он показался у хайла берлоги, ухватив медведя

в щеку, но это было мгновение, медведь вырвался, и опять в берлоге слышна война. Слава судьбе, медведь двухгодовалый, возьмем без особого инцидента собаками. Я кричу: вязать — возьму живьем, но веревок не оказалось.

Через несколько времени та же картина: Барсук выпятился назад, держа медведя за морду, Дамка и Холерка поместились в уши, медведь, видя нас, ринулся вперед, сбросив собак, но был тотчас принят разозлившимися моими друзьями-собачками, которые стали положительно вертеть медведя. Смотрю, Николай Иванович и Черепанов целятся, я с ножом в руках, как повар над цыпленком, кричу: «Осторожней, не задень собак», которые положительно как «осы», по выражению Черепанова, «липли» к медведю. Охотники пришли в неописуемый восторг, видя злобу и прием собак. Николай Иванович улучал удобный момент выцелить, чтобы не задеть пулей собаку, наконец, выстрел «ахнул», осветив ожесточенный бой в темноте, и собаки впились в бездыханный труп юного бойца, много поранившего собак, но ни одна не взвизгнула во все время битвы. И как это медведь их не ломает, понять не могу. Единственная причина — дружность, смелость, легкость, злоба и практика.

Еренев убедился, что значит охота с собаками. Не будь их, мы бы берлогу не нашли, так как она оказалась не в

30 саженях от «визирки», а в 150, приметы же премудрый Алексей затерял и с осени позабыл.

Чучелу сделал из этого медведя Н. П. Кайдалов, страстный и дельный охотник по перу и любитель; работы он свои довел до совершенства, не уступая знаменитым московским препараторам гг. Лоренцу и Бланку.

Снимая шкуру, он был удивлен разрушению, произведенному жеребьем в 22 золотника из моего старика Lecler'a. Такого разрушения желательно от любого новейшего экспресса фабрики Lebeau.

Да простит терпеливый читатель мое удаление от описанной охоты.

Медведь убит, труды наши не пропали даром, собак оторвали от их жертвы, но ночь брала свои права, надо думать о ночлеге. Мороз крепчал, возвращаться домой, то есть в деревню Таловку, немыслимо, надо ночевать в тайге. Люблю эту ночевку, но юному моему товарищу, не бывавшему зимой в лесу, вряд ли покажется зеленое ложе* (Употребляю выражение зеленое ложе зимой, и зеленое ложе — парадокс, но действительно, постель делается из зеленой хвои, положенной на снег. — Примечание автора) под звездным небом приятным.

Решили ночевать на первом привале, где бросили нарты, а медведя подвесить повыше, чтобы не достала росомаха и колонок; ночью же везти по тайге неудобно неснятого

зверя, да и народ позамучился, шатавшись и плутая зря весь день. На утро же я решил идти на другую берлогу, замеченную осенью этими же охотниками в расстоянии 12 верст (это таежных, то есть таких, которые потоньше, кривее да длиннее). Медведя всем миром подняли за задние лапы и подвесили на ели головой вниз. Сами же живо дошли до ночлега. Развести костер — минутное дело; выпили водочки, разогрелись, разговорились.

Николай Иванович все спрашивал Алексея, как медведь отнял у него мешок с сухарями, и Алексей каждый раз с глупой рожей повествовал свои страхи, как он, увидя выскочившего медведя, бросился в густой ельник, а медведь его поймал за мешок с сухарями, привязанный на спине, и дернул к себе, но счастие его заключалось в непрочности лямок, они оборвались, сухари просыпались. Алексей летел кустами, а Миша изумленно поглядел на пустую торбу, плюнул и ушел в другую сторону.

Когда закусили холодной закуской, поспел чай. В котле воду довелось добывать, тая снег, так как воды близко не было; напились чайку, наварили сосисок, и я улегся спать на пышную мягкую, ароматную, зеленую постель.

Товарищу моему приготовили таковую около костра, сделанного из 5 верш. сухих бревен кедровых, осиновых или березовых, складенных в два сутунка по 4 арш. длины рядом и один наверх, тоже вдоль. Горит такой костер

долго, ровно и тепло, кто привык. В тайгу идя, настоящие охотники всегда берут нарты, на которые обязательно кладется поперечная пила, топор, веревки и провизия, котел, чашки, запасные ружья, так как рябчика, белку стреляешь из мелкокалиберной винтовки.

Я, как лег, так и захрапел, хотя был одет в вершницы и охотничий пиджак. На Николае Ивановиче была теплая охотничья лисья шубка, покрытая драпом, высокие валенные сапоги и все остальное теплое; думаю себе, человек молодой, здоровый продюжит, но оказалось, он всю ночь не спал, то чай грел, то сосиски варил или подкладывал дров в огонь. Мужики спали сначала крепко, но мороз их тоже стал пробирать, и они просыпались, ворочались, ежились, некоторые дивились на мой непробудный сон. Ночь долгая: где проспать всю, озябнешь немного, повернешься к огню, смотришь, Николай Иванович чаек попивает или хлопочет около костра.

— Да что вы не спите, поди устали? — спрашиваю я, а он с изумленным лицом вопрошает:

— Я дивлюсь, как вы-то можете спать в такую стужу непробудным сном — досадно храп ваш слышать.

Повернешься на другой бок и опять спишь.

Алексей одет был в длинную вытертую шубу, мороз его пробирал до костей, он все «крючился», «дуги гнул» у огня и чаще других просыпался. Слышу впросонках

Николай Иванович заливается добрым, симпатичным смехом. Алексей же в 15 раз повествует рассказ о медведе и рассыпанных сухарях из разорванной торбы.

Чуть стало зариться (это около 7 часов утра), все встали, напились чаю, уложили все и отправились за медведем, которого уложили в нарте и по старой лыжнице довезли до торной дороги, где нас дожидалась лошадь. Я хотел из тайги же сходить на другую берлогу, но мой товарищ пожелал скорее домой, действительно, две ночи не спал, да и мужички что-то не очень тянули, и наотрез отказались.

Прибыли в деревню Таловку в 11 часов утра, я выпил «с устатку» и в ожидании лошадей прилег рядом на одну постель с Николаем Ивановичем, быв уверен, что он, измучившись и не спав две ночи, уснет богатырским сном. Мне же лично поспевать к денному поезду не хотелось: время оставалось мало до отхода, ехать надо 25 верст, жаль собак, ибо две суки щенные сильно измучились за два дня, а тут бежать еще 25 верст, да и сам я после охоты люблю отдохнуть. Но каково же было мое удивление: просыпаюсь, смотрю, темно, ощупываю рядом, товарища нет; слышу много голосов в соседней комнате, вижу огонь, стало быть, уже вечер; здорово, думаю себе, я спал. Кричу Черепанова, является его супруга, здоровая, дородная, красивая баба-старообрядка с лампой в руках.

Спрашиваю:

— А где же мой товарищ?

— Уехали к денному поезду, вас пожалели будить, да вряд поспеют.

— А что это у вас за народ собрался, по какому поводу?

— К вашей милости.

Я оделся, вышел, оказывается, собрались мужики-охотники просить меня продать им одну из щенных сук; деньги какие угодно, но я отказал, а щенков им обещал, что и исполнил. Оставил себе пару — Мишку и Волчка, которые прошлой осенью, то есть в ноябре, быв 10-месячными, брали трехгодовалого шатуна идеально, так что после битвы у Мишки оказалась страшная хватка: переносица была разворочена до хряща, он же первый напоролся на медведя.

Затем побеседовал с мужичками-охотниками, отдохнул и наутро, рассчитавшись с хозяевами берлоги, уехал на станцию, благодарив собачек за доставленную мне потеху; не будь их, был бы форменный скандал: берлогу бы нам не найти по указаниям глупого, но счастливого на берлоги Алексея.

Наступает осень, интересно, как отличатся перегодовалые Волчок и Мишка. Николаю Ивановичу эта охота не прошла даром, он занемог, ездил в Крым два раза, но молодость, сила берет свое, поправился и собирается еще на медвежью охоту. А я после этого осенью 1900 г. убил еще 4-х мишек, буду жив, поделюсь с читателями рассказом об одной из этих охот.

В Петуховской тайге

«Петуховская тайга, Томской губернии С. В. Хомич — член Томского общества правильной охоты» — эту надпись я прочел в декабрьской книге журнала «Природа и Охота» за 1900 год под рисунком, изображающим зимний пейзаж бельника, — сибирское название чистого березового леса в тайге.

На авансцене сидит С. В. Хомич, рядом с ружьем кверху — Компасов, егерь К. И. Иваницкого, позади два окладчика и слева, несколько в стороне, в белой полотняной вершнице (рубахе) и таких же чембарах, то есть невыразимых, — ваш покорный слуга, который никак не ожидал, что его изображение попадет на страницу уважаемого журнала, а раз это случилось, то позволяю себе описать и всю любопытную охоту, в которой я участвовал.

На берлогѣ.

Пѣтуховская тайга Томской губ.

С. В. Хомичъ, членъ Томскаго Общества Правильной Охоты.

В ноябре месяце 1897 года приходит ко мне крестьянин-промышленник, предлагая берлогу. Я покупаю ее за 25 рублей. Уговорились ехать чрез два дня. От города Томска до берлоги около 60 верст.

На другой день встречаю в губернском правлении архитектора С. В. Хомича — отличного стрелка, который несколько раз просил меня пригласить его на медвежью охоту. Говорю ему: «Найдена берлога в Петуховской тайге, хотите — поедемте?» Он заявляет, что и ему предлагал берлогу в Петуховской тайге Леонтий Попов — мужик плутоватый, хотя ловкий и дельный окладчик. Я замечаю: «Мне не Попов, а Петр продал берлогу».

Все-таки уговариваемся ехать вместе, а ранее узнать, две ли там берлоги, или одну и ту же предлагают мужички разным охотникам, что впоследствии случилось с тем же Леонтием Поповым, продавшим в 1899 году одну и ту же берлогу девяти охотникам, и последнему, ныне покойному П. И. Мальцеву, который и убил капканного медведя.

Оказалось, берлога одна и та же. Условились ехать по железной дороге до станции «Басандайка», в 35 верстах от Томска, а там на лошадях 20 верст до пасеки Леонтия Попова, и от пасеки до берлоги около пяти верст тайгой, но кто их мерил!

Я езжу на зверя почти всегда один с собачками и охочусь весь год, когда только могут собаки преследовать зверя: нельзя же собакам брать медведя зимой, когда снег

оглубеет и сделается рыхлым, а также в июле и августе: тогда трава в тайге в рост человека и собаки хотя догонят зверя, но когда начнут его брать, то большой медведь может легко захлестнуть злую, приемистую собаку, так как она не успеет отскочить после хватки и запутается в большой густой траве. Да и охотнику трудно выцелить медведя по убойному месту сквозь большую траву, особенно мне, при моем малом росте.

Простите, уважаемый читатель, что я отдалился от начатого рассказа. Продолжаю. На упомянутую охоту я хотел взять своих собак, но бывший тогда губернатором в Томске А. А. Ломачевский просил взять приведенных ему из Нарымской и Васюганской тайги кобелей лаек. Один Белка, весь белый, настоящая остяцкая лайка: голова волчья с широким лбом, прекрасным, черным «нюхом», большими карими глазами; уши стоят, как у лисицы, крутое ребро; большие развитые черные мяса; грудь широкая; передние ноги прямые и лапа «комочком». Прекрасная псовина, хвост штопором и щеки кончаются как бы жабо маркиза времен Людовика XIV. Одним словом, собака красивая, крепкая, породистая. Другой — кличка Юргас, светло палевый, очень хорошо сложен, полегче первого, хотя живее; псовина глаже; росту выше и куцый, т. е. без хвоста, от природы или отрублен — не умею сказать.

С. В. Хомич тоже желал взять губернаторских собак, я, разумеется, ничего не имел против, но заявил, что, хотя

я своих собак не возьму (обязательно с другими грызню устроят), а все-таки стрелять медведя будем «на выпуск», что здесь охотниками мало практикуется, полагаю, за неимением зверовых собак.

Как-то раз члены Томского общества правильной охоты брали на берлогу ублюдков гончих собак; медвежонка из берлоги выпустили, собак спустили, но они видят — не зайка, другим пахнет, и благополучно назад. Так зверенок и ушел.

Не могу понять удовольствия стрелять медведя в берлоге и без собак.

То ли дело, как он рюхнет, рюхнет, да вылетит, разъяренный, на волю, и встретят его лихие псы, да начнут вскруживать, давая хватки со всех сторон. Не знаешь, на которую собаку радоваться, а он-то ярится, кидается, пышкает, а кончит тем, что сядет. Тогда его, как хочешь, так на мушку и возьмешь. Впрочем, это дело вкуса, а вкусы бывают разные, да и собаки тоже.

Итак, уговорились съехаться к К. И. Иваницкому (знаменитому стрелку; лучшего я не видывал*) (* Его портреты и биография помещены в «Альбомах охоты», премии журналов «Природа и Охота» и «Охотничья Газета». — Примечание автора), который живет по пути к вокзалу, а мне прислали губернаторских собак, которых я отправил на лошади прямо к Леонтию Попову на пасеку.

Съехались, уговорились, отлично поужинали у хлебосольного хозяина К. И. Иваницкого и поехали на вокзал. Надо заметить, что это был первый платный поезд, вышедший из г. Томска по Томской ветви средне-сибирской железной дороги. Все ново, чисто, блестит и горит. Берем билеты I класса, садимся и едем, но, увы! Недолго продолжался наш путь. Мороз и вьюга страшная. В нашем вагоне замерзла труба парового отопления, затем лопнула. Холод стал невообразимый. Хорошо, что с нами был солидный запас согревательного эликсира и достаточное количество шуб и дох, а то беда бы.

Ехал с нами в вагоне один инженер путей сообщения г. С., функционирующий на средне-сибирской железной дороге. Тот первый узрел причину весьма низкой температуры в вагоне и катастрофу с трубой, но тем не менее замерзал в своем, петербургским портным сшитом, изящном форменном плаще.

Мы его согревали и шубами, и закуской с живительной влагой. Наконец, занос, путь замело, и поезд стал. Время прошло много, пока откапывали локомотив, расчищали путь и пришел вспомогательный локомотив, наладили трубы. Мы же все «грелись».

Кое-как, наконец, тронулись и дотащились до станции «Басандайка»; затем нас провезли до 27 версты (от станции «Тайга»), где, приостановив поезд, нас спустили, так

что на лошадях довелось ехать до пасеки Попова всего 3 версты, куда и добрались благополучно.

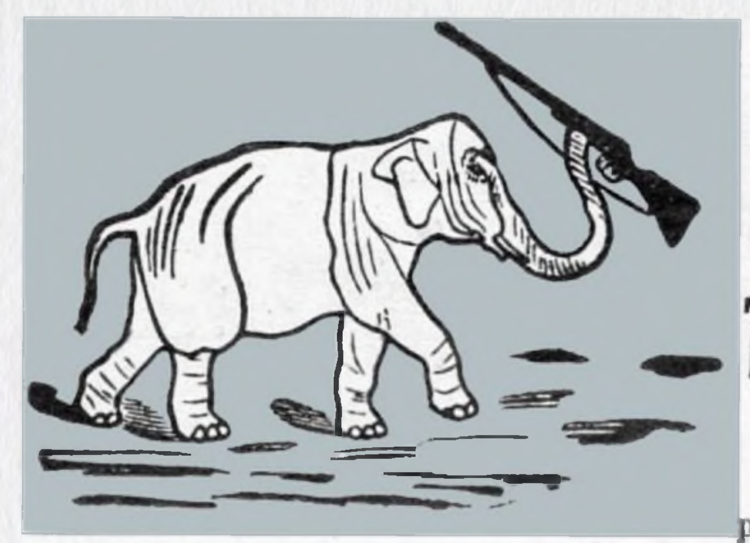
Бросили жребий, кому первому стрелять медведя. Досталось мне. Мною в то время было убито 36 медведей, не считая молодых. А Хомич ни разу не видал медведя на воле, и потому я предложил бросить жребий между им и К. И. Иваницким — достался первый выстрел Хомичу. Время терять нечего, надо скорее ехать. Вышли из теплой избы на мороз, разместились свободно в «розвальни» и поехали по тайге.

Дороги никакой, тащились шагом целиной. Плывем по тайге. Кроме старого голого леса на белом фоне снега ничего; картина однообразная. Вдруг Леонтий Попов, сидевший со мной, говорит, что саженей сотню придется идти пешком, а здесь надо оставить лошадей. Остановились, скинули дохи, приготовили ружья и пошли пешком, все в шубах. Я же шубы для зимних охот не признаю, и пошел, как всегда, в одной холщовой рубахе, надетой на драповый охотничий пиджак. Собак вели на сворах.

Подойдя к берлоге в расстоянии 20 шагов, я пошел с Леонтием Поповым осмотреть берлогу; Хомич же с Иваницким остановились оправиться и вздохнуть от ходьбы по снегу в шубах и без лыж. Подхожу к берлоге; ее положительно незаметно: возле болота на «покате» маленькое отверстие. «Заломов» не видать, выгреба тоже. Я в трех шагах от берлоги указываю знаменитым лайкам «хайло»,

но ни та, ни другая зверя не причуивает. Тогда я подошел к самой берлоге и начинаю натравлять собак, но собаки ноль внимания. Досадно, зло берет. Кричу товарищам: «Берлога пустая». Те подходят ближе, а Леонтий божится: «Тут зверь, своими глазами видел, как ложился, и все время стерег». Смотрю, Белка свернулся клубочком на выгребе — спать собрался. Я бросил в хайло комочек снега — ни звука. Леонтий кидает рукавицу и — о, удивление! Медведь рюхнул и, повернувшись, показал мне свою голову. Тогда Юргас стал лаять, но в берлогу не полез, Белка же спокойно спал на выгребе, то есть в 3-х аршинах от лежащего и до того времени спавшего медведя. Меня привело это в изумление и вызвало неудержимый хохот. Вот так чистокровные сибирские остяцкие лайки! Все подошли ближе, смотрим и любуемся этой невиданной картиной: одна собака полает, отойдет, затем опять полает на смирно лежащего в берлоге медведя, а другая спит.

Если раз медведь осенью не выскочил из берлоги тотчас, как услышал собак или охотников, то он не вылезет без особых приглашений: это я давно узнал собственным опытом; а потому предложил сбегать за фотографическим аппаратом, принадлежащим К. И. Иваницкому, оставленному на подводах. Посланный возвратился чрез 15-20 минут; медведь лежал в берлоге, изредка «порюхивая», собака Белка не покидала своего покойного ложа, то есть выгреба в 3-х аршинах от медведя, а другая — Юргас — подбегала

СТАРѢЙШІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ г. МОСКВЫ

основанъ **1860** года.

Т./Д. Э. БЕРНГАРДЪ и К°,

преемникъ **И. ШЕНБРУНЕРА,**

Москва, Кузнецкій Мостъ, 5,

рекомендуетъ дешевыя ружья съ хорошимъ боемъ, курковыя и безкурковыя, **Національной Бельгійской фабрики.**

Прейсъ-курантъ высылается по первому требованію безплатно.

к берлоге, лаяла, но чтобы лезть в нее, будить медведя, и не думала. К. И. Иваницкий уставил фотографический аппарат и сделал снимок с сибирской зверовой лайки, очень породистой собаки, спящей в 3-х аршинах от медведя, находящегося в берлоге.

Охотники много увлекаются в ущерб правде. Согласен, что подобный рассказ неправдоподобен не только для неохотника, но и у зверового охотника явится сомнение, недоверие к подобному факту. Мне очень жаль, что описанный мною снимок не попал на страницы уважаемого охотничьего журнала «Природа и Охота», хотя он сохраняется у К. И. Иваницкого.

Снявши фотографию, надо было кончать охоту, то есть убить медведя, а для этого следовало ему выйти на свет Божий, чего Мишка не желал, чувствуя свои последние минуты существования на земле.

Собаки абсолютно не годные, в берлогу не лезут: одна лежа стережет, другая побрехивает, и то с перерывом. Нечего делать, надо своими средствами, самим выгонять зверя!

В этом случае сибиряки прибегают к самому примитивному средству: срубают лесину в руку толщиною, очищают от сучков; образуется жердь длиною аршин в 10-12, которую опускают, засовывают в берлогу и начинают ею манипулировать так, чтобы концом попасть, ткнуть в

лежащего медведя. В данном случае иначе нельзя было выжить из берлоги медведя.

Только один из окладчиков, Ермолай, засунул жердь в берлогу, как медведь, рявкнув, схватил за конец жерди зубами и откусил кусок. Ермолай живо выдернул жердь назад, рассчитывая, что медведь тотчас вылезет из берлоги на волю, но не тут-то было: Миша опять залег и после неоднократно повторенных подобных приемов медведь полез из берлоги, и как только показал голову, начав поводить маленькими, умными глазами на пришедших и непрошенных гостей, жадно ожидавших его появления, выстрел грянул. Хомич положил медведя наповал, попав в правый висок, не дав ему даже выскочить всему на волю, а не только подняться на задние лапы или броситься наутек. А в этот момент хороший выстрел — куда эффектнее.

Выстрел был смертельный, медведь, как вылез до холки, так и остался в том положении: слышен был один предсмертный хрип. Гляжу, Белка все лежит на выгребе. Меня до того взбесила непробудная лень или идиотизм собаки, что я схватил ее одной рукой за шиворот, другой за спину и бросил ее на умирающего зверя.

И что же? Белка завяз в глубокой шерсти медведя; голову сбочил и остался сидеть, благо, тепло и мягко. Вот так чистокровная лайка, думаю себе!..

Затем медведь был вытащен из берлоги, тогда Юргаска стал хватать за ноги погибшего богатыря сибирской тайги.

Медведь был небольшой, пудов на шесть; около одиннадцати четвертей шкура, черная, с хорошей густой шерстью.

Начали поздравлять С. В. Хомича «с удачной охотой», «отличным выстрелом», «первым убитым медведем» и проч. Но эта охота С. В., кажется, не понравилась: это был его первый и пока последний медведь.

Ценный вклад в охотничью зверовую литературу сделан кн. А. Ширинским-Шихматовым его сочинением «По медвежьим следам», по поводу которого я собираюсь сделать заметку вследствие изъявленного высокоуважаемым автором желания. Должен, однако, сказать, что любимая им, дельным, не белоручкой охотником охота с облавой в 90-100 и более человек, ершами, крыловыми и проч., будучи безусловно интересна, эффектна, представляет в Сибири значительные трудности, так как, во-первых, очень дорого стоит, а затем трудно подобрать трех-четырех стрелков-охотников для мертвой цепи, а таких окладчиков, которые могли бы проверить след, расставить стрелков и облаву согласно рисункам, приложенным к книге князя Ан. Ширинского-Шихматова, и положительно нет.

Вот почему позволяю себе привести случай, бывший со мной на медвежьей охоте вскоре после описанной мною охоты со Станиславом Викентьевичем Хомичем.

Приезжает ко мне на другой день С. В. Хомич поглядеть снятую шкуру с убитого им медведя и рассказывает, что

отправилась компания в деревню Губино (в 30 верстах от г. Томска) на берлогу; но до нее не доехали, хотя прибыли в Губино с вечера. Наутро, встав и закусив, сообразили, что в понедельник лекции в университете, а до берлоги ехать 15 верст, в один день не оборотишь и проч., и проч.; одним словом, несмотря на приглашение окладчика, на берлогу не поехали.

Я каждый год ездил близ дер. Губино в болото Пуховое искать зверя с собаками. Болото лесное, моховое, кочковатое, поросшее мелким киргизником (по-сибирски, чахлюй, сосняк, растущий в моховых болотах), кое-где есть бугры, громадные кочки. Это любимое место для лежки медведя, который делает берлогу большею частью под кочками, то есть выворотками старых дерев, сломленных бурей, или разрывает для того кочки. Полагаю, подобные места медведь любит, как самые удобные для скрадывания своего следа, да и нога человеческая туда не проникает, так как кроме Мишки там никто не живет.

Услыхал я, что ездили в Губино, следовательно, берлога должна быть в Пуховом между деревнями Борки и Губино; в Борках же есть единственный около Томска хороший зверовщик Сваровский; много медведей побил Сваровский и не раз был в лапах, да все собаки-товарищи, а не люди, спасали его. Досадно стало, что огласили зверя, а не убили;

и я несколько раз собирался ехать туда, да все что-либо отвлекало.

Разумеется, думаю, Сваровский пойдет искать и найдет зверя с собаками. Каков же был мой восторг, когда после отъезда Хомича приходит ко мне Сваровский и поздравляет меня «с удачной охотой». Ему говорили на базаре, что я убил зверя в Петуховской тайге.

«Не я, — говорю, — убил медведя, а охота была действительно потешная» — и рассказываю ему про губернаторских собак и удачный выстрел Хомича в висок. Посмеялись, подивились. Гаврило Сваровский и говорит: «А я к вам по делу: у вас собаки добрые, да и мои за себя постоят: поедемте в Пуховое, может, Бог и посчастливит, а я «по голу» видал следья, зверища драла мох, в одном же месте кору спущала с пихты».

Медведь, ложась в берлогу, как известно, первоначально отъедается, и чем жирнее медведь, тем он делает себе комфортабельнее берлогу, то есть мягче, удобнее, вот для чего он ломает себе сучья хвои, т. е. ели и более пихты, так как последние нежнее: для этого он лазит на дерево, но прежде, пробуя или сердясь, когтями царапает дерево, сдирает кору. Это один из лучших признаков близости берлоги, когда ищешь зверя с собаками по «чернотропу». Затем он дерет мох и все это таскает в берлогу: сучья кладет вниз,

сверху стелет траву. Бывает, что ложится без постели, но это зверь молодой или нечаянно выгнанный из берлоги.

— Слышал я, — продолжает Гаврило, — что Губинские ребята натыкались на зверюгу, да у них собаки нет, идти некому, вот я и заехал к вам, а вы только что с охоты приехали, поди, пристали, умаялись, а теперь хорошо бы собакам рыскать.

Я с радостью соглашаюсь и через два часа едем по реке Томи льдом, более 45 верст, а там берлога верстах в 15.

Приехали в деревню Борки ночью, выкормили собак, сами закусили, немного заснули, а в 4 часа утра встали, напились чаю, и в 5 часов вышли из этой деревни. Она стоит на притоке реки Оби и вся окружена сосновым бором, почему и получила свое название.

Начало светать, когда мы отпустили подвозивших нас лошадей в деревню и пошли пешком. Идем могучим лесом. До Пухового осталось верст 7. Собаки мои рвутся на сворках, имея поползновение пока что подраться с псами Сваровского.

Погода тихая, теплая; снег молодой нежно покрывает землю, сучья, стволы упавших дерев, по которым печатается след белки; местами видны на снегу своеобразные прыжки колонка (походит на хорька, но желтый), искавшего себе ночью добычу — мышку или птичку; кое-где дорожку сделает рябчик, вспорхнет на лесинку, вытянет

шею и удивленно смотрит, поднявши кокетливо свой хохолок, на неожиданных, ранних путников.

Я, разумеется, не стрелял, опасаясь взбудить не облежавшегося медведя громким выстрелом на заре; стронешь медведя — и он может уйти, тогда его вторично не догонишь, что со мной и было раз и о чем, быть может, я расскажу, когда выберу время.

Но вот восток побагровел, стало светать, и все покрылось чудным пурпуром лучей восходящего зимнего солнца.

Что за чудный пейзаж представляет могучая сибирская тайга, покрытая тонким слоем снега, освещенная первыми лучами зимнего солнца!..

Жаль, что я не умею описать эту чудную картину, хотя наслаждаться и любоваться ею приходилось много раз. Невольно остановишься и смотришь радугу цветов, переливающихся в одном громадном стереоскопе. Боже, какая игра красок! Тут изумруды, сапфиры, бриллианты, топазы и лапись лазури. Да и какими драгоценностями не переливаются лучи восхода, отражаясь и переломляясь в простых снежных кристаллах, оставшихся между крупной хвоей кедр или сосен.

Такой картины и сам талантливейший профессор Клевер, на что мастер писать снег, не воспроизвел на полотне.

Москва. Кузнецкий мост

Но сосновый бор стал редеть, местность пошла под уклон, до болота Пухового осталось около 2-х верст. Не доходя до него, потянулись высокие узкие гривы с буреломником, излюбленным местом медведя для зимней лежки, по которым и надо «шарить», то есть искать зверя.

Мы остановились, переправились, зарядили ружья — я своего старика Lecler'а, двухствольную 10-го калибра. Пуля — за полуваленный жребий — весу 20 золотников, а пороху кладу полную медную гильзу 16 калибра для центрального ружья. Разумеется, описание подобного заряда вызовет у европейских интеллигентных медвежатников ироническую улыбку, пожалуй, недоверие, но томские охотники почти все знают мое ружье, а равно слыхали, а которые и видали — и не слыхали, чтобы у меня ушел медведь раненый или был бы убит не первым выстрелом.

Боже меня упаси говорить что-нибудь против нынешних экспрессных штуцеров или пуль князя Ширинского-Шихматова. Хороши также изобретенные г. Бернгардтом, собственником оружейного магазина И. И. Шенбрунера в Москве пули для стрельбы из стволов чок: я испытал действие таких зарядов в стрельбе по зверю весной 1901 года; действие их страшное, разрушение поразительное, да и зарядить централку гораздо скорее, чем моего старика — шомпольное ружье, но, что хотите, привычка надеяться на старика.

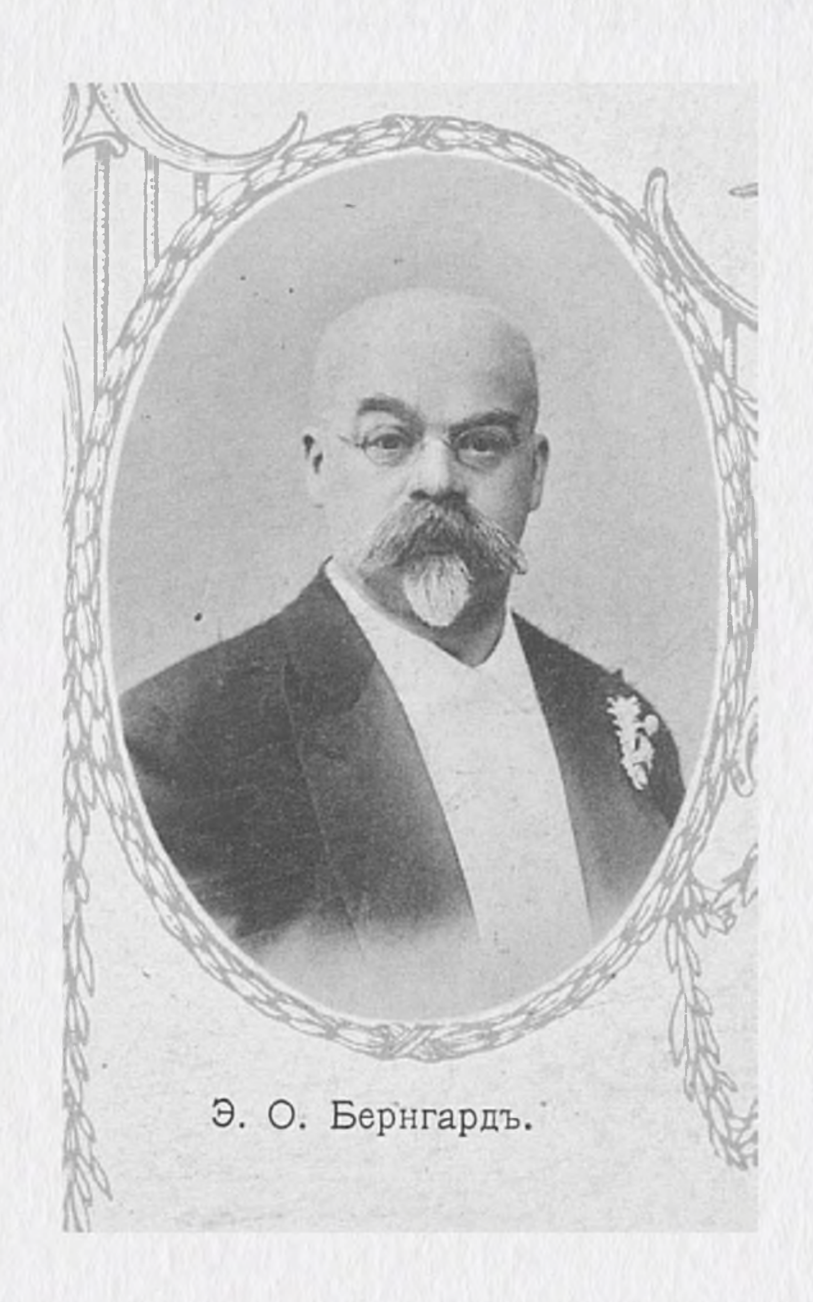
Я выписал себе трехстволку. Третий ствол — нарезной, калибра берданки казенного образца, а из гладких 12-го калибра. Стреляю зарядом Zevello. Там в медной, латунной гильзе помещены винтообразно проволоки, соответствующие углублениям на пуле и долженствующие сообщать ей вращательное движение. Так, по крайней мере, предполагается и рассчитывается. И что же? Я два раза стрелял такими зарядами: раз лончака, выскочившего из берлоги вслед за медведицей (убитой из шомпольного), а другой — пестуна. Последнего — случайно, так как охотился в августе месяце с собаками за глухарями, и они наткнулись на зверя и загнали его на лесину. Обоих медведей убил, но не наповал. А с моей старой двухстволкой этого не доводилось.

Да простит мне снисходительный читатель мое удаление от начатого рассказа, начнешь писать и думаешь, как бы это было все полнее, понятнее, так как охота за медведем с собаками с Сибири очень немногим охотникам известна.

Продолжаю: пошел я правее со своими собаками, а Гаврило — левее, взяв своих.

Ходил, ходил я по гривам и коряжнику — ничего нет.

Собаки стали отрыскивать далеко. Со мной были два нарымских кобеля (лайки). Соболька — черный с серым подшерстком, как у костромской гончей, хвост крючком;

Э. О. Бернгардъ.

на высоких ногах; собака верткая, легкая, с медведем знакомая. Нарымка, палевый, — беззаветной злобы, энергичный боец, и сука Жулька, очень проворная собачка, отлично подлаивала глухарей, искала хорошо белку и колонка, но медведя никогда живого не видала, а тут утянулась за мной благодаря недосмотру моего егеря в Томске.

Я спустился в болото и стал пересекать его, равняясь с моим спутником и осматривая кочки. Гляжу, блеснула у меня Жулька и собака Сваровского. Вот Жулька вскочила на дыбы, взлайнула как-то не своим визгливым голосом и бросилась вперед; слышу рев медведя, и клуб снега катится на Жульку. Медведь со всех ног несется на собаку, от меня в 40 саженях.

Болото чистое, кочковатое, по нем лишь тонкие, в руку толщины, чахлые, редко растущие сосенки.

Собачонка — тягу, но со стороны накрыли зверя собаки Сваровского — чудные бойцы; не мало из-под них медведей было убито.

Медведь задержался, очевидно, удивленный смелости пришельцев в его царство, где он себя мнит царем и чуть не божеством, как сибирский полицейский заседатель (должностное лицо, похожее на станового пристава, исполняющее следственную часть судебного следователя) далеких окраин. Собаки берут идеально, если только так можно выразиться и охарактеризовать прием медведя собаками;

я подбегаю ближе; две собаки, храбро наступая, рвут, щиплют медведя. Моя Жулька неистово брешет в благородной дистанции от турнира, медведь злится, пышкает, рюхает, морда вся в пене, кидается во всей своей могучей красоте на храбрых собак, но не «отседает». Я подбежал шагов на 35, стою, просто замер в ожидании момента дернуть гашетку приложенного к щеке Lecler'a, последней роковой минуты для зверя и меня. Но зверь, безостановочно бросаясь то за одной, то за другой собакой, не дает возможности верно выстрелить. Такого бойца мне еще не приводилось видеть. Это был редкий экземпляр (теперь у меня из него полость, а череп я подарил С. В. Хомичу), с огромной широкой головой и широкими лапами, вооруженными страшными когтями, высокий, но короткий; шкура всего на 15 четвертей; бурый с седым нацветом, шерсть длинная, густая, переливающаяся на нем, как наливающаяся рожь в «Петровки» в урожайный год во время легкого ветерка.

Я улучил момент: Орелка, собака Сваровского, сделав хватку, отскочила, в тот же миг другая, Фингал, дернула его в холку — и он повернулся ко мне в три четверти; прижав крепче к щеке ложу ружья, я выстрелил. Смотрю, медведь делает отчаянный вольт, схватывает себя зубами за бок и со всех ног, с пеной у рта, мчится ко мне. Вижу, дело плохо, собак разметал; на его исступленно бешенном ходу они его и не догонят, следовательно, не задержат. А

стою я, как на ладони, подле сосенки в 1 ½ вершка толщиною, с одним стволом, заряженным пулей. Медведь несется на «штык». Во время хода на «штык» одно убойное место — лоб, но на ходу при какой угодно стрельбе рискованно целить в лоб. Подпустить решаюсь на пять шагов, а пока начинаю кричать, ругаться, чтобы приостановить — поднять на дыбы медведя и стрелять в упор (от крику медведь часто вздыбливается, а иногда, остервеневшийся, разъяренный, он не подымается, а берет — свиней, что очень опасно). Вдруг мимо меня вихрем летят мои орлы, Соболька и Нарымка, и сразу осадили медведя, приняв его в лоб (то есть встречу); тот задержался и ринулся на Нарымку, Соболька же поместился моментально на заднюю гачу справа; тогда медведь метнулся на него, Соболька отскочил, но запнулся за кочку; медведь хотел поймать его за бок, но успел зацепить двумя когтями лишь левое запястье задней ноги и с такой силой отбросил сажени на две, как я бы бросил резиновый мячик, но я улучил желанный поворот: выстрел грянул, и медведь, как русак, убитый из-под гончих с гону по зрячему — рухнул. Собаки все три — мой Нарымка и две Сваровского — поместились в медведя, куда попало. Жулька заливалась, торжествуя победу, а несчастный Соболька полз на трех ногах к своему врагу: медведь вырвал ему из маслака заднюю ногу. Так и остался калекой на всю жизнь, верный, хороший пес. Мой

На медведя. С рисунка художника Ворошилова

старик Lecler сделал свое дело. Первая пуля попала в стоячую перед медведем сосенку и потом уже, перебив ее, влепилась в бок зверю, который от неожиданной, страшной боли схватил себя зубами за бок и бросился на меня, не обращая внимания на преследовавших его собак. Мои же собаки, отрыскав далеко, опоздали к началу боя; но, услышав мой выстрел и отчаянный лай Жульки, кинулись на голос. Сваровский тоже бежал, понимая опасность, которой я подвергался, и все видя на ровном болоте, покрытом мелким, редким сосняком, но не мог поспеть вовремя, и не будь смелых, злобных собак, конец мог бы выйти для меня не важный.

Медведь, старый самец, лежал на «слани» близ берлоги, сделанной под корчью высокой кочки (слань медведь делает в раннюю осень, когда ему в берлоге жарко, или подойдет вода — это постель из хвойных веток, на которой зверь лежит до больших морозов, иногда же шатун, согнанный зимой из берлоги медведь — ложится, делая себе слань). Жулька, учуяв его, взлайнула, а тот прямо на нее, что нередко бывает с сильным зверем. Моя вторая пуля угодила в левую лопатку, раздробив ее, пересекла сердце почти надвое; сломала два ребра, приняв боковое направление, прошла по салу и остановилась, не пробив кожу; медведь пал моментально.

Так вот один из нескольких со мной случаев на медвежьей охоте с собаками. Тут главное активное лицо — охотник, а собаки — единственные помощники и от них зависит весь успех: был бы зверь, а результат охоты при хороших собаках обеспечен. Все зависит от собственного хладнокровия, выдержки, характера, тешишься и радуешься на собачек, любуешься могучим зверем на свободе, позабываешь все людские невзгоды, свои несчастья и неудачи и смотришь на все людские несправедливости както легко: все и всех любишь, все и всем прощаешь и снисходишь; приучаешься верить в свою собственную силу, волю, энергию. Открывается чудный мир правды и блаженства в самопознании.

город Томск,
15 марта 1901 года

Оживший медведь

Посвящается настоящему
зверовому охотнику
Петру Николаевичу Белоусову

Вспоминаю я одну из своих интереснейших охот на медведя с собаками: это было близ города Томска 27 ноября 1897 года. Осень стояла благоприятная и для меня удачная.

Энергия, да и время дозволяли мне рыскать по тайгам. Где, где, я не побывал за ту осень! Попадал я в такую глушь, как, например, за реку Кеть или реку Вах (обе впадают в Обь). Здесь, кажется, не только ноги интеллигентного, но и даже грамотного человека не бывало; и все это в районе Томской губернии. Привелось повидать и различных иноверцев, населяющих местности глухие, дикие и если не везде плодородные, то очень богатые дичью, зверем,

i *Борзые П. Н. Белоусова* ×

всякой ягодой: брусникой, клюквой, морошкой, смородиной и малиной, рыбой, кедрами, с которых добывалось орехов на тысячи рублей*. (Жаль, этот промысел за последние годы стал заметно уменьшаться благодаря наплыву переселенцев из Европейской России, большею частью из южных губерний, бедных лесом, как, например, Курской, Киевской и др. Эти пришельцы, видя благосостояние аборигенов, живущих на правах арендаторов или владеющих землей без всяких прав, платя лишь казенному леснику "benefice d'infinence", то есть благодарность за влияние, которое заключается в незамечании благодушествующих жителей. Переселенцы накидываются на заселенные земли, образуя поселки, сгоняют прежних жителей, хотя бы они жили и культивировали тайгу сотни лет. По данному пришельцам праву заявляют чиновнику, заведующему переселенцами, о своем желании образовать поселок на месте, арендуемом каким-нибудь нарымским мещанином, старообрядцем Анкудимом Галактионовым Изосимовым. Заявление переселенцев принимают, отпускают им на обзаведение по 150 р. на дом и дают право пользования лесом в продолжение 3-х лет даром, без платы податей. Первым делом пришельцы выгоняют Изосимова или облагают его податью на один год, которую с каждым годом увеличивают и доводят до разорения, или же старожил кидает свою стройку, продавая ее почти даром, и уезжает искать новые места в глуши тайги. Вторым делом

переселенцев — это рубить зря, без всякой не только системы, но и расчета, лес, за который они не платят пошлины. Самый лучший для столярного дела лес в Томской губернии — кедры, вечные кормилицы аборигенов Сибири. И вот эти великаны, краса сибирской тайги, падают под ударом топора глупого хохла, распиливаются на плахи и продаются почти даром в городе. Повырубится близко растущий лес в течение каких-нибудь 3-4 лет; пашни, разделанной старожилом на 50 семей, окажется мало, а выкорчевывать вновь переселенцы не умеют; да и хохлацкая лень мешает. Бабы соскучатся о родине, а хохол о сале и просе, которое в Томской губернии не родится по случаю ранних морозов. И вот они опять собираются в путь, бросают свои шалаши и плохие избенки и возвращаются в «Рассею», разорив в конец какого-нибудь Изосимова, вырубив кедровник и доставив массу хлопот администрации. Много переселенцев из Европейской России стремится в Сибирь; лишь весьма немногие остаются там, большинство их идет обратно, или же ищут лучших мест в других округах, как евреи — земли обетованной. Мне кажется, происходит это от следующих причин: жителя юга надо селить на юге Сибири, в Бийском, Барнаульском, Минусинском уездах, где земли хорошие, родится пшеница, просо, арбузы и мало леса. Переселенцев северных и северо-западных губерний лучше направлять в лесные округа, так как им хозяйство это знакомо: они будут гнать деготь, скипидар, жечь уголь,

сумеют беречь лес, знают корчевать его, да и найдут, где посеять хлебца и скоту выкосить сенца. — Примечание автора). Встречал я там: поморцев, австрийцев, малакан, скопцов, хлыстов, «пустынников» и даже «нетовщину», распространенную в большом количестве по Нарымскому краю. Я не могу пройти молчанием эту оригинальную секту. «Нетовцы» отвергают и отрицают все: образа, священство, евангелие и прочие духовные книги, они не веруют в святую Троицу, молятся по «лестовкам» на восход солнца и стараются не говорить с людьми не их секты, свою же — таят, скрывают, не защищают, подобно «австрийским» и «поморцам», которые почти с остервенением отстаивают догматы своего верования. «Нетовцы» дико и слепо верят своим наставникам, имеющим над ними неограниченную власть. «Нетовцы» — люди, не пьющие вина; это единственная секта, воспрещающая пьянство; они трудолюбивы, все страстные охотники-промышленники, особенно — по соболю; брака они не признают и умеют жить так, что избегают переписи, ревизии, солдатчины, податей. По их мнению, быть грамотным — грех. Счет деньгам нетовцы знают; любят их копить, сберегают в укромных местах в лесу и отнюдь не дома. Считают они по биркам* (Бирка — это палочка, отесанная бруском в четыре грани: на одной считаются части копеек, то есть ¼ и ½ копейки, на другой — копейки, на 3-ей — рубли и на 4-ой — десятки

Вокзал

i

П. Н. Белоусов. Член Совета Императорского общества правильной охоты.

рублей. Метят, делая ножом надрезы; крест (римский X) означает цифру десять. — Примечание автора).

Нагляделся я тогда на очень многие диковинки и, хорошо поохотясь на разного зверя, возвратился в Томск. Через 2 дня я снова попал на охоту и убил в Петуховской тайге гонного медведя.

После этой охоты проехал я на станцию «Тайга», где живут мои два приятеля: доктор О—ко и счетовод К—ий, оба страстные охотники; они слышали часто о моих охотах на медведей, а самим поохотиться не удавалось. Вот они и взяли с меня слово, что если я найду в Петуховской тайге медведя, то приглашу их, а если им оповестят берлогу, то они меня уведомят, чтобы ехать втроем и с моими собаками. Прошло несколько дней, я получаю известие, что найдена берлога в вершине реки Золотого Китата, от Томска верстах в 250: сначала по железной дороге до станции «Ижморской» или «Судженской» 120 или 150 верст, затем на лошадях до деревни Марьевки 40 или 50 верст, а остальное расстояние на лыжах подыматься по «Золотому Китату» до Черного озера, где найдена была берлога. Так как станция «Ижморская» находится за станцией «Тайга», то я заехал к своим приятелям пригласить их с собой. К сожалению, обоим им отлучиться оказалось невозможным: доктором была произведена операция и надо обязательно следить за перевязкой больного, а у милого, симпатичного счетовода К—го — спешный отчет. Хотя мне и хотелось

поохотиться вместе с ними, но пришлось ехать одному. Много было труда добраться до цели поездки, а результат вышел грустный: медведь оказался бурым лончаком; знать, медведица его «отшила» перед щенитьбой. Медведь лежал под коряжиной, почти на виду, и только стал я подходить к берлоге, чтобы оглядеть ее, как он вылез и присел, поводя норкой. Собак держали на сворках саженях в 15. Думаю, пожалуй, медведь уйдет далеко, пока его собаки настигнут, а мы все порядочно намучились, пройдя около 50 верст на лыжах, да и дело было уже к вечеру. Я скорей вскинул ружье и в 12 шагах положил мишку на месте; собаки примчались на выстрел, влепились в полумертвого зверишку, только и всего. Но мужики были довольны: шкура стоит 15 рублей, а я заплатил 30 р. за берлогу плюс прочие расходы.

Переночевал я тут же со всеми прелестями зимней ночевки в тайге у благодатного костра, под блистающим звездами небесным сводом, на мягкой, ароматной постели из пихтовой хвои. Рано утром, напившись из котелка чайку, побрел обратно по проложенной накануне лыжнице, и к ночному поезду, измученный, добрался до станции Судженка. На станции я узнаю, что около речушки Козлы охотник из села Лебедянки, Корышов, нашел берлогу. Эта местность от станции «Тайга» верстах в 25.

Я обещал приехать охотиться на другой день, и помчался к приятелям в «Тайгу»; но, оказывается, они оба в

Томске. Делать нечего, я еду домой, оповещаю их о своем возвращении и прошу к себе «по делу» и кстати позавтракать. Приезжают оба. Я заявляю:

— Господа, медведя нашли в «Козлах», поедемте вместе, по уговору.

Оказывается, им об этой берлоге дано уже знать и, кажется, тем же Корышовым. Мои приятели успели пригласить целую компанию инженеров и прочих господ; всего шесть человек.

Я говорю: это не дело! Условились ехать втроем, а назвали шестерых. И на эту охоту я ехать отказался. Хотелось этой компании взять моих собак, но без себя дать их я побоялся. Так что я остался при «пиковом интересе». Думаю себе, дернуло меня ехать за ними на станцию «Тайгу», отправился бы один и привез бы пару медведей. Так и не попал я на эту охоту; однако заметил, что милый доктор как-то недоверчиво относится к моему отказу, а счетовод прямо сказал: «Смотри, А. Н., не езди один раньше нас: это ведь свинство будет!» Для того, чтобы рассеять сомнение, я заявил снова, что я решил не ехать на эту берлогу и, следовательно, не поеду. Завтрак закончили «ласточкой» с кофе (коньяк такой в моде у томичей) и стали прощаться.

Вдруг меня зовут в переднюю: «пришел человек по делу». «Какое тут может быть дело», — подумал я, продолжая досадовать на то, что прозевал зря медведя. Извинившись перед гостями, я вышел из столовой и направился в кухню,

где меня дожидался мужичок Тимофей. Спрашиваю: «По какому ты важному делу?» — «Да вот, — говорит, — натыкался я на берлогу близехонько, всего на версту от Разъезда № 1».

— Верно? — спрашиваю.

— Ей, ей правду — разве я смел бы зря к вам приехать.

Распорядившись угостить мужичка, дать водки и закуски, я вернулся к приятелям в столовую; хотел было им сказать об этой новости, но во многоглаголании несть спасения, я решил лучше промолчать.

Надо заметить, что Разъезд № 1 от Томска, по Томской ветке, находится в 60 верстах и в 19 верстах, не доезжая до станции «Тайга». «Козлы», где найдена берлога Корышовым и куда собирались ехать мои приятели стрелять медведя, в 25 верстах за станцией «Тайга» по магистральной линии Сибирской железной дороги, близ станции Судженка. Высказав сожаление, что наша совместная охота на мишку не состоялась, приятели уехали; я им, как водится, удачи не пожелал.

Проводив гостей, сам я поспешил в кабинет, куда был позван и крестьянин. Начинаю расспрашивать; оказывается, что он Тимофей, булочник у рядчика Сибирской железной дороги Анисочкина, охотник за рябчиками, но медведя он не только не бил, но и не видал и страшно боится встречи с Топтыгиным. Ходя за рябчиками, наткнулся на тропу какого-то зверя по снегу; перенови давно не было, и,

разглядывая этот след, он заметил ясный отпечаток медвежьих лап, а неподалеку под черемуховым кустом в снегу дыру — это была лазея берлоги. Зная, что я охочусь по медведям, и слышавши, что я покупаю берлоги и даже медвежий след, охотник и прикатил ко мне.

Я уговорился ехать назавтра с поездом, отходящим из Томска в 6 часов утра, а Тимофей уехал ночью, чтобы утром меня встретить на Разъезде. Наказал я строго-настрого, чтобы он никому не говорил о моем предполагаемом приезде.

Собраться было делом одного часа, так как я только лишь утром вернулся с охоты, и все было в исправности.

Рано утром я отправился, взявши двухстволку старика Lecler'a, охотничью берданку и двух собак, недавно купленных мной в селе Березовый Лог: суку Дамку и кобеля Серко, прославившихся как отличные зверовые собаки; они были хотя и беспородные, некрасивые лайки, но с замечательными приметами. Я недавно читал в каком-то охотничьем журнале о приметах лаек, берущих зверя; там сказано, что чем более рубцов во рту на небе у собаки, тем она злобнее. Конечно, это все равно, если бы кто-нибудь сказал, что чем больше у собаки ног, тем она резвее. Количество ног, равно и количество рубцов во рту у всех собак одно и то же, но секрет не в количестве рубцов, а в расположении их. В «Записках охотника Восточной Сибири» Черкасова встречается между прочим

такое описание хорошей зверовой лайки, что даже смешно и стыдно повторять (pas pour les dames) подобные несообразности: будто лайка останавливает медведя за детородные органы. Следовательно, медведицу собаки брать не могут, так как детородная часть у ней высоко, закрыта шерстью и очень малых размеров. Что касается самца, то у него детородные части гораздо менее, чем у собаки, закрыты толстыми ляжками и густой шерстью, и для того, чтобы схватить за половые органы зубами, обыкновенной лайке пришлось бы высоко подпрыгнуть и повиснуть на них. Я утверждаю, что сам уважаемый г. Черкасов таких приемов лайкой медведя не видал, и если рассказы слышал, то, по пословице, «не всякому слуху верь». Я много на своем веку наблюдал, как берут собаки медведя, и скажу следующее: злобная, сильная собака задерживает молодого медведя, вцепившись в ухо, в шиворот, но чаще всего лайки подрывают в гачи и то с другой дружной собакой. Про прием меделянских собак Царской охоты, которых я видал в 1872 или 1873 году в Гатчине, егерь говорил мне, что знаменитый Султан брал медведя-лончака в одиночку за морду. Собака эта была большая, могучая, с страшной, тяжелой головой, широкой, сильной грудью, но с слабым задом и спиной; вообще — собака сырая, годная для травли, а не для охоты, где кроме злобности необходима легкость и крепкие ноги для преследования зверя.

Переселенческий пункт близ ст. Боготол

Большого медведя ни одна собака не возьмет, а если обазартившись и налетит, то будет моментально смята. Мне случалось видеть, как собаки мчатся навстречу медведю, а он отсядет и замедлит ход. Собаки тогда начинают кидаться сзади, подрывают в бока и в гачи, однако вовсе не с целью захватить его детородные органы, а просто потому, что медведь задними ногами в это время не защищается; это я говорю про больших медведей. По второму году, лончаков, мои собаки принимают во что попало; быть может, есть собаки, берущие встречу старых медведей, но я таких не видал. Я описываю быль и то, что видел сам лично.

Да простит уважаемый читатель мое увлечение, почти не относящееся к начатому рассказу. Я не могу здесь умолчать об упомянутых выше собаках, действительно замечательных по беззаветной злобности к медведю и их страстности. Дамка жива и сейчас, но Серко пришлось, к сожалению, застрелить; его укусила бешеная собака, и он взбесился через четыре недели.

Приехав в 9 часов утра на Разъезд № 1, я был встречен булочником-охотником Тимофеем и хохлом Петренко — рядчиком на железной дороге. Сняв городской костюм, я надел поверх охотничьего пиджака белую рубаху, по-сибирски — вершницу, чембары (штаны) выпустил на валеные короткие сапоги, подпоясался ремнем, на котором

висит охотничий нож, взял ружье, собак — и с Богом! Хохол Петренко просился дозволить посмотреть на охоту; сюда же приехал Гаврило Сваровский — отличный медвежатник, ныне покойник, — царство ему небесное, — ему хотелось поглядеть в деле новокупленных собак. Я, разумеется, очень рад был удовлетворить желание этого зверовщика и вооружил его берданкой. Так что нас пошло четверо: я, Тимофей, Сваровский и Петренко. Погода стояла теплая, снегу немного, на лыжах ход легкий и собакам рыск свободный.

Перейдя полотно, направились мы к реке Китату, и не прошли часу, как попалась нам тропа, которую первым заметил Гаврило Сваровский и указал: «Вот зверь-то пролез», но Тимофей утверждал, что надо еще податься. Собак держали на сворках, прошли саженей 40, и Тимофей указал черемуховый куст, к которому вел след и где виднелась лазея; шагах в 15-ти еще такая же лазея и повсюду тропы медведя, но в каком именно месте лежит медведь, неизвестно. Тимофей и Петренко стали на благородной дистанции зрителями, а я с ружьем наготове пошел вперед, Сваровский позади меня с берданкой и собаками на сворке. Смотрю, собаки, чуя след и близость зверя, рвутся; я взял палку и бросил по направлению к отверстию под кустом. Гаврило же спустил собак, которые ринулись к лазее и запели. Пошла потеха! Медведь рявкнул, собаки обе

забились в берлогу; только слышна возня, рычанье зверя и остервенелый лай собак.

Радости моей не было границ. Этих собак я купил с неделю назад и взял в первый раз; до них я ездил на Вах, Кеть и Золотой Китат с остяцкими собаками. Сваровский ликует: лучшего полаза и работы желать нельзя. Это не то, что лаять близ берлоги! Смотрим, что будет дальше? Начнут собаки дружно донимать в берлоге мишку — и он на них бросится, обе разом выскочут, а затем снова ринутся. Особенно упрямо наступал Серко. Таким образом продолжалась битва около 20 минут. Надо медведя выживать самим. Я вытащил поодиночке из берлоги собак и отдал их держать, а сам, отойдя шагов на 25, выстрелил в берлогу дробью, думая напугать и заставить выскочить медведя. Собаки вырвались и опять забились в берлогу. Я подошел к жерлу берлоги и стал рядом. Серко торчал в хайле, снаружи виднелся только его хвост; вдруг он ринулся вглубь: медведь потащил Серко. Дамка все время шумела в берлоге.

Я быстро схватил Серко за конец хвоста и стал тянуть к себе; собака отседала на задние ноги, упираясь передними, но не издавала никакого звука. Я уперся ногами в край хайла, сидя на выгребе и, уцепившись за Серко, старался вырвать его у медведя. Ружье мое стояло рядом с поднятыми курками и воткнутое в снег. Гаврило Сваровский

наготове с берданкой. Вдруг чувствую, Серко пятится назад; я выпускаю его хвост, вскакиваю на ноги, и только что успел схватить ружье, как выкатывается группа, чуть не «Лаокоона»: медведь посредине, сбоку Серко, забравший его в ухо и положительно замерший, как злобный, густопсовый волкодав на матером волке, захватив по месту. Дамка поместилась в щеку с другой стороны.

Стрелять нет возможности ни мне, ни Гавриле. Ищу нож, позабыв, что ремень оборвался во время хода к берлоге, и я его отдал Тимофею, засунувшему нож за голенище. Кричу: «Давай нож!», но тот боится близко подойти и кидает мне его издали. Нож утонул в снегу; не сразу я его нащупал и, выхватив из ножен, подбежал к свалке. Медведь несколько раз вскакивал, но под тяжестью собак опять падал. Серко как поместился в ухо, так и не отпускает. Дамка хотя и с отрывом, но берет злобно. Гаврило выражает свое восхищение и изумление, видя работу собак.

Только я подскочил с ножом к этой группе, как медведь ринулся на меня, вздыбив, хотя Серко висел у него в ухе. Я нагнул голову и, защитив лицо согнутой левой рукой, успел ударить ножом медведя под лопатку, всадив по самую рукоятку, и зверь завалился. Дамка вцепилась в другое ухо, но оторвалась. Серко не выпускал из зубов уха, несмотря на отдуванье и проч., так что пришлось разжимать

Переселенческий пункт близ ст. Канск

ему судорожно сжатые челюсти, засунув в рот палку, боясь, чтоб он не зарьял.

Медведь был бурый самец в пять пудов. Я предположил, что его отогнала медведица, и лелеял надежду найти г-жу Топтыгину. Оказалось, что зверишка сделал себе сначала берлогу с тонким небом, и оно провалилось, что и заставило его искать для зимовки другую берлогу. Во многих местах он рылся, но мерзлую землю копать ему было не по вкусу, и вот он, найдя талую землю под кустом, устроил себе берлогу, куда и залег. От берлоги напрямик до Разъезда № 1 не более версты, слышен даже стук колес проходящих поездов, а к западу в версте пасека охотника-промышленника Степана Терентьева; слышно пение петуха и лай собак. Диво, как это медведь улегся в такой близости от станции.

Убив медведя и спешно выпив, как говорится, «на крови», рюмку водки, я пошел искать берлогу с медведицей. Собаки были оставлены привязанными у крестьян, расположившихся около разведенного костра. Отойдя недалеко, я вдруг услышал выстрел и, предположив, что это Тимофей выстрелил по рябчику, продолжал путь. Поиски другой берлоги оказались тщетными. Придя обратно, я узнаю, к моему изумлению, следующее: Тимофей и Петренко закусывали, греясь у костра, Серко и Дамка лежали привязанными на кушак, отдыхая после эмоций; вдруг медведь

Охота на медведей с лайками в Сибири (по реке Золотому Китату) И. Г. Клингерт и А. Н. Лялин

стал шевелиться, поднялся и сел на задние ноги. Охотники ринулись от костра и медведя. Серко вскочил, оборвав кушак, и кинулся к воскресшему медведю, вцепился ему в ухо и давай возить по снегу. У мужиков было одно ружье, заряженное дробью — правый ствол, и жеребьем — левый. Видя, что опасности большой нет благодаря Серко, справлявшемуся в одиночку с медведем, они воспрянули духом, взяли ружье и выстрелили в упор в медведя, чем кончили его существование; собаку же оторвать не могли от зверя до моего прихода.

Немало подивился и посмеялся я на ожившего медведя... Сообразив, что поспею к 12-часовому пассажирскому поезду, идущему из Томска в «Тайгу», где хороший буфет, можно пообедать и узнать о результате охоты на медведя в «Козлах» моих приятелей, я решил направиться к станции. Задумано — сделано. Медведя я распорядился вывезти на пасеку Степана Терентьева и оттуда доставить к поезду на Разъезде № 1.

Придя на Разъезд № 1, я сбросил окровавленные вершницу и чембары, умылся, переоделся и, привязав собак, поспел к поезду, вышедшему со станции «Басандайка» на «Тайгу». Доехав благополучно до «Тайги», стремлюсь в буфет, так как с утра я почти ничего не ел, а эмоций было порядочно.

Встречает меня брат уехавшего на охоту доктора О—ко, тоже доктор, с удивленной физиономией спрашивая: «Вы из каких мест, А. Н., сюда приехали?» Говорю: «С медвежьей охоты».

— Да ведь брат с компанией уехали туда, и слышно, берлога оказалась пустая.

— Не знаю, у них пустая берлога или нет, а я медведя убил три часа тому назад близ Разъезда № 1.

— Да ведь берлога-то в Козлах! Как вы туда успели попасть? Недаром охотники полагали, что вы туда уедете.

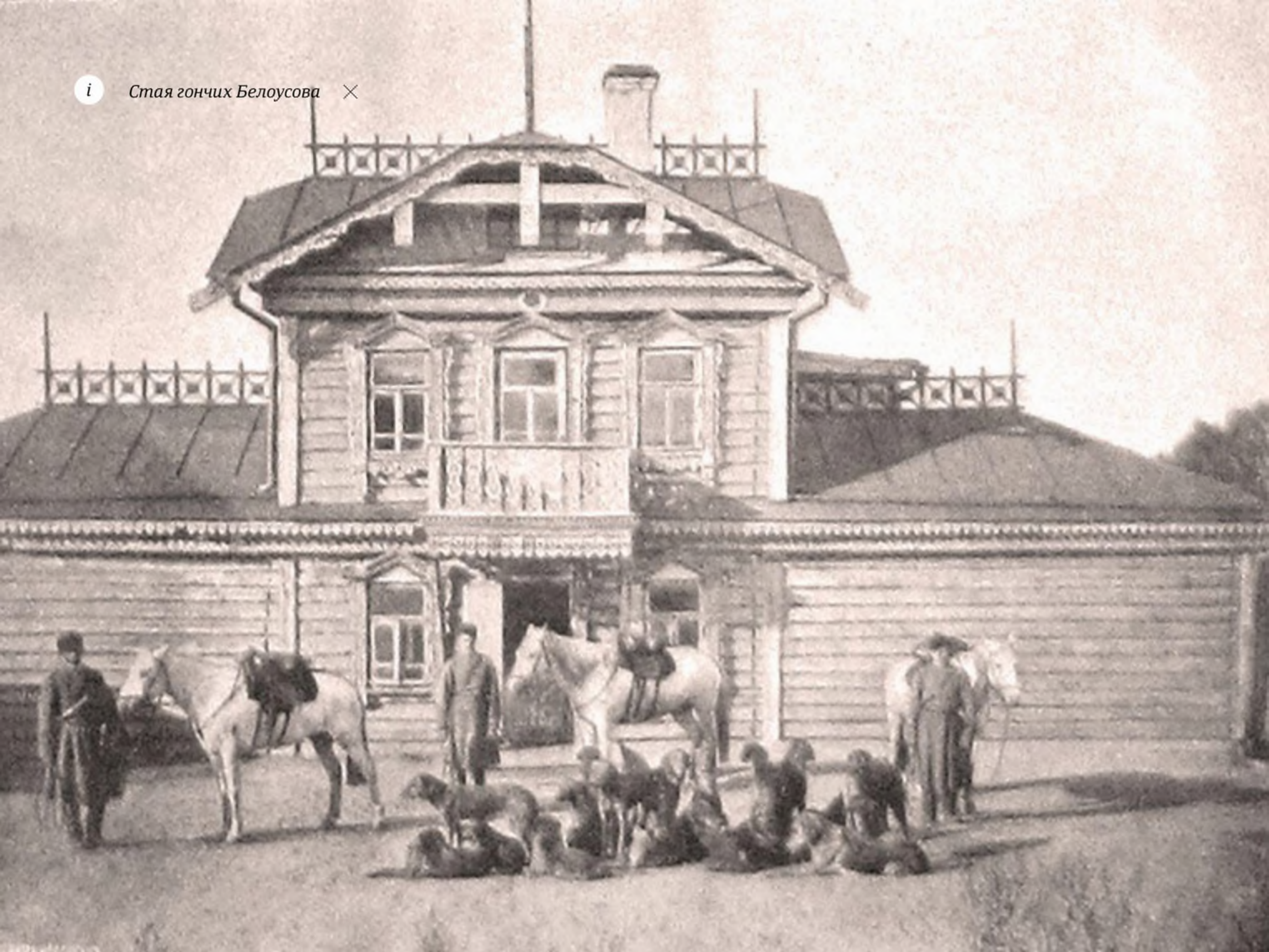
— Фу! Говорят вам, что медведя я убил близ Разъезда № 1!

После обеда я уехал в Томск.

Компания охотников действительно возвратилась без медведя: берлога оказалась пустою. Когда же им сообщили об убитом мною из-под собак ножом медведе, удивленья и досады было немало...

Вообще компания хороших приятелей на некоторых охотах приятна, но в серьезных охотах она только помеха. То ли дело ехать одному с добрыми собаками! Много мне пришлось до этого случая и после него убивать медведей, брать живьем, но на нож принять более не доводилось.

Доктор О—ко и счетовод К—ий достали себе впоследствии отличных зверовых собак; жаль, что из-под них успел доктор убить только одного медведя, и не отведена

Стая гончих Белоусова

порода, так как они взбесились после грызни с бешеной собакой. Около Томска хороших зверовых собак почти нет и купить даже и за хорошие деньги чрезвычайно трудно. Я веду и держу породу лаек-востроушек, которые мне доставляют эстетическое наслаждение, но и много хлопот, неприятностей, не говоря уже о стоимости содержания.

Однажды старик Николай Сваровский под великим секретом и после многих с моей стороны домогательств, чаев и проч. показал мне приметы собак, идущих по зверю. Пока эти приметы оправдываются и, наблюдая на собаках своей породы, я заметил, что далеко не всякий щенок обладает ими; с приметами — щенят оставляешь, а иначе бросишь. Есть собаки, идущие хорошо по соболю и белке, или же по сохатому оленю и медведю; и на всякого зверя — все разные приметы. Надо иметь много опыта видеть и воспитать массу собак, охотиться долгие годы, чтобы выработать верный взгляд на зверовую собаку и изучить охоту по зверю. У настоящих охотников не принято выводить заключение, чуть не «закон» и аксиому по первому впечатлению или рассказу краснобая. В этом смысле превзошел, кажется, всех кн. Ширинский-Шихматов, советуя юным охотникам «собственноручно» выхаживать «все медвежьи петли» и ждать обязательно медведя, идущего с берлоги по стопам какого-то закона, не иначе как «на юг». А то приходилось мне слышать и такие бессмыслицы, что

опытная зверовая собака берет медведя непременно за половые части, или, как некоторые утверждают, что лайка — собака стомчивая, и пойнтер сильнее ее. Охотились ли с лайками эти рассказчики осенью, недели три кряду не выезжая из тайги, кормя их белкой и чем придется? При такой ежедневной работе выдержал ли бы пойнтер?..

3 декабря 1901 года

Тяжелая потеря

Посвящается истинному охотнику
В. П. Горбунову

Осенью текущего 1902 г. я задался целью проследить, действительно ли чело берлоги, как общее правило, всегда обращено на юг, как утверждает кн. Ширинский-Шихматов в своем сочинении «По медвежьим следам».

Я видел 11 берлог, из которых только одна выходила челом не совершенно на юг, но все-таки, можно сказать, на юг. Чело зияло между корнями могучей лиственницы на юго-запад.

Четыре чела расположены были на северо-запад, два — на север, три — на северо-восток и одно — на запад. Только в трех берлогах я убил медведей, а остальные берлоги были старые, известные мне, в которых я раньше бивал медведей, но в этом году почему-то здесь они не легли.

Близ деревни Кайла Томской губернии.
Медведица, убитая 3 декабря 1908 года.

Были и новые берлоги, выкопанные в 1902 г., но оставшиеся пустыми, хотя они очень удобны. Полагаю, помехой были выстрелы промышленников за белкой и рябчиком.

В ноябре месяце я познакомился со взглядом г. Вилинского, этого старинного охотника-писателя, на меня и на произведения г. Старого Волка, о чем я писал в сентябре 1902 г. Г. Вилинский справедливо называет статью Старого Волка сказкой в Мюнхгаузенском вкусе. В то же время он высказал свое сомнение в качествах моих собак, берущих медведя за морду, а равно и относительно времени течки медведя. Мнением такого многоопытного охотника, как г. Вилинский, я игнорировать не мог и потому решил прежде всего показать людям, мне совершенно незнакомым, на деле достоинства и качества моих собак.

Случай не замедлил представиться.

В половине ноября 1902 г. крестьяне деревни Кайлы, Судженской волости, Томской губ. и уезда Андрей Швецов и Василий Галдаев пошли проверить берлогу, найденную в начале осени Швецовым близ р. Чалы, впадающей в р. Яю.

Оба охотника, вооружившись ружьями, заряженными дробью, топорами и ножами, подошли к берлоге. Смотрят — чело «поло», то есть не заткнуто, в берлоге — темнота, как это всегда бывает. Василий бросил ком снегу в чело. Ничего не видать и не слыхать. Тогда он палкой сунул вглубь берлоги — опять молчание.

— Сунь-ка еще, — учит Швецов.

Товарищ, исполняя совет, еще тычет.

— Что-то мягко, — говорит.

— Пихни сильнее, — командует Андрей.

Василий повинуется и со всей силой ткнул в «мягкое».

Слышится рев, и выскакивает медведь. Андрей стреляет в упор, медведь — на него, охотник загораживается рукой; медведь, всплыв на дыбы, схватывает Андрея за руку и начинает трясти. Василий видит — дело плохо и дает тягу, пока цел.

Медведь потряс промышленника за руку и бросил. Несчастный, падая, задел зверя лыжей. Тогда рассвирепевший царь сибирской тайги насел и давай грызть зубами* (Ошибочно утверждают некоторые охотники, будто медведь зубами не трогает человека. Закон зверю не писан — как ему вздумается, так и поступает. — Примечание автора) то голову, то руку, то грудь, то ноги Швецову.

Прежде Швецов кричал, звал товарища на помощь, но затем смолк.

Галдаев, отбежав на порядочное расстояние от берлоги, остановился, слышит: товарищ кричит тише, а потом замолчал. «Знать совсем заломал», — подумал он, направил лыжи и давай Бог ноги к своей промысловой избушке, отстоящей от места катастрофы в 3-4 верстах, куда и добрался благополучно.

Затопил он печку, закусил и поблагодарил Господа Бога за свое спасение.

Потом вылез на улицу с уверенностью, что медведь «кончал» кума Андрея.

Вдруг слышит жалобный зов товарища, идущего к избушке. Он бросился к нему и увидел его всего изуродованного, в крови, с шапкой и рукавицей за пазухой, топором за поясом и ружьем на спине.

Кое-как Василий обвязал несчастному голову и повел на ст. Судженку (около 7-9 верст), а затем повез к доктору на Анжерские казенные каменноугольные шахты, где сделали Швецову перевязку и советовали ехать в Томскую больницу.

Прибыв в Томск, кайлинские охотники: Андрей лег в больницу, а Василий оповестил меня о случившемся.

Андрея Швецова я знал ранее по медвежьим охотам, поехал к нему в больницу, расспросил о происшествии, месте нахождения берлоги, чтобы тотчас ехать разобрать след разбойника, пока не занесло снегом.

Заехал я к приятелям М. Д. К—ву, В. Т. М—му, охотникам по перу, желавшим посмотреть охоту на медведя и работу моих собак. Позвал я первого, тот отказался по нездоровью и напомнил мне взгляд г. Вилинского; второй не поехал — по неимению времени.

Ранее я читал в местной газете публикацию о желании какого-то охотника купить берлогу за 20-50 р. Поехал я по адресу. Это оказался г. Р., подрядчик Сибирской железной дороги, который желал найти берлогу для г. Эзета, охотника

М. Г. Дмитриева-Сулима

из г. Омска, о котором я слышал ранее, как о страстном и дельном охотнике. Думаю себе — покажу свою охоту.

Уговорились ехать с моими собаками, а ранее я решил ехать одному — найти медведя. Бывает, он ляжет в старую берлогу, а то заберется в новую или искарь, сделает слань на снегу и проч.

Буран, мороз за 30°, терпенья нет, но медлить нельзя, — снегом занесет следы, да по глубокому снегу и не разыщешь зверя, я же не обладаю способностью кн. Ширинского-Шихматова, приехав зимой, разобрать следы, сделанные медведем с осени, и на месте отрезать все пустое и ненужное, выкинув все лишние петли, которых* (См. книгу кн. Ширинского-Шихматова «По медвежьим следам». — Примечание автора) не видно под аршинным снежным покровом.

Прибыв на ст. Судженку, я поехал в Кайлу разыскать Василия Галдаева, куда насилу добрался ночью. Это около 25 верст от станции.

Василий рассказал все, как было. Свою робость относил к неопытности: он в первый раз в жизни видел медведя, да и ружье было заряжено дробью.

Я с трудом его уговорил ехать со мной указать место грустного происшествия.

На другой день он обещал приехать, что исполнил.

И наконец-то я отправился пешком, то есть на лыжах, с вокзала к цели своих странствований.

Василий уверял, что не будет 7 верст до берлоги; оказалось добрых 12, если не более.

День короткий, снегу 14 вершков, лыжи тонут до земли, осадки нет, ход тяжелый, мороз жестокий, и в довершение всего Василий потерял место нахождения берлоги. Путались мы долго, вдруг я вижу едва заметный след медведя: характерные луночки на снегу. Пошел им.

Василий отстает, заметно трусит. След повел в густой кедровник; смотрю — петля; пройдя саженей десяток и внимательно разглядывая едва заметные следы, вижу — что-то чернеется, я схватился за ружье, Василий шарахнулся назад. Бывший со мной крестьянин Федор Князев шепчет: «Глись, это он лежит».

Как-то жутко становится без моих верных постоянных спутников — собак. Хотя нас было трое, но одно ружье — у меня да топор у Князева.

Я бросил след и стал обрезать от речки, где чище местность. Обойдя почти кругом густой кедровник, я наткнулся на выходной след, имевший направление параллельно входному, то есть тому, которым я подошел к кедрачу, уже обрезанному мною.

Прежде чем идти чистым следом, то есть выходным, я полюбопытствовал исследовать предмет, принятый нами за медведя, который находиться в обрезе не мог.

Оказалась слань, сделанная медведем из молодых кедровых веток, для чего было сломано несколько юных кедерок, обломаны более пушистые ветки и сложены в кучу на снег.

Таких постелей он сделал две, но почему-то не остался, хотя лежал на обеих.

Полагаю, его согнал страшный мороз и буран.

Надо было кончать дело, то есть выследить зверя и найти его местопребывание.

Вернувшись на «выходной» след, который был виднее «входного», что доказывало некоторое пребывание медведя на сланях, я пошел им; он, путаясь, повел в «подъем». Пройдя несколько десятков саженей, мы увидели пень и рядом чело, в котором скрылся след, имея направление с запада на восток.

Я несказанно был рад, что медведь лег в прежнюю квартиру, так как ход к ней проложен и известен, лыжница готова, и все это сравнительно недалеко от станции.

В избушку добрались ночью; ходьба по тайге зимой во мраке неприятна: то и дело падаешь или спотыкаешься.

Надо было ночевать, так как идти на станцию было просто немыслимо и не к чему — далеко, темно. Мы очень устали, да и не мудрено: на ногах были без отдыха более 12 часов.

Опишу кстати, архитектуру сибирской промысловой избушки: это квадратный, большею частью пихтовый 5-аршинный сруб, кора его не очищена; сруб кладется на мох или ветоши. В избе нет ни пола, ни потолка. Крыша на один скат, она же служит потолком; сделана из бревен,

расколотых надвое. Когда затопят, то снег, лежащий на крыше, тает, и вода каплет по всей хате.

В одном углу очаг из камней, если они есть близко, а то просто земляной, но иногда заносят сюда железную печь, негодную для употребления в селеньи, с прогорелыми боками, дающими массу едкого дыма во время топки.

В крыше, против очага, оставлено отверстие для выхода дыма.

Дверь — квадратная, аршинная доска; в средине просверлена дыра, в которую вбита палка, заменяющая ручку; петель, разумеется, нет, а эта дверь вставляется в четверть, оставленную в стене.

Окон не делают.

Бывают устроены нары, но обходятся и без них.

Пока горит огонь в очаге — тепло, но дымно. Когда дрова сгорят, вскоре устанавливается наружная температура. Ночлег далеко не комфортабельный, но и ему бываешь рад.

Я, как только вполз в избушку, снял вершницу, чембары и завалился спать на душистую мягкую постель из пихтовых веток — и заснул, как мертвый, даже не встал пить чай и закусить (воду для чаю получали, тая снег — процедура долгая).

Проснулся в 2 часа ночи. Мороз и темь. Подбросил дров на очаг — сразу вспыхнуло сухое топливо, заготовленное промышленниками с осени; осветилась хата, и скоро дым наполнил помещение, не будучи в состоянии выйти

в импровизированную трубу. Пришлось открыть дверь, в которую устремился холод.

Я «вылез» наружу («выйти» нельзя было: отверстие дверное «позволяло» выползать на четвереньках), тишина — мертвая, небо покрыто мириадами звезд; таежные гиганты — роскошные кедры, ароматичные пихты — спят, как все окружающее, только громко щелкнет мороз, чем нарушит покой колонка или горностая, приютившегося в корнях отжившего великана, бывшего красавца тайги. Ах, как чудно хорошо в тайге даже в холодную ночь!..

Я взял свои обмерзшие лыжи, пообил снег с камосов и втащил их в избушку, чтобы оттаяли и высохли к утру, и снова заложил дверь.

Спутники мои спали крепким сном. Мне захотелось есть: со вчерашнего утра я ничего не ел. Достал я закуску, хлеб же пришлось оттаивать, ибо он замерз, находясь в мешке, висевшем в избушке.

Закусив с аппетитом, в четыре часа, я разбудил Василия и послал его за снегом для чаю.

В 7 часов мы собрались и вышли, бодрые, веселые и довольные. Я был рад случаю показать на деле своих любимцев. Василий Галдаев радовался тому, что жив остался и не видел медведя. Федор Князев — возможности заработать к празднику деньжонок за подводы, топтание дороги, вывозку зверя и пр.

Путь, пройденный нами вчера с таким трудом, сегодня мы пробежали быстро. Вчерашняя лыжница подстыла,

окрепла; ход сделался легкий. Бежишь — как по паркету; я, далеко опередив своих спутников, прибежал на вокзал, а затем, побывав в дер. Светлой и Антоновке для рекогносцировок по медвежьей части, прибыл в Томск и сообщил г. Р. о благоприятном результате поездки. Условились телеграфировать г. Эзету в Омск, который через неделю телеграфировал о своем выезде.

Я прибыл в Судженку 14 декабря и поехал погонять зайчишек. Полюбовавшись на лисичку, убив 9 беляков с четырьмя загонщиками, я вернулся на вокзал, где встретился с Иваном Эдуардовичем Эзетом, приехавшим прямо из Омска.

Это — молодой человек, очень симпатичный, страстный охотник. Он произвел на меня приятное впечатление своей любовью, вниманием к охоте, а равно ласковым обращением с моими любимцами сподвижниками — собачками.

Смотрю, привез он две пары лыж, выписанных им из Москвы из ружейного магазина г. Рогена. Одни дубовые — отянуты тюленем (даже не на клею), другие — ясеневые. Работа чистая, но их единственное назначение — украшать охотничий кабинет, а не служить в тайге.

Загиб их крутой, который во время хода по глубокому снегу не будет подбирать снег, что бывает при надавливаньи пологим загибом, а должен нагребать, тормозить ход. Перевес — неправильный. Ремни изящные, но только «носочные», а запяточные отсутствуют. К чему-то прибита

тюленья кожа под ступней, куда набивается снег, от давления и теплоты превращающийся в лед, который выбить и сколоть из шерсти нельзя. Надо под ногу класть лист бересты — она не намокает и не намерзает, — или жесть.

Кроме всего этого лыжи из Москвы длинны и узки, так что по тайге и глубокому снегу ходить на них трудно и тяжело. Так что г. Р. сразу сменил свои нарядные лыжи на крестьянские, а Ив. Эд., привязав веревочки, мужественно ходил на них два дня, но, убедившись в их непригодности, заказал таежнику сделать себе новые. После охоты на лыжах из Москвы кожа отстала, отдулась и висела, как старая подкладка у изношенного охотничьего пиджака. Между тем цена лыжам чуть не более 20 р. за пару.

На таких лыжах сделать 12-13 верст хотя сзади, по готовой лыжнице, новичку — тяжело, почему мы решили нанять протоптать дорогу. На это требовалось употребить день, а мы тем временем задумали погонять лисичек, которые близ с. Судженки водятся, а в понедельник, 16 декабря, ехать на берлогу.

Лисичек не видали, а зайчишек погоняли, но убили лишь десяток.

Не могу умолчать о картинном выстреле г. Эзета из винтовки Маузера.

Едем домой с охоты, стало вечереть; я, сидя на передней подводе, подозрил далеко в колке сидящего зайца,

остановил лошадь и указал г. Эзету, который, сидя в санях, с руки выстрелил, и зайчишка пал бездыханным. Было саженей 70. Люблю видеть хороший винтовочный выстрел.

Еще хорошо убил г. Эзет тетерева, тоже из саней с руки, да еще в ветер. Саженей 55 верных было.

На утро 16 декабря мы, то есть И. Э. Эзет, г. Р. и я, тронулись в путь с двумя собаками: старой многоопытной сукой Дамкой и лихим кобелем Барсуком, братом Серки, получившего в январе 1902 года в Москве на выставке Императорского Общества Охоты большую серебряную медаль от Общества, медаль министерства финансов, как лучшая лайка на выставке, и приз имени князя Ширинского-Шихматова за лучшую лайку на выставке, — оба сыновья Дамки. Нас сопровождали еще трое мужиков-подвозчиков, топтавших дорогу, — Князев с братом и сыном.

Ехали и шли долго, к берлоге попали лишь в третьем часу.

Подойдя саженей на 20, я привязал собак на ремень, отдав их держать сыну Федора Князева, чтобы осторожнее подойти не спеша к берлоге.

Я хотел подойти к берлоге снизу, но ошибся: место за две недели изменилось, снег все следы заровнял, даже пень, стоявший рядом с берлогой, ранее мною виденный, покрыло снегом и сравняло. Князев же указал берлогу, которую я прошел в 4-х саженях.

Собаки рвались, неистовствуя. Здоровый парень их не мог удержать: они вырвались, чуя зверя, и бросились прямо в чело. Барсук влетел с ремнем, и пошла потеха. Для меня это обыкновенная история.

Обе собаки в берлоге, медведь рычит, рюхает, собаки возятся, иногда взлаивают.

Свидетели-охотники были поражены такому приему собак.

Ранее я полагал, что зверь большой, почему поставил охотников позади чела, но, слыша рычанье, узнал не матерого, почему повторил: «Стрелять не торопясь, остерегаться не ранить собак, медведь не уйдет: возьму ножом».

Собаки дрались отчаянно: то шумели, то вдруг смолкали. В мгновенья мертвой тишины охотники выражали предположения, не задавлены ли собаки, но опять раздавалось рычанье, подымалась грызня.

Охотники вновь суетились, торопились, я их успокаивал, говоря: «Пусть натешатся собачонки, успеем убить, не уйдет, только не торопитесь».

Барсук раза два выскакивал из берлоги, весь в глине; похватает снегу и опять туда.

Надо было кончать турнир.

Я снял лыжи, подошел к челу берлоги, разгреб лыжей снег, чтобы стать тверже, и хотел петлей поймать собак, но не тут-то было: не даются.

На медведя. Репродукция с картины

Страшный момент. Оригинальный рисунок

Тогда я, став на колено, опустился в чело берлоги (прием, употребляемый мною не в первый раз), наконец, мне Дамку удалось поймать и вытащить наружу; отдав держать ее Князеву, я пустился выручать Барсука, но едва я стал на колено, как Барсучок выскочил, а за ним медведь.

Как только показался медведь (молодой) из берлоги, я крикнул: «Спускай Дамку».

Сука тотчас поместилась зверю в шиворот. Схватив медведя за шерсть, я сдернул с Барсука — зверь оторвался и дал тягу.

Я вытащил упавшее в снег ружье, хотел выстрелить, но произошла осечка.

Барсук опять догнал медведя и вцепился ему в ухо. Медведь подмял его вторично. Я схватил за уши зверя и скинул с собаки. В это время раздался злосчастный выстрел. Медведь приподнялся, а Дамка вцепилась ему в горло, но была опять смята. Я тогда вырвал нож, и, ударив медведя под лопатку, стащил его с Дамки.

Прибежавший ко мне г. Эзет выстрелил в это время в зверя, которого таскала уже Дамка.

Вдруг я слышу голос Князева:

— Что наделали! — собаку убили.

Я взглянул и увидел Барсучка в трех шагах, ползущего ко мне, а по обе стороны зловещие, алые ленты крови.

Вид крови, мысль о потере драгоценной собаки, ее до боли сердца жалкий, как бы умоляющий взор — привели

меня в крайний аффект, и я на минуту потерял сознательность действий. Я, говорят, бросился к Рачинскому, стоявшему от меня в 15-20 шагах позади берлоги, — с искаженным лицом и с криком: «Зарежу», но в это время от меня в трех шагах выскакивает из берлоги лончак, а за ним другой. По ним сделали несколько выстрелов. Г. Эзет одного ранил, но они ушли.

Надо было взять их. Я вернулся к Дамке, которая не могла расстаться с трупом драчуна. Оторвал ее, взял на руки, понес на след убежавших зверей.

Старушка моя, почуяв свежий след, бросилась по нем, но страшно вязла, а я вернулся к моему сподвижнику Барсуку, который плелся за мной.

Я подошел, поцеловал милого друга и заплакал. Я уже давно не плакал. Он ни разу не взвизгнул, но помутившимся взором, как бы с укором, поглядел на меня.

И что я наделал? Хотел доказать доблесть своих собак?! Кому? Для чего?!..

Более 25 медведей я убил с ним — один, уверен был в него, как ни в одного товарища; никого и ничего не боялся — зная, что он не пожалеет собой для меня, и он знал, что я его не выдам.

Мне кажется, что у всех присутствующих слезы были на глазах. Я не мог больше оставаться. Слыша лай Дамки, побежал ее выручать.

Снег кругом глубокий, ноги собаки нет. Я тревожился: сука, хотя лихая, но старая, с утра не ела, пробежалась порядочно и в эмоции.

Слышу выстрел, подхожу: раненного г. Эзетом медведя добили, а Дамка опять замерла на нем.

Поласкал, поцеловал лихую старушку. Говорю: «Пойдем, третьего сорванца добудем». Взял ее на руки и понес с собой. У самого же так и щемит грудь. Может быть, и над этим чувством охотника найдутся желающие посмеяться — ну, и Бог им судья, ведь в старину сложили пословицу: «Дураков узнают по смеху», а я своих собак более не покажу в работе, — будет: урок получил.

Нужно было сделать круг, чтобы увидать выходной след, но мне хотелось скорее покончить с беглецом. Я надеялся на Дамку. Если она не возьмет, то во всяком случае найдет и задержит беглеца. Я послал собаку вперед. Та скрылась и через несколько время залаяла, но далеко. Мы, то есть я, г. Эзет и Федор Князев, устремились к ней. Гляжу, она, ощетинясь, «плывет» ко мне по глубокому снегу. Я ее, погладив, поласкав, натравил опять. Она ушла. Мы скорее за ней. Слышу я ее лай и вижу ее бегущей ко мне, а за ней следом лончака, которому я и послал пулю в висок, чем окончил его существование.

Старушка бросилась на него и опять замерла.

Я снял кушак. Сделав петлю, надел ее на голову мишке и потащил к берлоге, но Дамка не хотела расстаться со своим врагом — хватала его и не давала мне ходу.

Я передал зверя подошедшему Князеву, а сам пошел посмотреть милого Барсучка, которому приказал перевязать живот своим кушаком. Рана была навылет. Виднелись кишки на обе стороны. Надежды не было на выздоровление.

Слышу, Дамка опять лает. Стало темнеть. Я знаю, что она нашла медведицу, дравшую Андрея Швецова, которая была мною выслежена, но не осталась в берлоге со своими детьми — кто знает, по каким соображениям, но я не побрел на лай.

Не пошел я добывать медведя, боясь стравить собаку, да и не по себе было: я волновался и тосковал о Барсучке, который спит теперь вечным сном в медвежьей берлоге. Одному с горем легче. Я крикнул Дамку и пошел к избушке, ни с кем не говоря. Я был убежден, что медведица от меня не уйдет: чуть снег поокрепнет, я найду ее с собаками. Далеко уйти она не должна.

Бывши на берлоге, я показал г. Эзету и Рачинскому, что значит «заломы», о которых я писал и о существовании которых многие не знают.

Берлога была старая, то есть в ней не в первый раз зимовали медведи, и около нее были видны старые обломы елок и пихт, а равно и свежие, т. е. осенние следы этого года.

Выгреб был на запад. Первый зверь выскочил на запад, а два других на север. Следовательно, ничего не было похожего на то, что требуется теорией кн. Шихматова.

Добрались мы ночью до лошадей с различными приключениями. Даже с лесины в речку угодили свалиться.

Затем, разместившись в санях, прибыли на станцию, грустные и осиротелые. Все восхищались отчаянным бойцом и жалели.

Федор Князев вспоминал прежних моих собак: Нарымку, Серку.

Все это были чудные собаки, но у них не было той деликатности, того ума и легкости, как у Барсука, при беззаветной злобе, присущей им всем.

Не было примера, чтобы у меня ушел хотя бы один медведь, рысь, росомаха, олень — осенью, весной или летом, если на охоте был Барсук. Да! Прощай, мой милый товарищ, никогда тебя не забуду!

Показал я г. Эзету и Рачинскому тайгу, окружавшую г. Томск. Наслышались они о существовании росомах вблизи г. Томска, видели «заломы».

Существование всего этого в провинциальных журналах, руководимых невежественной рукой, так бесстыдно отвергалось.

Видели они две берлоги, у которых чело не на юг, как утверждает кн. Ширинский-Шихматов.

Познакомил я их с промышленниками, живущими в тайге, которых они расспрашивали о времени течки медведей, причем все промышленники единогласно говорят, что время это — конец августа и половины сентября — круг Воздвиженья Животворящего креста, то есть 14 сентября.

Один из лучших промышленников Томской губернии Клементий Дмитриев, о котором я ранее упоминал в своих записках, рассказал нам случай, когда он нашел на месте течки (току) в начале октября «утолоку», заеденного медведя, загребенного землей, и несколько лоскутков шкуры, валявшихся на «току», которые он принес домой.

Ссылка г. Вилинского на 150 медведей, убитых Крутенко, егерем Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича, для меня неоспоримым аргументом быть не может. 1) Действительно, весной медведи переходят иногда по несколько вместе, как всякие звери — изюбрь, коза, белка, колонок и проч., но эти переходы не сопряжены со временем течки. 2) Я писал о Сибири и северных губерниях Европейской России, а не о Кавказе, медведей которого я не знаю. 3) Наконец, мои аргументы о времени течки слишком ясны и неопровержимы: никто из охотников не убивал в октябре и ноябре медведиц, у которых констатировал бы зародышей в шерсти, что неминуемо должно быть, если время оплодотворения медведей бывает в июне, как утверждает кн.

Ширинский-Шихматов. Опять повторяю, я пишу только то, что видел и испытал, следовательно, убедился и знаю.

Вместе с тем я хотел на деле, при свидетелях, доказать то, что для других кажется неправдоподобным, желал убедить неверующих живыми показаниями объективных, незнакомых мне свидетелей, показав, как берут собаки медведя за морду, и дорого заплатил за доказательства.

Позволю себе высказать свой взгляд на зверовых собак.

Всякая собака хороша, когда хозяин ею лично занимается, любит, ласкает, кормит ее, а зверовая — тем более. Нельзя требовать от собаки, держанной на псарне, тем более цепной — легкости, чутья, верности, злобы.

Я замечал на своих собаках следующее: если их держать на цепи, то они становятся тупы, злы и несносны. Чем ближе их имеешь при себе, тем умнее, привязчивее они делаются. Для зверя они будут злобны, если они: 1) хорошей породы — известной своими качествами, то есть легки, злобны, умны; 2) обладают приметами, признаками зверовой собаки (кои известны очень немногим охотникам); 3) имеют практику, которую начинают с хорошими, дельными собаками.

Разумеется, универсальности от всякой остроушки-лайки требовать нельзя и, на мой взгляд, талантливая писательница, умеющая тонко наблюдать, г-жа Дмитриева-Сулима идеализирует и слишком много приписывает этой собаке, считая ее годной на всякую дичь и охоту.

Не может она сравниться с борзой при травле волка или русака; немыслимо ей гнать, подобно русской гончей, как, например, гоняли собаки моего отца, потомство которых берет два года кряду первый приз на полевых испытаниях Московского Общества охоты имени Императора Александра II в стае и смычке (говорю о собаках П. А. Белкина, которые все попали ему от меня, причем было ошибочно сказано в каталоге выставки: «происхождения неизвестного», так как они родились все в нашем родовом имении селе Никольском, Владимирской губ. Переяславского уезда). Равным образом ожидать и даже выработать у лайки стойку-потяжку, поиск сеттера, пойнтера — дело более чем сомнительное. Но для тайги, леса, скал, гор эта собака незаменима по своей легкости, стойкости, чутью, злобе.

Без лайки нет зверового охотника, и ни одна порода собак заменить ее не может. Но к ней предъявляют массу странных требований. В тайге нужна собака, чтобы бить из-под нее птицу, зверя: найдет она глухаря — тот сядет на лесину, она на него лает. Выследив оленя, лося, она гонит их молча, иначе их далеко угнала бы и, забегая спереди, лает, когда зверь остановится.

Найдет медведя — лает тогда, когда он влезет на дерево, или отсел. Собака сидячего медведя не возьмет, ну, и злится и лает. Если же она будет гонять по следу, как гончая, то угонит зверя далеко, и в таежных местах он на кругах ходить не станет. Зверовщик ценит собаку, останавливающую зверя,

и таковы все промысловые лайки. Но вот, например, читаю я публикацию в охотничьей прессе о желании г. Лесничего из Люсина иметь лайку, хорошо притравленную на медведя (чтобы вела голосом в оклад). Это, следовательно, будет гончая, а не лайка. Если она только лает, а не берет медведя, то есть не останавливает, то ей цена грош. С подобным сокровищем зверя не добудешь, а найдешь и угонишь.

Уважаемый охотник г. Вилинский говорит, что медведь «никогда» не наносил вреда сельскому и охотничьему хозяйству и т. д. Быть может, на юге России, но и там г. Вилинский лично стерег медведя на овсах (как известно, ходя на овес, медведь не столько его губит, обсасывая стебли, сколько мнет и топчет полосу). Затем известно, что медведь приносит громадный вред пасекам; он же губит массу лошадей и коров, так, например, в 40 верстах от г. Томска, близ с. Иштана в 1902 г. весной и осенью медведи убили более 40 шт. крупного скота, чем нанесли значительный ущерб крестьянам.

Что касается севера России, то статистика Вологодской и Олонецкой губерний слишком красноречива, чтобы утверждать, что медведь не вредит сельскому хозяйству: в одной Олонецкой губернии медведи сотнями режут скот. Там вопиют о борьбе с этим злом и потому странно слышать голос, отвергающий вред, наносимый медведями.

Полкашка

Человеку свойственны увлечения, слабости, следовательно, больное место у всякого есть.

Один любит карты, другой — игру в тотализатор, третий — ведет турманов, четвертый — предпочитает стрельбу по голубям и тарелочкам и проч. и проч. Я же увлекаюсь породой своих зверовых собак, и чем больше, чем чаще с ними охочусь, любуясь их приемами зверя, тем сильнее убеждаюсь, что лучше, приятнее этой охоты (для меня) быть не может.

Главное — я один с своими четвероногими друзьями — в них радость, на них и надежда.

Разумеется, многие, читающие охотничьи журналы, усомнятся, не поверят описаниям моих охот и скажут: «Нет нужды пускать собак в берлогу, вытаскивать их оттуда с усилиями» и пр. и пр., но я так охочусь, сильное ощущение на лоне природы доставляет мне удовольствие, и свой способ охоты с лайками, как бы ни называли его — правильным или неправильным — я ни за что не променяю на способ с

г. Мариинск Томской губернии. Общий вид

стоячей облавою, ершами, молчунами и пр. Не претендуя на правильность или неправильность способа охоты, я описываю только быль, и те немногие, видавшие моих собачек, верят, восторгаются ими и понимают меня, мою страсть к той именно охоте, эпизоды которой я описываю.

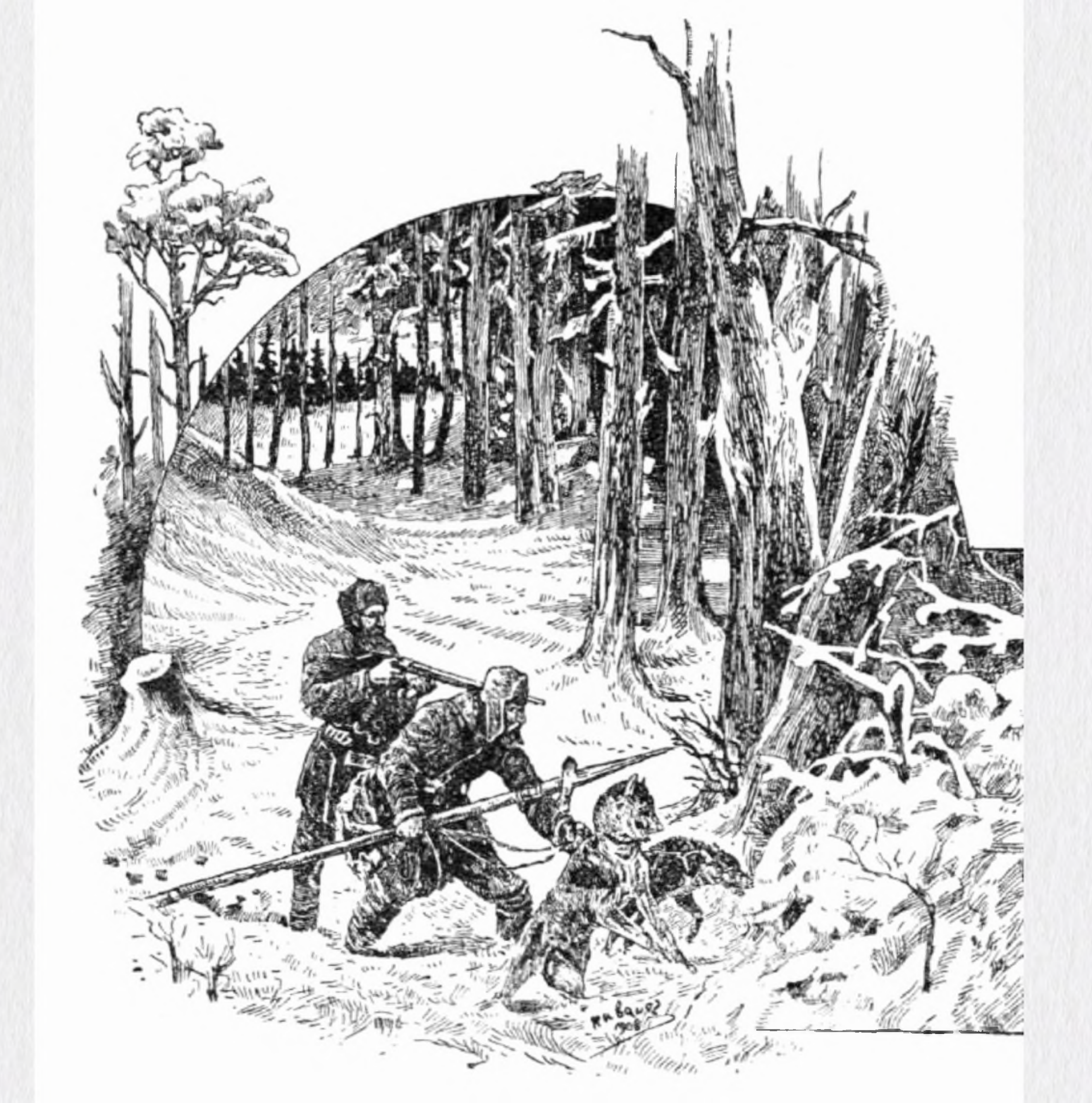
В настоящей статье я описываю охоту 10 февраля 1903 г., с которой я вчера вернулся.

С начала января сего года я забрался в необозримые болота Томской губернии и уезда по р. Иксе-Базару, Бобровки и проч. Это интересное путешествие пешком, по глухим, необозримым болотам, пролегающим на сотни верст, доступным человеку лишь зимой на лыжах, я опишу впоследствии, а теперь только поделюсь рассказом об охоте на медведя.

В начале февраля я получил собаку от томского исправника К. А. Попова, которую он рекомендовал, как хорошую медвежью собаку.

Я поблагодарил за внимание и просил ее мне показать. Привели. Смотрю. Породы никакой, форменный дворняк. Поглядел — приметы есть, но сбивчивые — не то по мелкому зверю, не то по глухарю. Собака очень умна, вежлива, миловидна и только. Но слава о ней великая. Она была у поляка-охотника, который попал в тюрьму, и собака осталась в полиции.

Взял я собаку. Кличка ей Полкашка. Стал я ее кормить, ласкать, нежить, чтобы она привыкла ко мне.

Вдруг получаю телеграмму из Судженки: «Приезжайте, есть медведь».

Ехать я не могу: заболел палец левой руки. Боли, ломота страшная.

Досада — доктор не пускает.

Получаю еще письмо из г. Мариинска. Зовут на выгнанного дроворубами медведя. Тоже ехать немыслимо. Руку разнесло. Надо делать операцию, которой я боюсь. Четырехлетняя девочка не так труслива к своей крови, как я.

4-го февраля решаюсь. Еду в клинику, где мне сделали операцию. Боль нестерпимая, руку забинтовали и сказали явиться на перевязку 6 февраля.

Явился. Несмотря на нежные ручки фельдшерицы, боль страшная и еще хуже и ужаснее то, что узнаю новость: придется ходить на перевязку еще недели две и объявиться завтра. «Вот так, покорно благодарю, — думаю себе, — ну и пальчик».

Приехал домой недовольный тем, что не могу ехать на охоту из-за такой пустяковины.

Является охотник Алексей Сельчихин с известием, что нашел зверя. Видел он его, идя за рябчиками, лежащим на елани, от Томска в 30 верстах, по чудной дороге.

Искушение, соблазн, а рука забинтована и на перевязке.

Поднял ружье правой рукой, прицелился — смотрю, левая не дрожит, но неловко держать — болит средний палец. Говорю: пойду завтра — только схожу на перевязку и спрошусь доктора.

Очень мне хотелось попробовать новую собаку.

Прихожу наутро в клинику и прошусь отпустить меня на охоту — проезжу два дня. Доктор удивляется, не советует.

— Да что за надобность ехать теперь, когда и стрелять неудобно?

Говорю:

— Надо медведя стрелять.

Студенты и фельдшерицы рассмеялись, и я получил дозволение ехать, но вернуться с медведем.

— Слушаюсь, — говорю и, радостный, хотя рука болела нестерпимо, полетел домой.

Живо собрался и поехал.

Взял с собой почтенную старушку Дамку, сына ее Мишку — кобеля по второй осени и знаменитость Полкашку. Хотел взять красавца Волчка, но трудно с четырьмя собаками возиться, тем более что Волчок очень злобен к новым собакам, а мирить с больной рукой разодравшихся собак — неудобно, в особенности могучего Волчка.

Дорога по реке Томи чудесная. Доехали живо. Погода тоже благоприятствовала. Тепло, тихо.

Наутро встал рано, напился чаю и в ход.

От деревни ехать надо было версты 3 и на лыжах по болоту с версту.

Погода восхитительная, ход на лыжах чудесный, но собаки вязнут, особенно мои, крупнее Полкашки, а тот ползает по субоям, нюхтит зайчишек.

Железный мост через реку Томь

Алексей Сельчихин уверял, что берлога заткнута, а след идет из берлоги саженей 15 и кончается еланью, на которой улегся зверь, которого он видел лично дней пять назад.

Доверяя ему, я взял два ружья, чтобы поспеть стрелять семью, рассчитывая, что медведице пришло время щениться, и она выгнала пестуна.

Еще пошел со мной казенный лесник Волков, желая поглядеть охоту, и мужичок, владелец лошади, на которой я приехал из деревни, пожалев своих коней, которым дал отдых.

Версту до берлоги прошли мы скоро, собаки шли сзади и вязли в глубоком снегу.

Едва Алексей показал мне слань, как Мишка с Дамкой ринулись вперед.

Я взвел курок, приготовился, скинув рукавицу с больной левой руки.

Но собаки свернули влево и скрылись в снежной массе. Пошла потеха.

Оказалось, что медведь, как стало тепло, вышел из берлоги, сделал себе постель из хвои, на которой улегся, но как стало холоднее, он опять убрался в берлогу.

Грызня идет отчаянная. Медведь порядочный, судя по голосу. Берлога в кочке на болоте. Мишка, достойный сын Дамки и брат покойного знаменитого Барсука, Холерки, Серки и других детей Дамки — злобно мечется в берлогу, но зверь не лезет.

Где же хваленый Полкашка? Гляжу — он стоит смирнехонько в почтительном отдалении и не обращает внимания на происходящее в берлоге. Приказываю вырубать кол и совать в затылок берлоги, что мужичок исполняет прекрасно.

Кочка с нескольких ударов пробита, и кол попадает, должно быть, в спину зверя.

Мужичок кричит: «Держит, не пускает».

Собаки в это время рвут без сожаления медведя, и он с ревом выскакивает наружу. Тотчас смял бросившуюся на него Дамку. Мишка прыгнул на зверя и, схватив за шиворот, давай трясти.

Медведь отбился от Мишки, но выскочившая из снегу Дамка поместилась ему в глотку и тотчас опять попала под зверя.

Мне стрелять нельзя. Собаки на переду, а идти с ножом не решаюсь по глубокому снегу и с больной рукой.

Собаки положительно ходу не дают зверю.

Вот Мишка вцепился в щеку медведю, сорвался, тот бросился на него, а мне обнаружился зад зверя.

Прицелился по животу (полому месту) и выстрел грянул.

По лопаткам нельзя было стрелять, собаки были близко. Медведь, как ужаленный, кинулся, отшвырнув собак, и едва сделал скачок, как обе собаки ухватились в зад.

Зверь только приподнял голову, как я сделал выстрел в затылок и лихой боец сунулся, не сделав прыжка в вершок.

Общий вид станции Мариинск

Обе собаки вцепились в труп зверя, а я начал заряжать шомпольное ружье. Зверь вывесил 6 пуд. 35 ф.

Где же Полкашка? Он, говорят, едва увидал медведя, как удрал за 15 сажен, уселся на пне и оставался благородным свидетелем, даже к убитому зверю не желал подойти. Что за чудо, понять не могу.

Зарядив ружье, я подошел к собакам и натравил их на берлогу. Собаки полезли, понюхали и констатировали, что более в ней обитателей нет.

Дамка опять впилась в медведя и не давала подойти мужикам, которые должны были тащить медведя к оставленным саням. Мне после уговариваний и ласк пришлось взять собак на сворки, чтобы идти вперед, иначе они не дали бы взять зверя. Такова уже у них повадка, а я их не останавливаю.

Алексей был в восторге от собак, говоря, что он не только не видел, но и не слыхал, чтобы собаки могли так брать зверя, и все просил щеночка от Дамки.

Убил я еще четырех оленей и приехал домой, по дороге случилось со мной приключение. Сани-нарты навалились, и медведь выпал. Вот я повозился: одной рукой навалить не могу, а помочь левой боюсь — разбередишь палец. Принимался несколько раз, но все безуспешно, и ухитрился, наконец. Приподняв перед, притянул голову медведя к грядке, а затем приподнял зад и втащил в сани.

Заехал в клинику прямо с охоты.

Спрашивают меня:

— А где медведь?

Отвечаю:

— В санях.

— Где?

— Да здесь, у подъезда. Что обещал, то исполнил.

Не идет это к делу, но не могу утерпеть, чтобы не поделиться небывалою новостью: видел 9 февраля ток глухарей, т. е. токующих глухарей я не видел и не слышал, но видел токовище, все исхоженное глухарями, где они чертили крыльями, прыгали — одним словом, как весной.

Согнал с десяток глухарей с кедерок. Что-то очень рано!..

Тетеревей в тайге много, но в чистых местах положительно нет. Зайцев везде масса.

Показались вблизи самого Томска табунки серых куропаток и каменных рябчиков (голоножек). Благодаря почину бывшего томского губернатора А. А. Ломачевского и инженера Якса-Квятковского, выпустивших несколько десятков куропаток около Томска, их развелось много. Только жаль, что они безжалостно избиваются вкруг Томска, а интересно было бы развести эту вкусную дичь, что можно достичь заказом не стрелять куропаток в продолжение 3-х лет.

Две охоты на медведей близ города Томска

В Томской губернии много лесов, непроходимых болот, покрытых зимой снегами, способствующими охотнику на лыжах с нартами забираться далеко от населенных мест и вдоволь охотиться за всякими зверем, отдалившимся из прежних излюбленных мест, где теперь прошла железная дорога, вдоль которой селятся крестьяне центральных губерний Европейской России всеми способами, хотя неумело и варварски преследующие всякую дичь и отогнавшие ее в далекие урманы и тайги, благодаря чему год от году близ железной дороги дичи и зверя становится менее, а цены на них растут.

Прежде цена рябчикам, тетеревам была 70 к. за десяток, а ныне 70 к. пара. Медвежьи берлоги продавались по 10-15 р., а ныне платят 80 и 100 р. Так, например, в конце октября

Тайга.—Tayga. № 8.
Вокзалъ.
ТАЙГА

1903 г. я читаю публикацию в местной газете: «Продается берлога, ст. Тайга, цена 100 р.».

Из Томского Общества Правильной охоты не нашлось покупателей, а из Омска г. Эзет (помощник начальника участка Сибирской железной дороги) купил эту берлогу за 80 р. у крестьянина Василия Литвинова, со слов которого я описываю эту интересную охоту.

Сделав публикацию, Литвинов получил несколько писем с объявлением цены не более 50 р. Машинист со станции Тайга г. Тимофеев предложил ему 80 р. кроме подвод и прочих расходов, заявив, что он покупает для г. Эзета.

В назначенный день приехал из Омска на ст. Тайгу в отельном, прекрасном служебном вагоне г. Эзет. С Василием Литвиновым и братом его, бывшим солдатом, имеющим знак отличия за стрельбу, сопровождаемым машинистом г. Тимофеевым, отправились верхами на берлогу, находящуюся от ст. Тайги в 13-15 верстах.

У крестьян были три собаки, идущие по медведю.

Не доезжая берлоги, охотники спешились, лошадей привязали, собак взяли на веревочки и пошли.

Василий Литвинов был вооружен колом и топором, остальные же ружьями. Свою же берданку Василий Литвинов оставил в 30 саженях от берлоги, будучи уверен, что медведь один и будет убит первой пулей г. Эзета, отличного стрелка, стрельбу которого я описывал в I книге за 1903 г. журнала «Природа и Охота».

Подойдя к берлоге, первым стал г. Эзет, рядом с ним г. Тимофеев, солдат Литвинов в арьергаде, Василий же начал выгонять медведя.

Две собаки лаяли у берлоги, а одна близко не подходила.

Василий пробил колом небо берлоги и начал им «шуровать»; зверь рявкнул и полез в небное отверстие, сделанное Василием. Показалась голова медведя. Получив удар колом, зверь выскочил из чела. Г. Эзет выстрелил в упор на 6 арш. Медведь пошел. Последовал второй выстрел, и пошла потеха. Стрелял два раза г. Эзет, а г. Тимофеев — 8 или 10 раз. От последнего выстрела медведица пала. Оказывается, более 2-х раз г. Эзет стрелять не мог: у него сломалось новое, дорогое ружье или патрон застрял, которого экстрактор не подавал, — наверное не знаю.

Пока главные охотники расстреливали медведицу, выскочил пестун, которого они не видали.

В этого зверя начал палить солдат, но вгорячах высил. Василий видит — дело плохо, медведь уйдет, а тут еще выскакивает третий зверь — молодой, рожденный в 1903 г., и уходит без выстрела.

Василий сбегал за своей берданкой и, вернувшись, успел ранить пестуна, которого добил брат солдата, так как у г. Эзета, как я сказал, ружье отказалось действовать, а у г. Тимофеева вышли все заряды. Собаки догнали медвежонка, которого убили тоже братья Литвиновы.

В общем охота вышла для всех приятная: для г. Эзета, который поехал, полагая найти одного медведя, а получил три трофея; для г. Тимофеева, который потешился, выпустив около десятка пуль по медведю. Пальма первенства выпала на долю Литвиновых: деньги получили и двух медведей убили.

После этой охоты ружье г. Эзета попало в починку к томскому ружейнику, а сам он поехал в Судженку с приехавшим г. Рачинским (убившим год тому назад у меня собаку Барсука на медвежьей охоте близ Судженки. Случай этот описан мною в кн. I и II журнала «Природы и Охоты» за 1903).

Там они услыхали, что есть берлога на речке Барзале, найденная больным, почти слепым стариком Ефимом. Знаю я его давно. Прежде он был промышленником, скитался по р. Яе, живя в земляной избушке при устье р. Кельбега, но когда там образовался поселок, он перекочевал на р. Барзал, выстроил при помощи другого скитальца — промышленника Кустова и своей кривой сожительницы Васильевны избушку, и живет, существуя рыбной ловлей, собиранием ягод и немного — охотой, но последней занимается мало, так как зрение ему служить отказывается. Бродя осенью по тайге, он наткнулся в одной версте от своего пепелища на берлогу, которую начал рыть медведь.

Проверить и убедиться, есть ли там, то есть лег ли в нее медведь, он не смел, а на всякий случай оповестил

торговца в с. Судженке — Гальвидигу, который сообщил об этом приехавшим охотникам, то есть г. Эзету и Рачинскому, которые поехали попытать счастия.

По дороге охотники завернули к промышленнику Филиппу Ершову, которого узнали на охоте в прошлом году со мной; пригласили они его «для компании» с собакой.

Эту собаку я видел несколько раз и слышал об ее злобе. Она была со мной на охоте, так как Филипп Ершов хотел продать мне ее.

Она мне не понравилась, и вот почему. Собака старая, битая, вся искалеченная за свой дикий нрав. Она бросается на человека знакомого и незнакомого, рвет телят, ягнят, всякую птицу, дерется с собаками, где и когда угодно, ходу, рыску не имеет, глуха — хотя очень злобна и приемиста к зверю. Мои же собаки при своей злобе обладают неоцененным качеством — хороши в погоне и очень вежливы с птицей, скотом, людьми, злы ночью. Когда же Филиппа Ершова Мальчик* (Мальчик — кличка описываемой мною собаки. — Примечание автора) бросился на моего Барсука, тот его смял в одну секунду, так что я с Филиппом едва выручили Мальчика из зубов Барсука, взявшего его за глотку.

От места жительства Филиппа до Ефима около 40 верст отвратительной дороги вдоль р. Яи и на Бароновский поселок — 4 версты. На санях можно проехать до устья р. Кельбеса и пять верст — разломом, хребтом между р.

Кельбесом и р. Барзалом до избушки Ефима, куда охотники явились днем.

Тотчас отправились на охоту впятером, именно г. Эзет, Рачинский, Филипп Ершов, Артюхов — подводчик со станции Судженка и Ефим, нашедший медведя.

К берлоге подошли перед вечером, стало смеркаться. Не доходя до берлоги, услыхали рявк медведя и пустили Мальчика (собаку Филиппа). Собака бросилась к берлоге и несколько раз возвращалась. Филиппу надо было ее поймать, что он сделать побоялся или не догадался.

После нескольких порывов собака кинулась в берлогу и скрылась; охотники, полагая, что она задавлена медведем, открыли огонь по челу, не видя медведя и собаки. Филипп, по выражению его, заревел и зажал уши, жалея погибшую собаку.

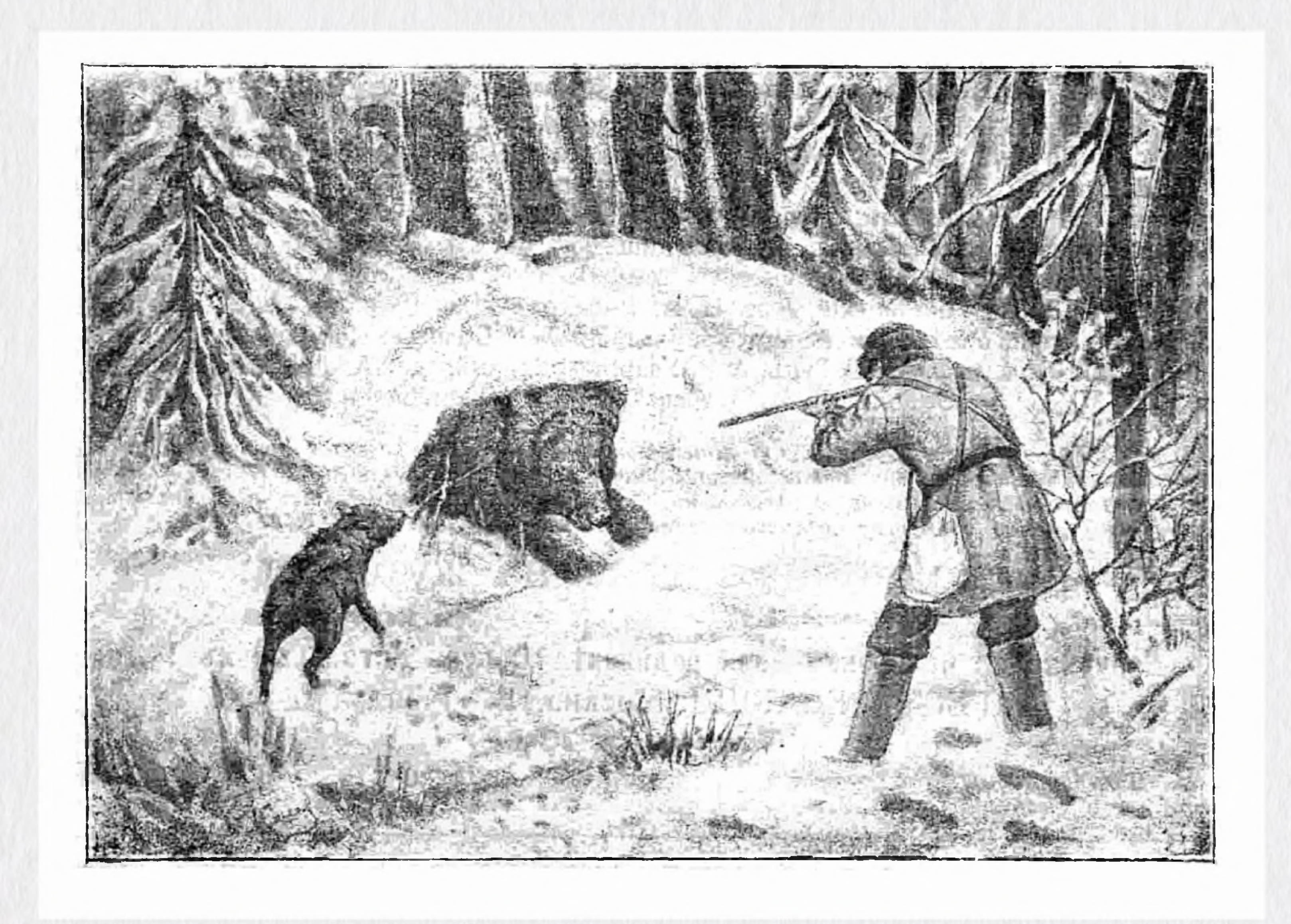
Разумеется, он и был главным виновником гибели собаки, поехавши с одной злобной, старой, неповоротливой лайкой и с неизвестными ему охотниками.

Стреляли они до десяти раз в чело, скрытое клубами порохового дыма.

Когда же никакого движения в берлоге не стало слышно, они начали совать колом, попадавшим в туши бездыханных врагов, то есть медведя и собаки.

Совершив главное дело, они начали вытаскивать из берлоги зверя.

У собаки была рана в висок, щеку и брюхо.

Куда был стрелян медведь, мало интересно для читающей публики, так как вся стрельба производилась без прицела, наобум.

Медведя я этого видел на станции «Тайга», когда его вез г. Эзет трофеем охоты в Омск. Это небольшой третьяк бурый.

Полагаю, что собака была убита пулями охотников, поторопившихся стрелять, а не замята медведем, так как у меня было много примеров, когда злобная собака заскакивала в берлогу, дралась с медведем и оставалась цела.

Это были редкие случаи, так как с одной собакой я никогда лично не охотился и охотиться не собираюсь. Быть может, поэтому на моих охотах подобных несчастных финалов не бывало.

Другой участник этой охоты, Артюхов, передавал процесс охоты одинаково, так что не верить им я не имею причины, и сообщил подобную оригинальную медвежью охоту со слов двух очевидцев, которым не доверять нет основания, хотя иногда не знаешь, кому верить; так, например, я встретил вчера машиниста г. Тимофеева, который рассказывал об охоте, описанной мною в начале статьи, уверяя, что он убил всех трех медведей, а не Литвиновы, и что г. Эзет попал медведице в зад и далее стрелять не мог благодаря застрявшему в ружье патрону. Кто из них прав, не знаю.

Разумеется, очень жаль так дико, бессмысленно погибшей собаки, злобного Мальчика, как Филипп его называл; досадно за владельца собаки, которого я виню более всех в смерти ее.

Как можно было согласиться ехать на берлогу с неопытными охотниками и брать одну собаку?

К чему было пускать собаку вблизи берлоги, не привязав ее на веревку или цепь. Как бы ни была злобна и сильна собака, с небольшим медведем ей не справиться, тем более в берлоге.

Особого значения нет, что с нее не был снят ошейник. Такую старую, злобную, избитую и неповоротливую собаку все равно медведь поймает, а раз подмоги в виде другой собаки, берущей зверя, нет, всегда задавит.

Не далее как в прошлом году медведица поймала у меня Дамку и начала ее трясти. Я стоял близехонько, но верного выстрела сделать не мог; другая собака Холерка поместилась зверю в ухо, чем отвлекла неминуемую гибель собаки, дав возможность мне сделать выстрел по заду и пересечь спину.

Пуля вышла навылет в ляжку, сделав разрыв чуть не в вершок в диаметре.

Не могу понять удовольствия стрелять и охотиться с чужими собаками, равно допустить на охоте стрелять зверя мужикам, продающим зверя. О подобных охотах я не

слыхал ни здесь, ни в Европейской России. Разумеется, все это страсть, увлечение, молодая неопытность.

На медвежьей охоте г. Эзет и Рачинский были два раза в жизни: первый раз в 1902 г. на ст. Судженке и второй раз на ст. Тайга и Судженка (эти станции в 40 верстах друг от друга по Сибирской железной дороге). Каждую охоту убивается по зверовой собаке.

Я охочусь давно, убил много медведей, но никто не слыхал, чтобы я убил собаку свою или чужую, чтобы ранен был бы человек зверем или охотником, или чтобы стреляли крестьяне.

Надо правду сказать, г. Эзет стреляет очень хорошо пулей, равно г. Рачинский не молодой охотник и стреляет хорошо, но медведь не заяц и не тетерев; надо иметь опыт и характер, чтобы послать пулю в убойное место.

Прижав к плечу ружье, зверовой охотник должен быть убежден в действии выстрела и зря, не наведя по убойному месту, не должен дергать за спуск.

На всякой охоте хладнокровие — большое достоинство, на зверовой же тем более. Необдуманный, горячий, торопливый выстрел может иметь губительные последствия.

В горячности можно убить соседа и ранить зверя; большой раненый медведь может поломать охотника; не сразу и собаки спасут, или же зверь уйдет напролом; легко

раненного медведя, особенно среднего, четвертей на 13-16, да еще весной, и хорошей собаке не удержать.

Он ударится в согру, речку, болото — где замоет рану, и кровотечение прекратится. Через болото и речки весной не везде и скоро можно перебраться. Собакам в болоте по воде трудно брать, а тем более удержать раненого зверя, не идущего на бой, и ни в каком случае его на лесину не загонят, и так прощай зверь; а все горячность, необдуманный выстрел.

Не отрицаю, что бегущего зверя, если его собаки не держат, должно стрелять, лишь бы глаз видел, да ружье взяло.

Бой в логове

30 октября я возвращался с охоты из Марииинского уезда Томской губернии по железной дороге в Томск.

Поезд прибыл на станцию «Тайга», где бывает пересадка с главной линии на Томскую ветку. Только я взошел на станцию, как сторож подошел ко мне, объявив, что в 15 верстах от станции найдена берлога с тремя медведями, за которую желают получить 100 руб. Цена по здешней местности высокая.

Я знал этих медведей, видел их старый след, но выследить не мог по трем причинам: 1) повалил снег и буран, заносивший старые следы, на которые я попал через неделю после прохода медведицы, так что кое-где можно было видеть след; 2) собаки после постоянной охоты, начавшейся с августа месяца, пробывши семь дней в Марииинской тайге, замучались, и 3) хлеба взяли мало, так что на третий день оставаться было рискованно, а ближе 15 верст

Город Томск. Общий вид

достать его негде. Кроме всех перечисленных мною причин, я торопился в Чулымскую тайгу в Датковский участок, где кругом было обойдено тоже три зверя.

Я спешно уехал в Томск. Проезжая станцию «Басандайка», узнал о найденной берлоге и проданной спортсмену К. И. Иваницкому за 75 рублей. Приехав в Томск, я поехал к нему сказать, что в той же местности нашли вышеупомянутых трех зверей. Оказалось, он хотел ехать и купить первую берлогу, но отказался, поблагодарив меня за сообщение и пожалев о невозможности воспользоваться моим предложением.

Я хотел ехать в Чулымскую тайгу, но «человек предполагает, а Бог располагает».

Бывши в городе, я узнал, что крестьянин ищет охотника продать берлогу, но никто не едет.

К. И. Иваницкий послал его к г. Хомичу. Тот уезжал по делам службы и отказался.

Был у охотника г. Баранова, который отсрочивал выезд до глубокого снега. Направился мужичок к г. Голованову, Ковригину и другим членам Томского общества правильной охоты с предложением берлоги; те тоже отказались за неимением времени.

Только въезжаю к себе во двор, как является ко мне молодец лет 30, говоря, что он ко мне второй раз по нужному делу, да меня дома не было; сказали, что на охоте.

— Какое дело у тебя до меня? — спрашиваю.

— «Мерлог» нашли, — отвечает молодец.

— А, знаю, ты из Ивановки, у тебя Иваницкий купил берлогу, и ты был здесь у многих охотников, — говорю ему.

— Так точно, да г. Иваницкому недосуг и прочие господа не едут — пусть, говорят, снег оглубнет, медведь лучше облежится, тогда и поедем, а теперь, того гляди, уйдет, не дав подойти к берлоге.

— Это верно, — говорю, — тепло, снег мелкий лежит, зверь возле чела, а то и на слани на слуху. Сколько же ты желаешь взять с меня за берлогу? Я слышал, что вы его стреляли, и он гонный. Моя цена — 25 рублей.

— Г. Иваницкий 75 рублей хотели дать и 10 р. задатку дали, а вы 25 даете...

— Это дело полюбовное. Желаешь отдать за 25 рублей — пойду, а не хочешь — ищи других. Может быть, кто и пойдет.

— Да я всех обошел, пятый день живу здесь, а вы когда поедете?

— Сегодня, — отвечаю.

— А с кем?

— Один с собаками, с ночным поездом, отходящим из Томска в 11 часов ночи; в 3 часа буду на Сурановском разъезде.

— Согласен, только дайте задаточек.

Станція Тайга

Station Taiga

— Задатков я не даю, а когда увижу зверя, тогда и деньги получишь, после охоты, разумеется. Сколько тебе надо и на что?

— На дорогу да водочки взять нужно. Всего бы 2 рубля 50 копеек.

Даю деньги и условливаюсь в часе выезда, чтобы он вышел меня встретить на поезде в Сурановском разъезде.

Собрался на один день: вычистил «гранатку», подкормил собак трех и поехал.

Попалось мне купе II класса, в котором я намеревался уснуть часика три.

Собаки улеглись на полу.

Перед Сурановским разъездом кондуктор меня разбудил, я скорее оделся, собрал свой багаж, состоящий из двух ружей, корзины с провизией и дохи, сомкнул собак и выскочил на безлюдную платформу.

Сурановский разъезд находится на 63-ей версте от Томска, по Томской ветке, расположен в глухой тайге; вблизи нет деревень. Около него ютится лишь различный темный люд, занимающийся работой при железной дороге. Большею частью зимой рубкой и возкой леса, а летом — земляными работами. Живут они в бараках сырых, холодных и грязных, а то просто в землянках.

Вот в такое-то помещение я попал, сопровождаемый встретившим меня окладчиком. Духота от табаку, испарений сырого леса и присутствия 30 человек — невозможная.

Пол земляной, стены мокрые, с потолка льется, так как нет наката и земли, а прямо барак покрыт однорезкой.

И в таком-то убийственном помещении я увидал двух спящих, полураздетых малюток.

Несчастные дети кашляли. Мать — грязная, оборванная, одевала какими-то лохмотьями метавшихся малюток.

Хозяина барака я знал и многих присутствующих из крестьян, которых попросил не курить, что было исполнено с удовольствием.

Явился самовар и водка, которой меня усиленно потчевали. Чаю я заварил своего, а от водки отказался. Сказал, чтобы запрягли мне лошадь, на которой надо было ехать вдоль линии шесть верст, а там пешком три версты до берлоги.

Едва стало зариться, мы выехали, т.е. я и окладчик, оказавшийся казенным лесником и запасным солдатом Василием. Собаки — Холерка и Мишка — бежали на смычке, а Дамка лежала в санях.

Рассвело, когда мы приехали в железнодорожную будку, где дожидался нас товарищ Василья — Федор Кочетов, живущий на пасеке в 20 верстах от Сурановского разъезда. Отца его, Козьму, задрал медведь в 1900 году.

За вторым чаепитием в будке я узнаю историю нахождения берлоги и последующие приемы охотников.

i

Череп медведя-лончака (самец), убитого у деревни Киншировой Нелюбинской волости Томского уезда А. Н. Лялиным (август 1903 г.)

Этот самый Василий, ходя за рябчиками, увидал выкопанную берлогу от себя в пяти саженях и свежий след медведя, направлявшийся в чело.

Он первый раз в жизни встретил берлогу, но догадался попятиться назад и сделать круг.

Снег был небольшой, но отпечаток медвежьих лап был заметен хорошо. Выхода нет, следовательно, медведь лег в берлогу.

Он вернулся домой и рассказал о своем счастье Федору Кочетову, пригласив его (зачем-то?) в компанию. Указал берлогу, обошли вместе — выходу нет. Услышавши, что на пасеку крестьянина Приходкина приехали городские охотники, он поехал предложить им берлогу. Но члена Томского общества правильной охоты Ник. И. Березницкого с компанией не застал: они уехали. Тогда он послал парня догнать их и предложить берлогу.

Те сказали: «Ладно, приедем в пятницу — с собой пуль нет».

Он этим не удовольствовался и поехал в Томск искать охотников на медведя. Нашел г. Иваницкого.

Здешний известный окладчик Леонтий Попов* (* Фотография его помещена в декабрьской книге за 1900 г. журнала «Природа и Охота». Снимок делал К. И. Иваницкий. Изображены С. В. Хомич, я, Леонтий Попов и Ермолай – товарищ Попова. – Примечание автора), услыхав, что найдена берлога, задумал поохотиться сам или выгнать медведя.

Пригласив с собой товарища, он отправился к Федору Кочетову, сказав, что господа купили берлогу у объездчика, который велел ему обойти и проверить берлогу.

Федор Кочетов поверил и отвел Леонтия Попова, который, подойдя к челу, сунул в берлогу кол. Медведь рявкнул и зашевелился. Охотники отскочили в сторону, приготовившись встретить зверя. Медведь не задержался и вылез.

Первый выстрелил Попов из старинного игольчатого ружья и — промазал. После него товарищ из винчестера начал палить по удалявшемуся зверю и тоже не попал. Выпалил и Федор Кочетов, вооруженный малопульной винтовкой. Из семи выстрелов только одна пуля задела левую пятку зверю, но медведь не Ахиллес и рана в пятку ему не смертоносна: он пошел, оставляя капли крови на снегу.

Одним словом, зверя угнали, а Попов Кочетова обманул, так как никто не уполномочивал его проверять берлогу.

Возвратившийся из Томска объездчик узнал проделку Попова, который стал следить сам медведя.

Раза два выгоняли из берлоги медведя. Наконец, решили оставить его в кругу, что и сделали вдвоем с Кочетовым, который остался стеречь круг, а объездчик поехал во второй раз искать охотников и пришел ко мне.

— Стало быть, берлогу вы не знаете? — задаю вопрос.

— Да он у нас окружен, и Федор его стерег, чтобы Попов не выгнал.

На медвѣдя...

— Круг не берлога, а ты продавал мне берлогу, а не круг, да и велик ли круг? — спрашиваю охотников.

— С версту будет, не более, ваши собаки найдут.

— Как давно остался он у вас окружен?

— Аккурат неделя будет сегодняшний день.

Делать нечего, надо попробовать счастия. Вся надежда на собак, так как на протяжении этой недели шел несколько раз снег, запорошивший следы.

Круг, диаметр которого верста, выходит в день, трудновато пешком без лыж* (На лыжах ходу не было, так как снег не сделал осадки. – Примечание автора). Настроение скверное.

Взяв все по собаке, отправились.

Пройдя версты три, я увидал тропу оленей, а несколько далее занесенный след медведя. Хотел идти им, но объездчик остановил меня, говоря:

— Пойдемте дальше. Он этим следом взошел, потом вышел и опять взошел в круг.

Пошли дальше. Саженей через 50 действительно выход и, еще пройдя 30 сажен, второй вход. Только им сделали несколько саженей, как на след медведя вошла тропа оленей, все замявшая и запутавшая.

— Что делать? Где искать?! Пойдем к лежкам, здесь редколесье, бельник, медведь все равно не ляжет.

Подавшись к юго-востоку, увидал опять след, пошел им и стерял, обошел кругом, вышел на свой след, а выходу нет.

Что за оказия, куда делся зверь?

Оказалось, он взобрался на валежину, с которой сделал сметку аршин в пять и полез в непроходимый кустарник, где следить невозможно. Я рассудил податься ближе к логу, не спуская собак.

Едва добрался к ложку, как увидал «закус» и след через лог и обратно.

«Э, дядя, вижу, как ты путать задумал — не обманешь старого воробья».

— Стой, — говорю, — ребята, медведь здесь недалеко, видишь «заеди»? И траву на постель собирал. Не даром с осины сметку сделал. Спускай собак, да сними ошейники. Того гляди, поймает, задернет в чаще собаку.

Спустил я сам Дамку, бывшую у меня на сворке, которая бросилась в вершину ложка, куда вел след.

Мишка (кобель от Дамки) — за ней, но Холерка запуталась в цепи, не давая снять ошейник, вырвалась из неумелых рук Федора и помчалась за другими собаками. Смотрю, собаки скрылись в кручах, ложках и опять выскочили. Подбегаю, вижу — копана берлога и брошена.

Оглядел ружье, сбросил рукавицы, а сам спешу за собаками, мечущимися в разные стороны.

Вдруг лай и желанный «рюх» медведя. Так и отлегло сердце. Повеселел и помолодел, но страшно испугался, вспомнив, что Холерка вырвалась с цепью.

Подбегаю к бою и вижу солидную голову мишки с маленькими, но внушительными глазами, поглядывающими в бросавшихся собак. Суки две наступают спереди, а кобель царапается достать сверху.

Кругом чаща, черемушник закрывает всего медведя. Только видно голову зверя, и то, когда он бросится из-под куста на собак.

Вижу всю эту сцену, и дух захватывает от страху за лихую собаку с цепью на шее, кидающуюся на зверя.

Медведь вылезет весь — собаки отскочат, а едва он заберется в куст, собаки опять на него.

Вдруг он высунул голову вертикально в заду логова, как раз над старающимся проникнуть сверху кобелем, который, увидя голову медведя, схватил его за норку. Медведь опять спустился, обороняясь от сук, вцепившихся в него.

Отбившись от них, медведь хотел пробить брешь и выскочить в заду, но Мишка вторично поймал его за морду, а Холерка с Дамкой ринулись под куст. Медведь, рявкнув, бросился на них. Собаки отскочили, и Холерка, запутавшись в цепочку, начала вертеться на одном месте, желая освободиться. Дамка опять бросилась на медведя, который весь выскочил за ней из своего убежища. Та — назад и ударилась в вертевшуюся Холерку. Медведь в это время поймал ее зубами за бок и давай трясти.

Я стою в трех шагах, но выстрелить и спасти собаку не могу, боясь ее убить или ранить зверя, чем только хуже сделаешь.

Не люблю стрелять медведя не по убойному месту, а в данном случае в голову стрелять мешала собака, а под лопатку — куст.

На счастье Дамки и мое, Холерка справилась и вцепилась медведю в ухо. Мне обнаружилась шея, по которой я и дал выстрел.

Зверь сунулся и собаку выпустил из зубов. Холерка оторвалась после моего выстрела. Сделал глупый выстрел и объездчик из моего запасного ружья — в живот.

Я взял повыше глаза, и мой 18-золотниковый жребий сделал свое дело. Медведь сунулся бездыханным. Собаки все три поместились в него. Я несказанно рад был, что Дамка, моя верная собака, спасена своей же дочкой — Холеркой.

Много собак брать на медведя излишне — две, много три собаки, но одной собаки, и при том злобной, немудрено попасть в лапы зверю. Две собаки отвлекают зверя. Бросится медведь за одной собакой, другая в него вцепится, он оборонится от второй, первая опять на него наступает. Разумеется, не выпусти Федор Холерку с цепью, Дамка не попалась бы медведю, почему я всегда снимаю ошейники с собак, когда ищу или иду на медведя, что позволяю себе советовать и другим охотникам. Благодаря этому на моих многочисленных охотах не было несчастных случаев с собаками и людьми, кроме 12 декабря 1902 года на

охоте с Рачинским, убившим у меня Барсука, собаку редкой злобы, силы и проворства. Не скоро забудешь такого сподвижника в тайге. Гнал и останавливал он оленя, задерживал медведя, шел по соболю, лаял на глухаря и белку, а летом искал и выносил из воды уток.

Убивши зверя, мы убедились, что это крупная медведица, а так как при ней не было потомства и она легла одна, то должна была быть оплодотворенной. Щенная медведица ложится одна в берлогу. Эта истина мне давно известна.

Мне представился случай констатировать величину ее зародышей, которую я и желаю поставить в известность всем охотникам, интересующимся временем течки медведя.

По вскрытии медведицы я в ней нашел зачатки двух медвежат величиной с хомяка, даже меньше, что доказывает оплодотворение ее не в июне месяце, как утверждают неопытные охотники, а в сентябре, как я писал и утверждал в своих статьях.

Если бы медведица обгулялась в июне, то к 1 ноября было бы 2/3 беременности и зачатки покрылись бы шерстью.

Наблюдения мои относительно расположения чела берлоги в этом году пока были очень неудачны. Из 11 берлог новых и расчищенных старых я ни в одной медведей не застал: все выходили по непонятным для меня причинам.

Все медведи, убитые мною, были найдены собаками, гонные, как и убитый мною в описываемой охоте.

В конце лета прошлого года медведя показалось много, и кое-где крестьяне убивали на лабазах.

Городские охотники и Томское общество правильной охоты второй год не охотятся за медведями.

Рябчиков били много. Видал промышленников, которые уже набили по 600 штук на ружье.

Глухаря и тетерева против прежних лет мало.

Белки достаточно. Мои собаки не особенно ее ищут, но штук по 10 и до 15 в день убивал я, ходя по тайге.

Соболя по Оби к Нарыму, говорят, много, и он бродит по низу, так как мало кедровых шишек. В урожайный, орешный год шишка остается на кедрах, и белка, питаясь ею, живет наверху деревьев, за которой охотится соболь и спит в ее «гайнах». Тогда его трудно учуять собаке, охотнику же выследить невозможно.

В текущей литературе я встретил сведения, что медведи при еде «вертелись, рычали и стонали».

Мне приходилось несколько раз видеть трапезу медведей и подолгу наблюдать ее: всякую падаль медведь ест, сидя на задних лапах и упираясь передними в мясо. Могучими же челюстями рвет пищу. Лежит он подле падали, когда наестся; отдыхает. Овес ест лежа, передвигаясь ползком, забирая стебли то одной, то другой лапой, медленно подвигаясь по ниве. Но чтобы медведь «вертелся» во время еды, не видывал, да как будто бы такой аллюр ему не к лицу.

Медведь свободно оборачивается, особенно средней величины, на злобно приступающих собак.

«Выкидывается» он иногда на сторону, выскакивая из берлоги, а не прямо из чела, — это я видал, но «пируэтам» в былое время и татары не обучали медведей, когда водили их на цепи по деревням.

Прочитал я также положительный миф и невозможную вещь, а именно: «медведица щенится через год, а не ежегодно». Против этого спорить, полагаю, не будут знающие, опытные охотники и натуралисты. При вешних, вернее, зимних медвежатах, так как медведица щенится в январе, феврале и очень редко в марте, — может быть только один пестун. Пестун-третьяк, а не лончак. Последних вместе с медвежатами, т.е. родившимися в текущем году, никто и никогда не встречал и этого быть не может. Медведица, имея медвежат своих, лончаков от убитой медведицы не примет, а напротив, если встретит, то отгонит. Это есть факт и вряд ли подлежащий оспариванию.

г. Томск,
15 ноября 1903 года

Медведица

В начале декабря 1903 года я возвращался в Томск по железной дороге с охоты из Мариинского уезда, на которой убил небольшого медведя.

Приехавши на станцию «Тайга», где поезд стоит несколько часов, я увидал массу пассажиров, едущих на Томск из Восточной Сибири и Европейской России, так что мое предположение удобно поместиться во II классе с двумя собаками осталось одним желанием. Я взял добавочный билет и сел во II купе I-го класса, взяв собак с собой.

Рядом со мной купе было занято пассажиром, одетым в дорожную шубу и охотничью фуражку.

Это был пожилой, благообразный мужчина, высокого роста, с военной, хорошего тона выправкой.

Когда поезд тронулся, пассажир подошел ко мне, отрекомендовавшись Эмилем Павловичем Редлихом, помощником управляющего Томским имением Кабинета Его

А. А. де-Бионкур,
сотрудник журналов
«Природа и Охота»
и «Охотничья Газета»

Величества. Он желал познакомиться со мною, как с охотником по зверю, наслышавшись об успехах моих от крестьян и объездчиков.

— Вам все счастье и теперь медведя везете, а я, равно и управляющий Томским имением г. Назаров, в продолжение 3-х лет заведующий лесной площадью более миллиона десятин, стараемся найти берлогу и устроить охоту на медведя и не можем, несмотря на объявление цены арендаторам, живущим в дачах Кабинета Его Величества, и наказы лесникам. Вот если бы вы нас пригласили на одну из ваших охот, доставили бы большое удовольствие.

Я, разумеется, обещал, но в 1903 г. не удалось, так как известных берлог не было, а на авось ехать неудобно. В последних же числах декабря я уехал в Европейскую Россию, оттуда вернулся 16 февраля.

Вскоре я убил гонного медведя за Осиновским участком, а 9-го марта получил извещение о найденной берлоге в Калтайской даче, Томского имения кабинета Его Величества, вблизи поселка Ключи, от Томска в 40 верстах.

Осенью я там охотился, и моих собак мужички знали, почему и оповестили меня о звере.

Я в свою очередь телеграфировал гг. Редлиху и Назарову, от которых получил извещение, что они прибудут в Томск 13 марта. На охоту выедут 14 марта.

Не желая стеснять себя и их, а главное — для удобства собак, я поехал один 13-го марта, взяв с собой Собольку,

недавно купленную мною собаку у промышленника Чулымской тайги, и Мишку, кобеля от своих собак. Взял я еще у г. Г—ва лайку белую, очень красивую, по третьей осени, Уралку, и с ними на моих санях-нартах поехал в Ключи, куда прибыл ночью.

Встав рано утром на другой день, поехал к Логину Путинцеву, нашедшему берлогу, чтобы осмотреть место расположения берлоги и составить план охоты, главное, проверить лично существование медведя в берлоге.

Здесь часто случается, что предлагает крестьянин берлогу, торгуется, берет задаток, охотники приезжают и в результате — ничего, берлога оказывается пуста. Так, прошлую осень гг. Хомич и Хмелевский купили две берлоги за 70 р. близ ст. Ижморской, дали задаток, приехали и берлога оказалась пуста, даже и берлоги в одном случае не оказалось, а было просто отверстие, не занесенное снегом.

Мужик ахает, охает, но задаток пропит.

Со мной случались лично подобные инциденты, а потому, не желая подводить охотников, мне мало знакомых, я решил лично убедиться в существовании медведя в берлоге.

Приехав к Путинцеву, я услыхал, что берлога в одной версте от его дома. Найдена она его сынишкой, мальчиком 14 лет, случайно.

Он пошел смотреть поставленные им ловушки на зайцев; с ним побежала собака, которая напоролась на берлогу, начала лаять и рыть снег. Мальчик, подойдя к собаке,

i

Нагоном.
А. А. де-Бионкур,
сотрудник журналов
«Природа и Охота»
и «Охотничья Газета».
В парке в замке
под Парижем

увидал отверстие; предположив, что это берлога, вернулся домой сказать отцу. Последний отправился убедиться и заметил куржавину, что дало ему повод ехать ко мне, предложить берлогу, так как каждый день иней менялся на стенках выходов, которых было несколько.

Я взял с собой одну собаку и пошел поглядеть место. Оказалось, что медведь действительно лежал и не один, а медведица с детьми, о чем я сказал тут же Путинцеву. Собственно копаной берлоги не было, а медведица налегла в лом, образовавшийся из нескольких упавших сухостоин, под которые она и забралась с семьей.

Чела видно не было и определить его нельзя, но отдушин было несколько, в которые проходило испарение от спавшей медвежьей семьи.

Медведица устроила себе квартиру в согре (болоте), от опушки в 20-ти саженях.

Брать ее было неудобно с собаками, так как место, занимаемое кучей буреломника, было большое: выходов не было. В любое место между сучками мог выскочить медведь. Кругом раскидывался глухой лес. Чуть упустишь момент — прощай. Собакам работать неспособно вследствие глубокого, неосевшего снега, в котором собаки вязнут, пурхаются, медведь же может идти сильнее, так что преследовать зверя надо на лыжах, причем хорошим ходокам; в таких случаях удается настигать медведя лишь после 3-4 верст усиленного гона. Хорошо бы было взять

зверя облавой, но не было народу близко и пришлось чуть не самому изображать облаву, ершей и окладчика, что в мои соображения не входило, а потому я решил занять три номера, поднять зверя собаками. Авось на кого-либо медведь и выскочит, а упустим, тогда будем гнать на лыжах.

Вернувшись в дер. Ключи днем, я узнал о существовании другой берлоги, недалеко от Путинцева, найденной крестьянином Моисеем Никулиным, из поселка Крутининой, находящегося в 20 верстах от заимки Путинцева.

Моисей Никулин, ходя за рябчиками по первозимью, наткнулся на выгреб, увидал самое чело, около которого на снегу были отпечатки медвежьих лап. Обойдя кругом, выходу не усмотрел. Через несколько дней проверил свою находку и убедился, что медведь лег, так как свежих следов не было.

Он сказывал леснику, самому помощнику управляющего, но охоты не делал до сих пор.

Узнав все это, я хотел кстати и на этой берлоге побывать.

Вечером приехал в Ключи г. Назаров и его помощники гг. Тихонин и Редлих.

Я им сказал о деле. Они остались очень довольны и решили послать за Моисеем Никулиным в дер. Крутининую, чтобы побывать и на его берлоге.

Надо сказать, что гг. Назарова и Тихонина я раньше не знал. Затем я узнал, что первый из них управлял Беловежской пущей и видал лучшие царские охоты.

Александръ Андреевичъ де Біонкуръ.

Председатель Юбилейной садочной Комиссіи ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Охоты.

Узнав, что у меня одно шомпольное гладкоствольное ружье, из которого я бил медведей, а не центральный штуцер, он удивился, показал мне свой центральный штуцер 10 калибра, чудное, дорогое ружье, с страшным боем, по его словам.

Я ответил:

— Хорошо-то оно очень хорошо, но я стар и привык бить из своего Леклера, — пока медведей-подростков не было, — кладу каждого на месте; вот и в этом сезоне убил чертову дюжину, 13 штук и все как-то падают с первого выстрела. Избави Бог, чтобы я стал навязывать свои ретроградные взгляды старика, но, пока жив, своему верному старику Леклеру не изменю и буду охотиться с ним.

Посидели, побеседовали и улеглись спать. Я с г. Редлихом на своей квартире, а гг. Назаров и Тихонин у своего лесника.

Утром рано встали, живо напились чаю, закусили и поехали к Путинцеву за 12-13 верст.

Тайгой дорога была сносная, но последние 3 версты очень плохая: вся разбитая, того гляди свалишься в ухаб.

Погода стояла отвратительная. Дул теплый ветер. Тайга шумела.

Все-таки доехали благополучно к Путинцеву, где опять напились чаю. Послали за Моисеем Никулиным в Крутининскую, а сами стали собираться на охоту.

Д. Д. Назаров взял свой чудный штуцер; Эм. Пав. Редлих — штуцер Лебеды; Н. А. Тихонин — Зауера трехстволку, к

которой я дал пуль круглых 12-го калибра, но оказалось, что гильзы от другого ружья и в патронник не лезли. Г. Тихонин решил воспользоваться одним штуцерным третьим стволом и стать рядом с Д. Д. Назаровым, так как я наметил лишь три номера.

Собак взяли на сворки, как моих двух, так равно и Арапку Путинцева — собаку большую, злобную, о которой владелец повествовал чудеса, ценя ее в сотни рублей, что меня крайне заинтересовало, так как примет зверовой собаки она абсолютно никаких не имела.

Уралка г. Т—ва бежал со мной вольно.

Шли долго и с большими препятствиями, с частыми остановками, так как все мои три компаньона шли на крестьянских лыжах-голицах. Нечего было и думать догонять медведя на лыжах.

Наконец дошли. На лучшем месте я поставил Д. Д. Назарова, с которым стал Н. А. Тихонин; полевее занял лаз Эм. Пав. Редлих, а я с третьей стороны.

Подойдя к куче буреломника, я приказал пускать Арапку, которого вел Путинцев.

Тут произошло нечто неожиданное. Собака, подойдя к отверстию, остановилась в смущении. Смотрю, что дальше будет.

Арапка перебегает в другое место и опять то же.

Мишка неистовствует, ходя на дыбах, Уралка стоит рядом со мной равнодушно. Путинцев направляет Арапку лаять на моих собак.

Приказываю пускать, сняв предварительно ошейники со своих собак.

Эм. Пав. Редлих, видя поведение Арапки, высказывает свое мнение, что берлога пустая.

Прошу не говорить. Повторяю опять, что в берлоге медведица с медвежатами.

Мишка бросился в лом, где и скрылся, Соболька же стал копать сверху.

Послышался лай Мишки в сторону Д. Д. Назарова, и вскоре собака, вся в снегу, выскочила, обежав кругом и учуяв по верху, опять спустилась под снег. Очевидно, медведица залегла между буреломин, куда собака не могла проникнуть.

Я велел срубить кол, чтобы шуровать им там, где слышен лай собаки, а лопатой копать снег, где роет Соболька, то есть место, где я видел отверстие накануне.

Вскоре откопали «затычку» из веток пихты. Тогда Соболька стал злее приступать, а Мишка выскочил и бросился в снег против Д. Д. Назарова. Полагаю, от шума медведица пошла туда, но появление Мишки заставало ее изменить ход.

Соболька отскочил от лазеи, и я увидал голову зверя, которая тотчас исчезла под снегом.

Статскій Совѣтникъ **А. А. де-Біонкуръ.**
«Дневники» Мих. Вл. Андреевскаго, стр. 670, 875–881, 900–903.

Крестьянин, шуруя колом, попал в медведя, который схватил кол, и через несколько времени послышался лай, и медведица вылезла от меня в 5 шагах, уставя глазки в меня. Только она вышла, я ее положил на месте. После моего выстрела она не сделала никакого движения, «как будто бы не жила», по выражению Путинцева.

Собаки обе впились в голову и давай таскать.

Г. Редлих хотел их отогнать, чему я воспротивился: пусть потешатся собачонки.

Зная, что зверь убит в голову, я подскочил к нему и стал его оттаскивать за уши.

Мишка бросился в берлогу, где увидали годовика-медвежонка.

Тогда я стал звать Д. Д. Назарова. После первого показался второй, который тоже был убит. Вся семья медвежья окончила свое существование на удовольствие всех нас, главное Путинцева, которому я дал 30 р., и окружающих крестьян, терпящих много от нападения медведей на их скот и поля.

Медведица оказалась молодой, но очень шерстной, бурой и худой. Сала — ни фунта. Мой жеребий попал ей выше глаза; проникнув в мозг, вырвал затылочную кость и три позвонка выше горла, сделав отверстие диаметром в вершок. Остановился он под кожей.

Медвежата были прошлогодние — годовики. Самка — бурая; кобелек — черный, как жук. Оба с очень густой и длинной шерстью, но очень малых размеров.

В ноябре месяце я привел живых медвежат, убив медведицу. Они были гораздо больше этих, хотя медведица была одинаковых размеров, но сытая, как всякий медведь, убитый осенью.

Один медвежонок был убит пулей в горло — навылет.

Другому штуцерная пуля 10 калибра с пустотой, наполненной салом, пробила кость и остановилась, не разв604оротившись. На мой взгляд, результат очень слабый. Пулю я нашел и поместил в свою коллекцию пуль, вынутых из убитых мною медведей.

Эксперименты производил я многими современными инвенциями. Лучший результат получился от пуль Э. А. Бернгардта. Разрушение и проникновение — прекрасны, желать не надо лучшего. Пули эти не очень чувствительны к незначительным препятствиям.

Страшное поражение и разрыв делает новая пуля Иоасана. Ими я убил двух медведей. Думаю, причина сильного разрушения — закрытие металлического пробного отверстия в пуле. Желательно увеличение ее веса; по моему мнению, она легка.

Очень жалею, что не удалось видеть и испытать пулю, изобретенную г. де Бионкуром, известнейшим охотником,

Охота съ лайками.

с такою любовью занимающимся и охотой, и разведением дичи, о чем я узнал из «Природы и Охоты». Описания же самого г. де Бионкура я читаю с особенным удовольствием, наслаждаясь глубокою эрудицией, колоссальным опытом и художественностью изложения.

На берлоге

Прибыв в Томск ночью после охоты 15 марта с Д. Д. Назаровым, я просил его к себе обедать на другой день вместе с Н. А. Тиханиным, который остался по делам службы.

За обедом выяснилось, что Д. Д. должен уехать в Ново-Николаевск, а Н. А. спешит отъездом в отпуск, так что на крутинского медведя пришлось ехать мне одному.

Несколько раз просил меня К. О. Одынец поехать с ним на медвежью охоту. Я, разумеется, с удовольствием пригласил К. О. на крутинского медведя, зная его, как дельного охотника и отличного человека.

Он желал ехать с своим коллегой С. И. Толкачевым (Оба занимаются производством работ по образованию переселенческих участков. — Примечание автора).

Назначили выезд 20-го марта, но ни тот, ни другой не могли ехать и отложили поездку до 25 марта.

*В сибирской тайге.
У избушки зверолова.
Шкура и туша медведя, черного самца. Вес шкуры с головой 3 п. 18 ф. Длина шкуры от носа до хвоста 18 четв. Убит в Томской губернии Томском уезде, близ деревни Ключи, в 10 верстах от Червяковой заимки, А. Н. Лялиным, марта 24-го 1904 г.*

Я заехал к К. О., но его назначили дежурным по полку (в настоящее время он прапорщик 3-го Сибирского стрелкового полка), так что я поехал один, взяв 2-х собак, бывших на охоте 15-го марта, — Собольку и Мишку. Приехав к Путинцеву перед вечером, я встретил там Мосея, дожидавшегося меня с утра.

Он очень удивился, увидав меня одного, так как ожидал Н. А. Тиханина, собиравшегося на охоту с осени.

Мосей Никулин рассказал мне, что у него был объездчик и требовал поглядеть зверя. На такой подвиг мужик не решился.

Нашел он берлогу, ходя за рябчиками по осени, увидал свежую лазею, выгребенную землю и около нее следы медведя.

Обошел кругом, выхода не было, следовательно, медведь в берлоге.

Он тотчас дал знать Н. А. Тиханину, затем сам объяснил ему и все ждал его приезда, но напрасно.

Идти с товарищами мужичок боялся, так как медведя живого не видывал и встречаться с ним не решался, знал несколько несчастных случаев с крестьянами на медвежьих охотах.

Увидев меня, он обрадовался, повторяя несколько раз: «С вами не боязно. Слышно, ваши собаки хорошо берут медведя».

Переправив путцы у лыж и все приготовив с вечера, мы легли спать и рано утром 26-го марта встали, напились

чаю, накормили собак и поехали на заимку Кривошеино, находящуюся от Путинцева в 4-х верстах: там оставили лошадей и отправились искать берлогу.

Взяли мешок, веревку, топор и по ружью каждый.

Погода чудная, холодный утренник пощипывал нос и уши; тайга спала. Потрескивал лишь мороз, да дятел постукивал сухостоины, охотясь за личинками насекомых.

Я сказал: тайга спала. Да, она спала, несмотря на сильный свет солнца и на ослепительный блеск белого зимнего фона широкого болота Тагана, по которому мы быстро неслись на лыжах. Еще 2-3 недели, и тайга проснется: прилетят гости с юга, зазвенят тысячи разнообразных голосов пернатого царства: утки всех пород, гуси, кулики, кроншнепа; неугомонный бекас — по-сибирски, барашек — будет оглашать всю тайгу в продолжение целых суток своим «блеянием», производимым крыльями.

Дрозды, плиски, овсянки, скворцы — все будут петь песнь любви и славить Бога своим чудным концертом, умиляющим душу своей красотою и жизнерадостностью...

Что может быть выше, божественнее, поэтичнее весеннего утра в тайге?!..

От пасеки Кривошеина прошли с версту гривой на запад и спустились в лесное болото. Местность вся ровная. Путь держали по старой лыжнице.

Черепъ медвѣдя, убитаго А. Н. Лялинымъ въ Томскомъ уѣздѣ, близъ деревни Ключи, 24 марта 1904 г.

Видъ сбоку.

Лесным болотом прошли с полверсты. Но вдруг у меня оборвался ремень на лыже, и я упал на сильном ходу и закопался глубоко в снег.

Мосей, воспользовавшись этим обстоятельством, догнал и перегнал меня, пока я налаживал путцы.

Вдруг я слышу выстрел.

Подхожу и вижу рябчика, убитого Мосеем. Промышленник подманил самца на пищик.

Я пошел вперед и вскоре вышел на чистое болото, называемое Таганы, которым надо было идти более версты.

Ход был чудный. Снег немного окреп на чистом месте, так что лыжа не тонула, а летела по «черыму».

Едва кончилось болото, как начался подъем в гору, который давался трудно Мосею, так как у него не было запяточных ремней. Взобрались и опять пошли просекой 6 верст.

Дорогой согнали глухаря. Слышали рябчика, но на пищик он не подлетал, а скрасть его было невозможно, так как без лыж идти нельзя: снег не держал, а лыжи издавали шум и шорох.

Наконец, доходим до просека, отделяющего землю Кабинета Его Императорского Величества от губернской, то есть казенной дачи, в которой была примечена берлога Мосеем.

Пройдя ею саженей 50, я увидал залыски, сделанные по осени, которыми прошли с полверсты, остановились, чтобы переправить ружья, взять собак на сворки и перевязать лыжи.

До берлоги оставалось около сотни саженей, по словам моего провожатого.

Но вот и последняя залыска на сухой ели, вблизи которой должна находиться берлога.

Идем, идем по чистому месту — гриве, и никаких признаков берлоги нет.

Мужичонка переменился в лице и говорит: «Знать на той гриве — прошибся, пойду погляжу».

— Пускай, — говорю, — собаку, — и снимаю сворку с Собольки; Мосей спускает Мишку.

Собаки бросились искать, Мосей ушел вперед, а я направился тихонько по его лыжнице, разглядывая лесины, нет ли «заедей». Вместе с этим слежу за собаками.

Вот, смотрю, стоит пихточка с обгрызенными довольно высоко ветками.

Едва я хотел приблизиться, чтобы узнать, медвежья ли это «заеда», как вижу Мишку (Мишка — кличка собаки. — Примечание автора), бегущим ко мне с поднятым нюхом.

Не добежав до меня 2-х саженей, он начал копать на совершенно гладком месте. Покопав немного, перебежал с сажень и опять начал рыть снег.

Однако берлоги еще положительно не видно. Что, думаю, за оказия? Значит, колонка нашел.

Смотрю, несется Соболька и нюхтит.

Я свищу Мосею, ушедшему от меня, раз и два. Не слышит. Кричу отрывисто: «Ступай сюда». Затем вынимаю из путцов ноги и становлюсь на лыжи поперек ступнями.

Черепъ медвѣдя, чернаго самца, убитаго А. Н. Ляпинымъ въ Томской губерніи, въ Томскомъ уѣздѣ, близъ деревни Ключи, въ 10 верстахъ отъ Червяковой заимки. 24 марта 1904 г. Охота описана въ іюньской книгѣ „Природа и Охота" за 1904 г.

Видъ сверху.

Мишка копает в третьем месте, очевидно, чуя зверя, но не попадая на чело.

Явившийся Соболька начинает ему помогать. Слышу, «рюх» медведя, и вскоре показывается солидная башка и спина, в которую поместился Соболька.

Медведь ринулся назад, Соболька с ним, Мишка же вслед кидается в берлогу и вылетает с клоком медвежьей шерсти в зубах.

Я стою в 5 шагах на открытом месте, выхватив из ножен кинжал и поджидая появления медведя.

Мишка лает в чело и вдруг, как мячик, отскакивает, а за ним вылез громадный медведь и вздыбил. Я вскидываю ружье. В это время лыжа подвертывается, я проваливаюсь. Следует выстрел. Медведь моментально поворачивается ко мне. Я взвожу левый курок и хочу взять зверя поправее в грудь, против сердца.

Мишка отчаянно хватается ему в зад, и медведь тяжело, но с остервенением оборачивается к нему, показывая мне свою широкую спину. Навожу между лопаток, против сердца. Мелькнуло в голове: «Неужели конец?» — я дернул спуск.

Раздался выстрел, и мохнатая туша рухнула. Я начинаю заряжать шомполку, Мишка же тешится, таская за холку великана, лежащего без движения. Заложив порох, вогнав жеребий, я оглянулся: Мосей около меня.

— Пали ему в голову, — приказываю, а сам надеваю пистон на всякий случай.

Мосей долго целит и попадает не в голову, а на поларшина ниже — в шею. Но этот выстрел был напрасен. Медведь не показывал уже признаков жизни.

Слышу где-то лай. Мишка бросается в берлогу, которую засыпал медведь, вылезая из нее, и начинает копать.

Каково же было мое удивление, когда, вынырнув из снегу, Соболька тотчас же вцепился в холку медведя.

Я и Мосей считали погибшей лихую собаку, и как она осталась целою, трудно понять. Вероятно, его спас смелый прием Мишки, от которого медведь оборонялся.

Удивлению и восклицаниям Мосея не было конца. Он никогда не был на медвежьей охоте и даже не видал медведя живого. Об охоте с собаками он и не слыхивал, так как крестьяне в их местности охотятся, заламывая, иначе — затыкая берлогу, и паля в отверстие, образуемое между островинами, или прорубая дыру в небе берлоги.

Главное дело сделали, но как доставить зверя на место.

12 часов дня. Страстная пятница, мужиков ближе 22-х верст нет, да и тех не скоро найдешь, чтобы тащить такую тушу. На лошади не проедешь, надо подделывать лыжи, а нарты продавит солидная туша медведя. Я решил снять шкуру тотчас на месте.

Мосей дал кинжал Самсонова (Тульского), и пошла работа.

Снимать было легко, сала было мало, так как зверь вылежался. Однако очень трудно было ворочать тушу пудов

в 15, если не более. И этот зверь был таким весною, сколько же бы он весил, убитый с осени?

В Москве и Петербурге сложилось понятие о величине медведя пропорционально его весу, что далеко не верно.

Вес медведя находится в зависимости от многих причин: 1) был ли урожай кедровых шишек и ягод; 2) негонный зверь, то есть убитый при его первом нахождении облавой, на берлоге или собаками; 3) какой пищей питался перед лежкой медведь; 4) не был ли он ранен осенью. Все эти причины играют громадную роль в весе медведя.

Весной же медведь легкий, худой, так как «излеживает» в продолжение зимы все сало внутреннее и наружное, и пропорционально величине гораздо легче осеннего. В Сибири величину зверя определяют, меряя шкуру убитого медведя от норки или бирюльки (то есть носу) до хвоста, что правильнее, чем определение по весу. Мы медведя оснимали. Накормили теплой печенкой и сердцем собак; зарыли мясо в снегу, чтобы не заветрило и не сделалось бы добычей колонков и птиц; немного закусили и, взяв шкуру, пошли, веселые, обратно по готовой лыжнице.

Шкура с головой, обрубленной по шею, и не снятыми ступнями весила 3 пуда 18 ф.

Жеребий мой, попав в спину, изломал позвоночник, разорвал сердце, раздробил 2 ребра и остановился под шкурой. Результат веса 18 золотников и пороху — 3,6 зол.

Медведь был очень хорош: громадного роста кобель, весь черный, с густой, ровной шерстью без пролежней и плешин, что весной у больших медведей встречается очень редко.

Чело берлоги выходило на запад.

Это четырнадцатый медведь, убитый мною за этот сезон, считая с лета, но такого красивого зверя я не бивал. Были экземпляры длиннее, но с грубой шерстью и не тучные. Один был с редкой щетинистой, бурой шерстью. Убит 29 июня 1895 года. Длиною 22 четверти. Это самый большой. Говорят, бывают медведи в 27 четвертей; лоси в 32 пуда; глухари — 30 фунтов, но я, несмотря на мои постоянные скитания на охотах, более 15 и 16 ф. не убивал, а лосей в 24 пуда не видал. Описываю то, что сам испытал и видел.

Пишу эту заметку 3-го апреля — день, когда в первый раз я наслаждался в этом году пеньем скворца. Ездил я накануне на глухариный ток, но напрасно: один глухарь прилетел перед восходом солнца, сел на макушку пихты, помолчал, поглядел, потом опустился на снег, потекал — и все это проделал вяло.

Тетерева также бормочут вяло, сидя на березах. В тайге тихо и безжизненно, а настов все еще нет, так что предпринять экскурсию с собаками искать вылезшего медведя нельзя.

г. Томск,
апреля 3-го дня 1904 года

XIII

Лушка

Ожидания мои подтвердились: в истекшем году медведей было много.

8 ноября я убил большого медведя; а 13 опять выехал из Томска в ту же местность по реке Яе, где осталось несколько запримеченных промышленниками берлог и медвежьих «утолок», которые надо было спешить обойти с собаками, пока не оглубел снег.

Я взял суку-лайку Лушку, нечаянно приобретенную мною в октябре прошлого года по следующим причинам: ехал я по железной дроге с тремя лайками на поиски медведя «по чернотропу». Вдруг неожиданная остановка в разъезде Пихтач. От станции «Тайга» 15 верст и «Судженки» 20 верст. Этот разъезд получил свое название благодаря своему расположению среди глухой тайги, состоящей из ели, пихты и кедров. Жилья вокруг никакого ближе 18 верст и убийственная дорога.

Станция Тайга. Общий вид

Поезд должен был стоять более часу. Я выпустил своих собак гулять, а сам негодовал на опоздание поезда, разрушившее мои планы рано утром отправиться в тайгу за 40 верст от Пихтача.

Хожу, гуляю, занимаясь «сибирским разговором» — щелканьем кедровых орехов, добывая их из смолистых шишек.

Смотрю, бежит крупная лайка чудных форм.

Спрашиваю сторожа, чья это собака.

— А вон старичок идет, это водолив здешний, — отвечает сторож — и зовет ко мне водолива. Собака бежит с ним.

Я хотел ее погладить, она заворчала.

— Открой твоей собачке рот, дедушка, — говорю старику.

— А на что вам, разве купить хотите? Собака умная, — и открывает рот собаке.

Я поглядел и поразился приметами по медведю.

— Сколько просишь за нее, дедушка?

— Два рубля, — отвечает старик.

Не только два рубля, но я готов был отдать все, что у меня было в данный момент за эту собаку, обладающую замечательными указаниями на «злобу» и «погон» к медведю.

Отдаю два рубля и спрашиваю:

— Где ж ты взял собачку? Она молодая — ей двух лет нет еще.

— Верно, я ее махоньким щенком взял у проезжающих хохлов из Енисейской губернии, да так Хохлушей и прозвал.

Из Хохлуши я ее переделал в Лушку и взял с собой, в другой мой приезд.

Была она со мной несколько дней в тайге, находила белок, но медведя с ней не нашел, и вот в этот раз ее взял на верную берлогу, желая пустить Лушку с опытными собаками Мишкой и Собольской, работавшими всю эту осень без смены.

Приехав на вокзал, я занял купе I класса — Лушка со мной. Прибыв на станцию «Басандайку», я вышел из вагона и встретил в конторе начальника станции господина, одетого в охотничий костюм, с которым и познакомился. Оказался он г. Реш. Едет на берлогу. Разговорились. Он пригласил меня к себе в купе I класса, где я встретил Богдана Станиславовича Пржеславского, тоже охотника. Оба они слыхали о моих одиночных охотах с собаками на медведей, читали мои статьи, помещаемые в журнале «Природа и Охота», и стали высказываться за невозможность работать собакам в той форме, как я ее описывал, развивая свои взгляды и доводы.

Я слушал и молчал; много я читал и слышал сомнений в работе моих друзей-собак. Жаль и досадно за них. Досадно то, что люди выражают свое мнение авторитетно, не имея своих зверовых собак и не видавши всей прелести

их работы по медведю. Убить в берлоге медведя — отвратительно; убить из берлоги выгнанного медведя кольями — также плохо; повалить Топтыгина из-под собак, налюбовавшись его могучими телодвижениями, восторг и масса удовольствия — для меня. О вкусах не спорят.

— А вот что — позвольте вас, господа, пригласить на мою охоту, и вы убедитесь, как собаки «запрут» зверя; как я их возьму от зверя; как зверь выйдет и будет убит в 12 часов дня завтра 14 ноября — на воле, обозленный, во всей своей могучей красоте.

Г-н Реш высказал свое сожаление на невозможность воспользоваться моим приглашением, так как он едет на берлогу. Б. С. Пржеславский отказывался, ссылаясь на неимение валенных сапог и ружья путного.

Валенки я предложил ему свои, ружье же дал ему г. Реш, так как он ехал с двумя ружьями.

Его решением я был очень доволен: по крайней мере, европейский охотник убедится в прелести моей охоты на медведей с собаками.

Приехали на станцию «Судженка» вечером, взяли лошадь и поехали в деревню Пухаревку, где я купил берлогу, ранее предлагаемую крестьянскому начальнику г. Мариинска, найденную сторожем, промышленником Иваном Титовым.

В поселок добрались мы ночью, а на утро отправились в тайгу в числе 12 человек.

День был праздничный, и крестьяне просили у меня позволения поглядеть на охоту, на что я, разумеется, согласился.

Поместился я с г. Пржеславским в удобную кошевку, запряженную доброю лошадкой; и покатили передом; дорога в тайгу на «китайские покати» мне хорошо известна. За нами следовала вереница саней с любопытными охотниками-новоселами.

Наконец, заруби на березе, и весь картеж наш остановился. Надо было идти пешком до берлоги версты две, по уверению Ивана Титова.

Я снял свой охотничий, драповый пиджак, оставшись в летнем, надев поверх него вершницу, то есть холщевую рубашку, и встал на лыжи.

Погода теплая, берлога близка, а ход тяжелый на лыжах — снегу выпало на 9 вершков, осадки же еще не было. Г. Пржеславский сел на коня, остальные спутники пошли пешком. Моих собак, кроме Мишки, вели на сворках, а чужих, сопровождавших нас, я приказал оставить у саней; никогда, идя на медведя, я не беру чужих собак, советую это делать и другим, имеющим собак.

Сначала шли бодро, надеясь придти к берлоге через 30-40 минут, но вот я замечаю, что мы все вертимся, идем более часу. Спрашиваю провожатого Ивана Титова — так ли идем? Он уверяет: «Верно» — и показывает «лыски». Вдруг

мы выходим на свой след — скандал, заплутались, сбившись на другие «лыски».

Титов ходит, кружит, помогаю ему я, но все напрасно: проплутав около трех часов, наш провожатый попадает на свою мету и через час останавливаемся в лощине, от которой берлога находится в 50 саженях. Сняли чехлы с ружей, я переменил пистонку ружья, заряженного дома. Б. С. Пржеславский вложил гильзы с пулями в «Зауера» 12 калибра г. Реша. Собак всех трех взяли на сворки — и тронулись. Титов впереди, я позади его и следующий Богдан Станиславович, которому я предложил первый выстрел по медведю, но не иначе как на «воле», то есть когда он весь вылезет из берлоги и пойдет наутек или в драку. Хотя есть любители стрелять в едва показавшуюся голову медведя, но это позор, хотя иногда приходится бить медведя в берлоге, если глубок снег, и по нем собаке нет хода. Мой спутник не допускал возможности стрелять медведя иначе, как он выйдет наружу.

Собственно берлогу не было видно, когда мы подошли по указанию Титова: он говорил «под сухой березой», коих было несколько, а под которой – Аллах ведает.

Пустили собак, они бросились, и кобели, подняв головы, сразу учуяли медведя, откопали чело, уже заткнутое, и пошла потеха.

Медведь рявкал, кидался к выходу, который сторожили лихие собаки. Едва медведь покажет свою голову, как они норовят схватить его за «бирюльку».

Лушка с удивлением поглядела на это представление, потом взошла во вкус и стала отчаянно метаться в берлогу.

Я ликовал, видя ее прием.

Чтобы молодая собака, по второму году, не видавшая не только живого медведя, но убитого, не вскормленная на медвежьем мясе* (Зимою и летом, когда бывает убит медведь, я всех собак кормлю медвежьим мясом в сыром и вареном виде — особенно щенят. — Примечание автора) и так лихо брала медведя — это редкость.

Мишка не выходил на драку. Надо было взять собак от берлоги, что мог исполнить я один, несмотря на 11 человек зрителей, так как обозленные собаки могли дать хватку всякому смельчаку, приблизившемуся к ним.

По одиночке я взял собак от самого чела берлоги, и передал их мужикам, приказав пустить их после второго выстрела, будет ли убит медведь наповал или пойдет.

Взяв собак, стали дразнить зверя жердью, чтобы больше разъярить и не дать ему зажаться.

Медведь стал чаще показывать голову, начал проситься наружу. Говорю публике: «Замолчите» — и действительно, через несколько минут томительного ожидания медведь вылез, оглянулся и бросился во все ноги. Г. Пржеславский

сделал последовательно два выстрела раз за разом, после которых медведь мчался во все ноги.

Мне любимого моего выстрела в голову и за ухо сделать не удалось, я взял под лопатку, но несколько обзадил, так как перёд медведя был скрыт деревом.

Собаки все три вихрем промчались мимо меня за удравшим зверем.

Через несколько времени послышалось рычание зверя и ожесточенный лай собак.

Остановили, не посрамились собачата.

Бегу на лай по довольно глубокому снегу.

Собаки смолкли, зверь, следовательно, оторвался и пошел, но вскоре опять лай и рев. Накрыли — не уйдет от моих верных друзей.

Подбегаю и вижу картину.

Медведь сидит, видно раненый, а собаки рвут его с трех сторон.

Я вскинул ружье, взяв под ухо, и медведь завалился.

Собаки вцепились, а Лушка схватила морду и трясла ее во все стороны.

Что за мощь, что за злоба в этой собаке?

Подобной картины Богдан Станиславович не видывал: восхищался и удивлялся.

Зверь оказался медведицей пудов на 9-ть, бурая, вернее — соловая, трех лет.

Иван Титов, промучив нас порядочно, был очень доволен; все равно он условленные 30 рублей получил.

Медведице я распорол живот* (Около паха в брюхе оказалась пуля с деревяшкой, которую я передал Б. С. как его собственность. — Примечание автора), вырезал несколько кусков парного мяса для угощения собак. Соболька и Мишка с жадностью ели теплое мясо, а Лушка понюхала, но не ела: не знает еще вкуса, дурочка, повидает и привыкнет к медвежатинке, милая собака.

Так как лошади были далеко, то я приказал медведицу подвесить за голову на лесину, а сами двинулись искать другого медведя, который, по предположению Ивана Титова, должен был лечь в лому; берлоги он не видал, а заметил кучу сена, заготовленного медведем, и утоптанное место, где мишка рвал траву для подстилки берлоги. Через несколько времени на этом месте сена уже не было, следовательно, медведь его куда-то унес, но куда, определить могли только собаки, почему он меня звал поискать. Если найду медведя, то я плачу половину стоимости берлоги, то есть 15 рублей, а если найду и не убью и медведь уйдет — обязуюсь уплатить 50 рублей — такой у меня везде уговор с промышленниками, для них выгодный и мне удобный.

Надо сказать, что замеченное Титовым место медвежьего покоса находилось от его балагана, где он промышлял

рябчиков осенью, не далее 100 саж., да и того не будет; балаган же от берлоги, в которой мы нашли медведя, был в двух верстах, хотя шли 2 часа, ход был довольно тяжелый, особенно Б. С. Пржеславскому, шедшему в длинном бешмете на лисьем меху.

Лошадь, на которой он ехал в начале охоты, отстала.

Наконец, добрели к балагану Ивана Титова.

Я зарядил свою гранатку пулями, собак взял на своркии все тронулись по указанию Титова.

Через 15-20 минут подошли к ложку, через который виднелся валежник, близ коего медведь устраивал покос.

Перейдя лог, я дал знать спустить собак, которые бросились по направлению брошенной мною палочки в средину валежника и стали шарить.

Первый выстрел я опять предложил г. Пржеславскому, поставив его с прохода, а сам стал заходить кругом, так как неизвестно было, где лежит и куда пойдет зверь.

Каково же было мое удивление и радость услыхать голос Лушки, лающей на стороне г. Пржеславского. Кобели, ползающие по буреломнику, подвалились к ней.

Медведь найден, но его надо убить и не упустить; последнее могло произойти очень свободно, так как определить выход в лому, занесенному толстым слоем снега, невозможно.

Собаки рвутся: вблизи их в 15-20 шагах стоит наготове мой товарищ, а я против него по другую сторону буреломника. Минут 15 собаки воюют поочереди, кидаясь под валежину, но медведь молчит. Затаился, озорник, признал бойца, лютого зверя.

Лушка из себя выходит, так и мечется под лесину, но залезть нельзя: в узком месте медведь сразу задавит какую угодно собаку.

Соболька забрался в образовавшееся пространство между буреломиной и землей рядом с березой, куда лает Лушка, а Мишка лазит сверху, роет снег, грызет сучки, желая проникнуть в тыл зверю или взять сверху.

Благодаря приему собак, место нахождения медведя означилось.

Я поставил на свое место чеха Антона Генчиша, страстного, смелого и толкового охотника, а сам пошел к собакам, лихо атакующим зверя.

Смотрю, Соболька полез к отверстию и получил удар лапой, отскочил, но опять стал наступать, отчаянно лая.

Вот и Мишка выпрыгнул из бурелома, кровь показалась у злобной собаки изо рта от плюхи, полученной им от драчуна зверя.

Дело плохо, боюсь переранить собак, а взять их нельзя — не знаю, куда пойдет медведь; надо ощупать лежку.

Приказываю рубить жердь и обирать снег около собак.

Титов зондирует сверху. Оказывается, медведь залег под «высокор», наружу, ход один, оберегаемый собаками, в который сует жердью смелый Антон Генчиш.

Раз, другой — жердь проникнула под березу и назад не поддается: это медведь схватил ее и держит в своих лапках, несмотря на усилия Антона Генчиша, желающего вырвать жердь из лазеи.

Стало вечереть, надо закончить потеху. Опять нужно убрать собак: зверь сам выйдет.

Предлагают мне зажечь бересту и прочие глупости. Все это зажмет зверя крепче, а не понудит выйти, так как он видит опасность впереди. Если есть два отверстия, то, побуждаемый колом, он выйдет, а из одного отверстия, видя прием злых собак, он ни за что не пойдет. Это я знаю по опыту.

Все приемы выгона зверя показывают неопытность охотника.

Иногда медведь выскакивает от ружейного выстрела, но это случается очень редко.

Подошел взять храбрую Лушку от лазеи и едва взял собаку в руки, как медведь «рюхнул», но бросился Соболька — и медведь ретировался.

Отдав Лушку, не без труда поймал Мишку, которого передал держать молодому парню, не умевшему удержать сильную собаку. Мишка вырвался и опять вступил в бой.

Вторично я поймал его и дал держать толковому чеху, а сам пошел ловить Собольку, которого взял за хвост, потом — шиворот и потащил, чтобы отдать спутникам, но едва выпустил его из рук, как обозлившаяся собака кинулась на меня, имея поползновение схватить за руку. Я отбился. Тогда она кинулась ко мне на грудь. Я и этот маневр отклонил.

Вот до чего азартится собака на медвежьей охоте, что не только на постороннего, а на своего хозяина, делящего с ней много лет опасности охоты, кидается и готова дать серьезную хватку.

— Теперь мишка сам выйдет, — обращаюсь я к публике.

Действительно, медведь стал показывать в чело свою черную голову, и едва я вырвал две сухие жерди, торчавшие в берлоге, вылез на свет Божий во всей своей красоте.

Первый выстрел я предложил г. Пржеславскому, как и первого медведя он же стрелял первый.

Он делает выстрел по озирающемуся зверю, после которого медведь делает скачок в сторону, затем второй выстрел — медведь галопирует, но в этом время собаки подоспели и начинают рвать со всех сторон беснующегося зверя.

Сердце замирает видеть их лихую работу.

Я держу ружье наготове, но нельзя стрелять: то собака против убойного места, то медведь повернулся задом,

но вот чудный момент — медведь сел ко мне грудью и насторожился, я взял в средину на четверть ниже горла и дернул спуск — выстрел грянул, после которого медведь сунулся, но опять стал подыматься, я выстрелил в полулежачего, выцелив под лопатку. Собаки поместились в него, но он все еще шевелится.

Кричу: «Стреляйте, Богдан Станиславович», — а сам выдергиваю нож, оказывается, у товарища нет зарядов, да они были лишни, так как боец не мог уже сбросить собак.

Я подбежал и ударил его ножом под лопатку; маневр, многие найдут, быть может, лишним, но я ему не изменю, пока охочусь.

Медведица оказалась такого же размера, как и предыдущая, но гораздо темнее и толще.

Я ей опять распорол живот и вырезал собакам мясо. Тушу подвесили на лесину, и стали, довольные удачным днем, собираться идти к лошадям, дожидающимся в лесу.

Богдан Станиславович подходит ко мне, снимает шапку, говоря: «Спасибо, большое спасибо вам, А. Н., за доставленное мне удовольствие: такой охоты я не только не видал, но и не слыхал — можно ли сравнить охоту с собаками — с облавой или на берлогу, ну, и собаки же у вас, и как это они целы (оказалось не совсем — Мишка получил плюху, от которой кровь горлом пошла, Собольке разорвал

нижнюю челюсть, Лушка получила удар по передней ноге — но все эти раны не опасны и кобелям не в первый раз).

Подвесив зверя, надо было торопиться идти к лошадям, находящимся в 4-х верстах от нас.

Двинулись. По готовой тропе рассчитывали пройти не более часу, но путь замедлял г. Пржеславский, отощавший и уставший без привычки идти по снегу, при том в длинном, теплом бешмете.

Он то и дело садился, отдыхал.

Тайга шумела, ветер усиливался, мороз потрескивал.

Я в своем летнем одеянии торопился идти скорее, чтобы нагреться, но Богдан Станиславович отставал, и мне неловко было оставить его одного.

Мужики, за исключением Ивана Титова, бывшего с нами, ушли вперед, надеясь скорее придти к лошадям. Днем пройденный снег совсем занесло не перестававшим бураном, так что тропу мы то и дело теряли.

Вдруг видим огонь.

Подходим. Оказывается, наши спутники сбились с пути, и не быв в состоянии найти тропу в темноте — отаборились, разведя костер, который не разгорался: все было мокро от снега.

Дело скверное, финал может быть печальным, боялся я за Пржеславского, да немного и о себе подумывал: приходилось ночевать под сводом небесным в довольно легком

одеянии, чуть не в десять часов в мороз около 15 градусов, несколько рискованно. Нарубили еловых веток, из которых я сделал себе постель, и улегся подле костра, гревшего плохо. Так как сухого тальника найти ночью трудно, то нарубили сырого березняку, который разгорался долго, хотя давал жару достаточно — более же дымил.

Все голодные, унылые, бранили Титова, сбившегося с дороги, только я молчал: и не то в жизни бывает. Надо было как-нибудь выходить, и вот Титов пошел с новоселом искать путь, чтобы вывести нас к лошадям.

Я заснул, но спалось плохо, холод пробирал жестоко, а резкий ветер проникал сквозь мой летний пиджак.

Б. С. заснул рядом со мной.

Я ворочался без конца; посмотришь мимо костра — темь кромешная, тайга стонет от бурана...

Только слышу Антон Генчиш говорит: «Стало светло, надо будить барина, того гляди замерзнет в такую стужу».

Я выглянул, и действительно картина переменилась: луна осветила тайгу, звезды горели на небосклоне, снег перестал, мороз и ветер усилились.

Нечего и думать, надо было идти тотчас к лошадям; очевидно, Титов не вернется и ждать его напрасно, ориентироваться с местностью в лунную ночь не трудно, равно как определить, где юг, восток и пр. Лошади стояли

на юго-западе, куда мы и побрели, я с Антоном впереди, остальные гуськом следовали за нами.

Снегу выпало достаточно, шли целиком, местами в логах на аршин тонула нога, на ровном месте на 10 вершков.

На ходу я нагрелся, то и дело спотыкаясь на попадающие валежины, невидимые под снегом; шли мы прямо и довольно быстро, направляясь к юго-западу.

Вот и тропа, проложенная нами вчера утром, по которой мы шли от лошадей. Слава Создателю, скоро выйдем к лошадям...

По готовой тропе мы прибавили шагу и скоро показались сани и лошади, но и тут беда.

Лошадь, на которой я ехал утром, отвязалась и гуляла по тайге, сняв узду. Не скоро ее поймали и собрались ехать.

За г. Пржеславским, далеко отставшим в тайге, я послал лошадь.

Антон чех запряг своего коня, и я с ним покатил в Пухаревку по гладкой, мягкой дороге, удобно поместившись в санях, надев теплую шубу, днем оставленную мною в санях.

Приехали в деревню в 4 часа утра. Вот вам моцион и финал охоты.

Каково было удовольствие видеть кипящий самовар... Масса эмоций, миллион наслаждений.

На другой день вывезли медведей, и я поехал в Томск. Приехав на станцию «Тайга», я услыхал о выгнанном медведе, за которым пошел, оставив весь свой багаж на станции.

Медведя догнал и убил. Охоту эту опишу впоследствии.

Интересовали меня раны, полученные медведями, произведенные различными пулями г. Пржеславского, которые я исследовал в присутствии свидетелей.

1. Одна пуля г. Пржеславского в первого медведя попала ему в пах. Я вынул ее из живота. Она 12 калибра с деревяшкой.
2. Вторая пуля угодила несколько левее, проникнув в полость кишок; остановилась в сале.
3. Мой жеребий, перебив два ребра, сделал громадную рану позади левой лопатки, изорвал легкие и остановился с другой стороны под кожей.
4. Последняя моя пуля в сидячего медведя, когда его рвали собаки, попала за ухо, раздробив позвонки, проникнула в череп, который остался на коже не исследованный.

Во втором медведе я нашел пулю Жамана (ею стрелял г. Пржеславский), разорвавшуюся в шее на мелкие куски, не раздробив позвонков, но в мясе образовав широкую, но безвредную рану. Кусочки пули я собрал и отдал г. Решу, владельцу ружья.

Второй пули г. Пржеславского в медведе я не нашел.

1. Первый мой жеребий в сидячего медведя показал громадную наружную рану в грудной клетке, произвел страшное разрушение в легких, раздробив ребро; остановился в сале под кожей у спины.
2. Второй мой выстрел в лежачего зверя в правую лопатку разбил ее вдребезги, пробил вторично легкие, раздробил позвоночник у шеи, где и был мною вынут, скомканный жеребий в 18 золотн. веса.

И то медведь имел силу подниматься.

Все это доказывает верность моего взгляда стрелять в голову, над глазом или за ухо. Эти пули кладут зверя на месте. Метивши под лопатку, можно сразу убить медведя, попав ему в сердце, что далеко не легко исполнить, не видя нужную цель, то есть сердце (очень большое у медведя).

После этих охот я не простудился, что не меня одного удивляет, хотя много было к этому данных.

Как здоровье Б. С. Пржеславского, не знаю, так как не получил обещанного письма из Красноярска, куда он уехал.

г. Томск,

ноября 19 дня, 1904 г.

Медвежьи хитрости

Проводив своего знакомого Б. С. Пронецеловского в Ачинск, я вернулся со станции Судженка в дер. Пухаревку, куда уже привезли убитых мною 14-го ноября двух медведей.

Наутро их надо было отправить в Томск, куда я спешил поспеть к 18 ноября.

Встав рано утром, я выехал с медведями, оставив Собольку и Мишку в Пухаревке, намереваясь вернуться к 20-му ноября искать еще медведей, а Лушку взял с собой, боясь ее оставить без себя, так как она пришла в пустовку на охоте 14-го ноября, где она понялась с Мишкой и Соболькой, чему я очень доволен, ожидая получить дельных собак по зверю.

Я привязал на длинные цепи своих любимцев в теплом сеновале у Антона Генчирша. Простившись с ними на 4-5 дней, я уехал. Не успел выехать из деревни, как Мишка меня догнал. Я поймал его и отдал Генчиршу водворить в

сеновал. Какова была моя досада увидать Мишку, догнавшего меня вторично за деревней. Пришлось опять вернуться, и тогда уже я его оставил в избе, привязав на цепь, надеясь, что он в этот раз не удерет, и только в третий прием выбрался из деревни Пухаревки.

Погода была чудная, дорога ровная, так что часа через два я подъезжал к ст. Судженке; на повороте сани раскатились, и я вылетел.

Встаю и вижу Мишку, осторожно, с виноватой миной следовавшего за мной.

Как-то удрал он, сняв ошейник и растворив дверь. Погрузили медведей при мне все-таки в вагон, и я поехал на Томск.

Приехав на ст. «Тайга», я узнал от рабочих, что дроворубы верстах в шести от разъезда выгнали медведя. Кое-кто собрались его следить, но, разумеется, без толку прошлялись день.

У меня в распоряжении было 17 ноября. Как, думаю себе, не попытать счастия: собаки со мной. Может быть, не далеко ушел медведь, если его не стреляли охотники и не гоняли собаки. Место было знакомое.

Решил попробовать.

Приехав ночью на разъезд, я отправился искать кого-нибудь из мужиков, знавших охотников, следивших накануне медведя. Интересно было знать, где они бросили след зверя.

Скоро я узнал следующее: «Медвежина огромный; как выгнали его из берлоги, он оборотился да как рявкнет, ажно

волос шапку поднял; всплыл на задни лапы, повернулся и пошел шагом прочь, — мы все (т. е. дроворубы) давай Бог ноги. Прибежали в бараки и рассказали о случившемся. Тут народу собралось множество, были ружья и собаки. Понаделали пуль всяких и пошли человек восемь; собак набрали до десятка — разных. Только до берлоги дошли и пошли следом, собаки разбежались, остались две, да и то зря бегали, на векшу лаяли и зайцев гоняли. С версту прошли следом и увидели место, где медведь топтался. Решили, что зверь уйдет далеко, и половина охотников вернулась назад, остальные последили версты две, стало вечереть; запасу не взяли, ночь долгая — лучше идти домой, чем в тайге мерзнуть: в бараке теплее, да и безопаснее»...

Приятно было знать, что медведя не гоняли и не стреляли, почему он не должен был уйти далеко.

Подмывало мою охоту догнать огромного медведя, со слов рассказчика, почему я достал каравай черного хлеба, половину скормил собакам, а другую дал сопровождавшему меня мужику, одному из следивших накануне медведя и, чуть стало зариться, тронулся в путь. Собак я вел на сворке одну, а другую — мужик. Скоро подошли к березовой коряге, под которой медведь хотел зимовать.

Собаки, учуяв запах, стали тянуться, и Мишка вырвался у мужика и влетел в берлогу. Я скоро отдал Лушку неловкому провожатому, а сам устремился к берлоге, желая перенять собаку, зная ее повадку удрать по следу медведя. Хорошо, если медведь лег близко, на что надежды было

Деревянный мост Томской ветки

мало; если же уйдет далеко, за собакой не угонишься, да и она зря будет бегать по прямому следу и особенно, как начнет петлять зверь перед лежкой.

Поймав Мишку, вылезавшего из берлоги, я привязал его к дереву, а сам пошел разбирать следы медведя, интересуясь узнать его величину, что нелегко было исполнить, так как восемь мужиков и масса собак затоптали путь топтыгина. Осторожно ступая по проложенной вчера тропе, я увидал отпечаток передней лапы на упавшем кедре.

Как в большинстве случаев — не правда: у страха глаза велики. След лапы указал мне пол и величину. Оказался — самец, пудов на 10-11, не более, то есть четвертей на 12 (судя по времени года — осенью медведь гораздо тяжелее, особенно не гонный).

Опять взял Лушку, более скромную, а Мишкой наградив спутника, встал на лыжи и пошел полным ходом, так как не надо было разбирать следы медведя.

Путь вел на северо-восток все под уклон, ход был восхитительный, попадали ложки, которые медведь пересекал, что доказывало его далекий путь. Если бы он думал лечь скоро, он неминуемо стал бы путаться в логах.

Через час, не более — вижу курево, оставленное вчерашними преследователями, где они окончили свою охоту.

Медведь все шел по одному направлению, правясь к согре, заросшей густым кедрачом и пихтой, где я раз года три назад убил медведя и видел много старых берлог.

Тайгу эту я знаю хорошо, почему надеялся дойти часа в два до этой согры, куда вел след. Но мой ход замедлял спутник, не поспевавший за мной на своих голицах, то есть на подшитых камасами лыжах, которому еще мешал идти неугомонный Мишка, собака все тянула вперед.

Перейдя речушку Кузель, след, круто повернув на юго-запад, пошел валежником, и видно было копанный муравейник.

Ну, думаю себе, не здесь ли ты, приятель? Лушку я отдал держать мужичку, вынул из чехла ружье, зарядил его и тронулся в обход, внимательно посматривая во все подозрительные места, ожидая найти медведя на «слани» или под выворотом: свежую берлогу ему в мерзлой почве не сработать, разве в старую заберется.

Ход по колоднику стал неловкий, скачешь с лесины на лесину, подымая лыжи выше себя, того и гляди их сломаешь.

Покружил, покружил мишка тут и опять направился к знакомой согре. Потерял я тут более часу времени зря, вернулся к спутнику, закусил хлебца, поделившись с товарищем и собаками, и пустился на пересек следа.

Часа через полтора начал спускаться в низину, с которой началась знакомая согра. Вдруг след налево. Это что за штука? Хотел идти им, но решил сделать обрез, чего на первой петле делать не должно, но я принимаю в соображение местность.

Если медведь не ляжет в этой согре, то он уйдет, кто его знает куда, так как далее пойдут бельники и редколесье, где он не останется зимовать.

Я знал, что по этой согре пролегала старая дорога, сделанная при проведении томской ветки; ею-то я и намеревался воспользоваться для оклада зверя. Пройдя кромкой к дороге, я пошел ею. След остался у меня в правой руке.

Болото кончилось, след дорогу не пересек, только взошел; значит, медведь остался в нем или вышел в гору, что я увижу, завершив оклад.

Более половины круга сделано. Надо его было закончить.

Выбежав дорогой к подъему, я устремился другой стороной, имея след медведя в правом боку. Скоро увидал своего спутника, ласкающего собак, чтобы смирно лежали.

— Говори: слава Богу, — обращаюсь к мужику.

Он и шапку снял, осенив себя крестным знамением.

— Ну, вот и слава Богу, а что дальше-то? — говорит мой спутник.

— А то, что медведь здесь в кругу, близехонько, надо спускать собак, он лежит в болоте, гляди, как пойдет, идем вместе.

— Нет, А. Н., ни в жисть не пойду, лучше здесь пробуду, — отвечает охотник.

— Дело твое, как знаешь, только с этого места не уходи, — предлагаю ему, а сам, еще раз осмотрев ружье, оставив

лишнее на месте и спустив собак, снявши с них ошейники, пошел прямо в согру.

Пройдя саженей 10, вижу след на колодине: медведь прошел по ней, а другой след идет параллельно. Теперь меня мишкины хитрости, сметки, петли, двойни и тройни мало интересовали. Я старался увидать, где мелькают хвосты собак, ожидая их лая, надеясь на их розыск, а если бы начать распутывать следы медведя, то и сам черт их не разобрал бы, а время потерял бы много.

Лом, валежник, кочки и везде видны свежие следы медведя, искавшего себе местечка поукромнее.

Но вот Мишка брехнул, слышу треск и характерный рев, собственно, вернее выразиться — «рюх» — саженях в 15 от меня.

Я скорее скинул лыжи и вскочил на высокую, сломанную осину, чтобы виднее было.

Что за картина! Восторг и масса удовольствий! Медведь кажется бурым большим комом, прыгающим с валежины на валежину, а две собаки мчатся за ним, стараясь замучить его, но рвануть им редко удается, так как на одну с ним колодину не вскочишь: живо сбросит лапой топтыгин. Смотрю, любуюсь и вижу, что группа правится ко мне.

Эх бы, еще немного поближе, лишь бы влево не пошел.

Собаки положительно не давали ходу медведю, забегая, вернее, заслоняя его спереди и сзади, заставляя его вертеться на одном месте.

Я перелез осину, пододвигаясь еще ближе к турниру, желая сделать верный выстрел. Медведь пыхтел, фыркал, делал напрасные, воздушные удары лапой и желая дать плюху собакам. Те кидались, лаяли, имея поползновение схватить медведя зубами. Потеха да и только.

Но вот Лушка дернула в ляжку медведя, махнувшего лапой по направлению Мишки, и бросилась в мою сторону, медведь — за ней и очутился от меня в 15 шагах стоящим на пне, так как Мишка опять наступал вплотную. Ну, и картина!.. Момент был чудный, я прицелился повыше глаза и дернул гашетку.

Грянул выстрел, я соскочил с колодины и стал заряжать ружье, слышу, тем временем идет знакомая возня собак с лежачим зверем.

Надев пистон, карабкаюсь через колодины и вижу мелькающие круглые хвосты собак, рвущих труп медведя.

Пуля угодила повыше глаза, раздробила череп, чем прекратила жизнь медведя, оказавшегося в 11 пуд. 12 фунтов бурым самцом.

Итак, с 8-го ноября, почти в одну неделю пришлось убить мне четырех медведей. Что-то дальше будет, хорошо, если бы так все продолжалось.

г. Томск,
29 ноября 1904 г.

И на старуху бывает проруха

Перевязки ноги мне делают с 16-го декабря. Хватка медведицы серьезна. Врач ждет воспаления, которого пока нет, но боли чувствительные.

Раны я эти получил на охоте 12-го декабря при следующих обстоятельствах.

Возвращаясь с охоты 7-го декабря с Золотого Китата в Томск, я встретил в вагоне I класса веселое общество, ехавшее с поездом экспресс из Северной России, состоявшее большею частию из молодых кавалеристов, следующих на войну с японцами.

С ними направлялся в Томск г. Л. с женой и дочерью, очаровательным ребенком лет девяти.

Г. Л. получил назначение в Барнаул по министерству финансов. Вот с ним-то, собственно, с его элегантной

Паромъ на р. Золотой Китатъ.
Красный-Яръ - Еднисская дорога

супругой, у меня произошло маленькое недоразумение из-за места в вагоне, которое я занял ранее, положив ружье и дорожную охотничью корзину, оказавшуюся заложенной громадным количеством мест, принадлежащих г. К., который занял имеющиеся оба места в купе.

Потом все уладилось, перезнакомились, появилась на закуску копченая медвежатина и проч. и проч.

Драгуны, услыхав, что я через несколько дней пойду «на медведя», просили их взять с собой. Я, разумеется, рад был доставить удовольствие по охоте, обещав сообщить день выезда. И вот собрались ехать 11-го декабря.

Все нужное для охоты приготовил с вечера, решив ехать на другой день в 10 ч. утра и условившись с корнетом 34-го драгунского полка Н. К. Масловым, что он заедет ко мне перед поездом, остальные офицеры ехать не могли, задержанные делами службы.

Встаю утром, спрашиваю прислугу, накормлены ли собаки? Получаю ответ — да, все, кроме Мишки, куда-то сбежавшего.

Начались поиски, не увенчавшиеся успехом. Досада страшная. Убежала собака именно та, которую я хотел взять на предстоящую охоту, желая показать ее лихой прием.

Как сказано, в 9 ч. приезжает аккуратный корнет, с которым и еду, взяв одну суку Лушку, надеясь иметь на охоте своего Собольку, оставленного мною после охоты в поселке Пухаревском по реке Яе, у чеха Антона Генчирша,

просившего меня позволения присутствовать на предстоящей охоте близ с. Лебединского, находящегося в 17 верстах от его обиталища.

Собольку он должен был привести непременно.

Прибыв на ст. Тайга около 5 ч. дня и рассчитывая через час пересесть на поезд, идущий в Иркутск, который имел доставить нас на ст. Судженку, к нашему огорчению узнаем, что поезд опаздывает на неопределенное время, и мы обречены на долгое, бессмысленное препровождение времени в низком, душном буфете станции Тайга, переполненном пассажирами, едущими на Иркутск, Томск, Челябинск.

Вдруг слышу двукратный звонок и громогласное объявление швейцара: «2-й звонок поезду № X, отправляющемуся в Иркутск». Спрашиваю:

— Какой это поезд?

— Воинский! — отвечает швейцар.

Блеснула мысль, нельзя ли с ним проехать 40 верст, до ст. Судженки.

Прошу любезнейшего корнета Н. К. Маслова попытать счастия, спросить начальника эшелона дозволить нам проехать с ними одну станцию. Сам начинаю прощаться с симпатичнейшей семьей Л., едущей в Барнаул. Человеку приказал подать счет.

Через несколько минут вижу радостного корнета, проталкивающегося в густой толпе ко мне.

Догадываюсь — разрешение получено.

Наскоро прощаюсь с будущими барнаульцами, беру ружье и Лушку. Корнет забирает корзину и стремимся к воинскому поезду, стоящему на 7-м пути — даль ужасная.

Наконец, цель достигнута, попадаем в вагон I класса, предназначенный для офицерских чинов 100-го Островского полка, отправляющегося в Манчжурию.

Лушка своим видом заинтересовала гг. офицеров, из числа которых много оказалось охотников, во главе с командиром полка кн. М. М. Гедройц, которого я начал благодарить за его участие и любезность.

Он слыхал ранее о моих охотах на медведей с собаками и рассказал мне о приеме медведей на рогатину. Из его слов я увидал смелого и отважного медвежатника, убившего, кажется, 18 медведей в Олонецкой и Петербургской губерниях.

Заинтересовала его Лушка, собака очень ласковая и добродушная, причем он рассказал мне, что собаки-лайки, которых он видал, лают на медведя, но не задерживают и не берут его.

Я предложил ему съездить, посмотреть на работу моих собак, на что он согласился, как настоящий охотник, намереваясь догнать свой полк через несколько станций, сев на скорый поезд.

Я был очень рад показать работу своих друзей собак такому опытному охотнику, как князь М. М. Гедройц.

Приехали ночью на ст. Судженку, послали за лошадьми и через час езды были в с. Лебединском у кр. Шелехова, к которому Антон Генчирш должен был привести Собольку. Каково же мое было огорчение и изумление, когда я узнал, что Собольку не привезли и Генчирш не приезжал.

Так у меня и руки опустились. Картины с одной собакой быть не может.

Я хотел тотчас послать в Пухоревку за Соболькой, но Шелехов меня стал уверять, что его Шарик (типичная лайка) хорошо берет медведя, и что если ехать сейчас в Пухоревку за Соболькой, то сегодня, то есть 12 декабря, на берлогу ехать «не успеется» и «доведется» отложить охоту на завтра, 13-е декабря, чего исполнить нельзя было, так как князю Гедройцу надо было сегодня же ехать на поезд.

Досада меня разбирала страшная, так как моя мечта рушилась из-за пустяка: оказалось впоследствии, Генчирш не поехал в Лебединку и не привез Собольку, полагая, что я не приеду в мороз.

Я мечтал показать картину охоты — выпустить медведя и, дав ему отойти, бросить собак, полюбоваться их приемом и бессильным бешенством зверя, кидающегося на лихих собак, атакующих его с двух сторон.

Поверив в достоинства Шарика, прилег отдохнуть, распорядившись о седлах и лошадях на утро.

Спал я не более часу.

Смотрю, в окошечко зорька алеет — кустарничек смородинки опушился густым, пушистым инеем, накренившим юные стебельки.

Синички, щебеча свою однообразную ноту, перепархивают с ветки на ветку, отряхая обильно густой иней. «То-то добудут соболя по этой вехе промышленники в сорах и болотах», — думаю себе.

Любоваться природой некогда, надо скорее выбираться из села, а всякие сборы не скоро кончаются.

Бужу хозяек, торопя с самоваром, сам приготовляю нужное взять с собой и бужу князя Гедройца и поруч. Маслова, крепко уснувших часика на 2-3.

Лошади готовы. Все оделись, выходим. Я по своей привычке, а не поверью, обращаюсь к снохе Шелехова со словами: «Ну, Сашенька, прощай, давай руку на счастие».

Та убежала, говоря: «Не дам, не дам, вас медведь задерет».

Я улыбнулся и все пошли садиться на лошадей, дожидающих нас у крыльца.

Воображаю удивление и неловкость изящного кавалериста на сибирском промысловом седле с веревочными стременами, таковыми же поводьями и громадными, безобразными луками.

Кавалькада состояла из пяти человек: трое нас и два мужика.

Ружье было одно у меня и то шомпольное, впрочем, Шелехов вооружен был кавалерийской берданкой,

офицеры имели новейшей конструкции револьверы и ничего более из огнестрельного оружия.

У меня был самсоновский нож; мужики взяли по топору и ножу.

Погода чудная, снег неглубокий, но собакам ход трудный, особенно тонул маленький Шарик.

Дорогой слышали рябчиков, видели табуны тетеревей, облепившие березняк; сгоняли несколько глухарей, ехавши вдоль согры, поросшей кедрачом (излюбленное питание глухаря зимой кедровые молодые побеги) и ленивый след отшельницы-росомахи, который я не преминул указать князю* (Помню, в изданиях покойного Озерова какой-то псевдоним «Старый Волк» уверял, что росомах в Томской губернии нет, а мы охотились в 80-ти верстах от г.Томска. — Примечание автора).

Наконец, добрались к стану, близ которого Андрей Шелехов осенью добывал кедровые шишки, стрелял рябчиков и белок и случайно нашел берлогу, находящуюся от его временной квартиры в 70-100 саженях, не более.

Тут мы переправились и проехали еще с ½ версты, где и оставили лошадей, взяли собак на сворки и побрели гуськом по довольно глубокому снегу без лыж.

Расстояние 30-40 сажен прошли мы довольно скоро и, не доходя 10 саж. до берлоги, я предложил спутникам остановиться и держать собак, а сам пошел с Андреем осмотреть положение берлоги и занять удобное для обстрела место.

Берлога оказалась выкопанною под лесину; на нёбе лежали две сухостоины; широкое чело выходило на северо-восток, в двух шагах от которого выросла пихта вершка в 4.

Завел я курки и дал знать пускать собак. Те ринулись к челу, а Лушка влезла вся в берлогу, подняв свирепый, отчаянный лай.

— Рад, несказанно рад: берлога не пустая.

Шарик суетился, лаял, но в берлогу не лез. Лушка же скрывалась вся под землею, выскакивала и с новой отчаянностью кидалась опять.

Но странно для меня было то, что медведь не показывался и не рюхал, так что нельзя было определить его возраста. Тогда я приказал срубить жердь и зондировать ею сверху, что и было исполнено немедленно.

Сверху оказалось отверстие, образовавшееся между двумя упавшими деревьями против настоящего чела, так что настоящее чело от видимого находилось в 2½ аршинах далее под вторым, упавшим деревом, где медведицы и выработали себе обширную берлогу.

Наконец, медведь «рюкнул».

— Э, господа, подходите сюда ближе, медведь не большой, судя по его голосу, — обращаюсь я к офицерам, — теперь надо собак взять от берлоги: он сам вылезет, — и начинаю ловить собак.

Паромъ на р. Золотой Китатъ.
Романовско-Сиротинская дорога.

Шарика поймал и отдал держать, но язва Лушка не дается, стоит в самом челе и лает. Только хочешь ее поймать, она вся влезет в берлогу, то есть никак не дается.

Мужики оказались, как в большинстве случаев, порядочными трусами: к челу не подходят. Одному держать ружье наготове и поймать, а главное удержать такую сильную и злобную собаку, как Лушка, довольно неудобно. Просто канитель, да и только.

— Ширяй, — говорю Андрею, — попадешь в бок, вылезет.

И действительно, после нескольких ширяний колом в берлогу выскакивает лончак, которого я слышал.

Целю за ухо. Чик — осечка, беру под правую лопатку прыгающего за Лушкой медведя. Выстрел грянул. Лончак делает крутой прыжок влево, Лушка его догоняет и валит за ухо. Очевидно, медведь ранен смертельно, но имеет силы еще подняться.

Я выхватываю берданку у Шелехова, отдавая ему свое ружье, и стреляю еще раз под лопатку. Мишка падает, Лушка тянет его, поместившись в щеку. Хваленый же Шарик лает, а зубом и лежачего зверя не берет. Ну, думаю себе, хорошо, что не медведь, а медведишко, будь бы путный зверь, дал бы он себя знать.

Гляжу, опять лончак подымается.

Корнет Маслов спрашивает меня:

— Позвольте стрелять его из револьвера?

— Только в голову и осторожно, не заденьте собаку, — отвечаю ему.

Последовали несколько выстрелов.

Вся пачка расходуется, а мишка все еще шевелится. Что за притча?

Выхватываю нож, подскакиваю к нему сзади, беру левою рукой за ухо и ударяю ножом под лопатку.

Вот и finita la comedia.

Каково же было мое изумление слышать от Андрея, подбежавшего ко мне с испуганным лицом:

— Барин, в берлоге еще медведь урчит.

А у меня и ружье не заряжено.

Первым делом взвожу курки и надеваю свежие пистоны, заряжаю левый ствол. Затем беру в руки Лушку, немилосердно рвущую убитого медведя, и кидаю ее к челу берлоги. Та, учуяв, начинает кидаться и лаять в берлогу. Что за оказия такая? Какой может быть там зверь; не иначе, как одногнездник убитому, то есть лончак.

Мне в голову не приходило, что медведица с пестуном находится в берлоге, так как всегда из берлоги первая выходит медведица, пестун и потом молодые. Со мной бывало несколько случаев, что убьешь медведицу, а поколение ее не показывается из берлоги. Почему я всегда, убив зверя, смотрю его пол, и если окажется самец, то более в берлоге медведей нет. Если же самка, то скорее кидаешь к берлоге

собак, которые тотчас констатируют — холостая или семейная. Делаю исключение весной, то есть с февраля месяца; тогда, если убьешь медведицу, смотришь у ней груди, находящиеся под передними лапами: коли они полны и сосок торчит, следовательно, у нее маленькие медвежата. В таком случае собак следует привязать и самому взять молодых руками, спустившись в берлогу.

Опасаться встречи с пестуном нечего, ибо медведица, обгулявшись, ложится в берлогу одна, и никогда пестуна с собой не кладет, а находит его по выходе из берлоги.

Я сказал, что обращаю внимание весной у медведицы на соски, расположенные под передними лапами. Это не значит, что у ней только два соска. Она имеет еще два на животе под задними ногами, но этими она редко кормит и они не наполнены молоком. Если же медведица имеет более двух молодых, то и задние сосцы работают.

Собака мечется в берлогу, но медведь голосу не подает.

Андрей ширяет колом сверху берлогу, но ничего не слыхать, что меня окончательно убеждает, что юнец зажался в берлоге и боится вылезти на свет Божий.

Вдруг Лушка отскакивает от чела и за ней с приложенными ушами появляется большая (16 п. 20 ф.) бурая медведица.

Я целю за ухо из правого — осечка.

Медведица скачками с ревом мчится за Лушкой. Я стреляю по ребрам из левого — зверь как бы задержался, но опять кидается за Лушкой.

Шарика зверь не видит.

Эх, вспоминаю моих орлов — Мишку, Собольку! Нет, вот когда потасовка началась бы могучему зверю, настал бы момент любоваться редкою живою картиной...

Я скорее надеваю пистоны на обе капсульки и всыпаю порох в левый ствол, запыжил, опускаю руку за пулей, слышу рев близко — вскинул глаза и вижу: разъяренный, раненный зверь несется мне на штык.

Стою один на чистом месте.

Взвожу курок, беру на прицел и напускаю медведя в 2 саж., целю в лоб, совершенно уверенный в роковом результате выстрела, и — осечка.

Кидаю ружье в сторону, рассчитывая, что рассвирепевший зверь схватится за ружье, а сам хочу вырвать кинжал из ножен.

Не так-то вышло — медведица броском кидается ко мне по-собачьи и схватывает меня за ногу повыше колен зубами.

Рванула, начав трясти, потом, оперевшись левою лапой, занесла правую — сорвать мне череп.

Видя неминуемый конец моим гастролям, я схватил правою рукой ее под горло, левую положив на шею, желая

защитить затылок от ее маневра сорвать череп. Она задела мне лишь ухо.

Сижу под грудью медведя, имея правую ее лапу у бедра, видя над собой ее маленькие, зловещие глазки и окропленную моею кровью пасть, держу ее правою рукой, не давая ей возможности достать мой череп и кричу: «Стреляй, стреляй!», надеясь на берданку Шелехова, но ни звука. Впрочем, слышал: щелкнул револьверный выстрел. Оказалось, офицеры стреляли, но я не слыхал, сколько раз. Что такое? Еще медведь рявкает где-то близко и вижу (о, мое спасение), несется Лушка; поставив свои острые уши, круто подняв пушистый хвост, и, подскочив к медведице, схватывает ее в зад, начиная немилосердно рвать.

Зверь внял приему собаки и бросился за ней, а другой медведь на одном месте топчется, стал на дыбах и орет благим матом. Медведица же, прогнав Лушку, ринулась на корнета Маслова, стоявшего в 10 шагах от меня; тот бросился, запнулся и упал, но лихая Лушка опять вцепилась в зверя, чем спасла Маслова от передряги, почему после он, ее лаская, прозвал своей «спасительницей». И правда, не будь ее, могло бы выйти много хуже, чем теперь.

Я встал на ноги, вырвал нож, оглянулся кругом и увидел Шелехова, стоящего от меня в пяти шагах с ружьем в руке, спрятавшегося за дерево.

— Куда ты? — крикнул, обращаясь к растерявшемуся Мишке, который, обратившись назад, удрал.

— Что ты не стрелял медведицу? — спрашиваю Шелехова.

Отвечает: боялся вас убить вместо медведя.

Хорош. Впрочем, я лучшего от мужика и ожидать не могу.

— А что пестуна не стрелял? — задаю вопрос.

— Нешто льзя стрелять, коли он на тя смотрит в ту пору; на дым кинется, — оправдывается охотник — это еще лучше.

Слышу, Лушка вскруживает медведицу, но без помощи по глубокому снегу остановить не может.

Обращаюсь ко всем: «Спрячьтесь, как бы медведица не вернулась».

Тут все бросились спасаться, кто на дерево, а то и за дерево.

Действительно, как полковник выразился, зверь хуже японца: берет без всякой тактики, прямо «с бацу».

Я стоял на том же месте, где получил передрягу, ощущая острую боль в ноге и плече, не имея возможности двигаться, все-таки ожидая еще раз сразиться с медведицей, приняв ее на нож, хотя успел зарядить ружье, на которое была плохая надежда, так как оно замокло, пролежав некоторое время в снегу.

Обращаюсь к Шелехову со словами: «Посмотри в ельник, наверное, запал в нем пестунишко: далее не пробегал, мне видно было».

Шелехов стал приближаться к указанному мною месту и по его выглядыванию и прицеливанию я вижу, что он зверя видит, но не стреляет. Потом слышу — затрещало, и тогда охотник прицелился и выстрелил.

В сидячего медведя побоялся, а в удиравшего — пальнул и, разумеется, мимо.

Через несколько времени вернулась Лушка.

Явился и вопрос: что делать?

По-настоящему, следовало бы идти добить медведицу и гнаться за пестуном, но исполнить это не суждено было по многим уважительным причинам, а именно: 1) болезненное состояние моей ноги, в которую проникли 4 полуторадюймовых клыка, вследствие чего кровью наполнилось половина валеного сапога. Двигаться я почти не мог. 2) Ружье мое замокло, и на верный выстрел рассчитывать нельзя было, а у Шелехова была берданка, но патроны отказались попасть в затвор. 3) С одной, притом утомившейся собакой преследовать раненного зверя опасно, достоинства Шарика всем были очевидны. Гг. офицеры вооружены были одними револьверами Браунинга и Смит и Вессона.

Итак, отправились домой.

При помощи мужиков я притащился к лошади, взгромоздился на седло, и вся кавалькада тронулась.

Только сидя на лошади, я стал припоминать все происшедшее и благодарить судьбу за такой сравнительно мало трагический финал охоты.

Могло бы быть много хуже и печальнее. Несказанно рад, повторяю это и сейчас, что медведица напала именно на меня, я как-то не растерялся, успел схватить медведицу рукой, не дав меня подмять; помогла и моя силенка, главная же спасительница меня и еще кое-кого — Лушка. Не будь ее, плохо было бы.

Поломавши меня, она бросилась бы на другого, желающего защитить меня, и так далее. Повадка раненого медведя известна сибирякам-охотникам, почему Шелехов и боялся стрелять ее, когда я с ней боролся. Случаев таких масса. Был подобный случай лет пять назад в том же с. Лебедянке, да и не один раз: с кр. Андреем Логиновым, Федором Князевым, Чистяковым и др.

Ехать верхом, опираясь на одно стремя, по тайге не совсем удобно. Я старался оберегать ногу от всякой ветки, куста, могущего задеть ее, так как всякое прикосновение причиняло невыносимую боль в отекшей ноге. Деликатная предусмотрительность, внимание моих товарищей по охоте трогала мою черствую, нелюдимую, замкнутую натуру, хотелось скорее приехать и раздеться.

Вдруг ехавший впереди меня полковник остановился, и все сгрудились.

— Что случилось, князь? — спрашиваю я полковника.

— Вот погодите, А. Н., вам непременно надо выпить рюмку водки, лучше будет, подбодрит, — обращается ко мне добрейший князь, наливая из походной фляжки стаканчик холодной монопольки.

Я благодарю за внимание и отказываюсь, но все настаивают, я покоряюсь и опрокидываю студеную водку; по всем жилам побежали мурашки и ударило в жар.

Все выпили по стаканчику и тронулись в путь, который проехали часа два, не более; всего от берлоги до с. Лебедянки было верст 10-12.

Селом я поехал рысью, опередив товарищей, спеша скорее добраться в хату и тепло.

Остановившись у крыльца, я закричал, чтобы вышли меня принять, чувствуя невозможность без посторонней помощи слезть с коня.

На зов мой выбежала напророчившая мне беду Сашенька, удивившаяся моему желанию опереться на ее плечо, не понимая, в чем дело.

Помог мне полковник и добрейший корнет спуститься с седла и войти в избу: левая нога действовать отказывалась.

Первым делом я разделся, интересуясь посмотреть результаты хватки на плече и ноге.

Полковник хотел еще собственноручно сделать первую перевязку в тайге, но я уверял, что это пустяки и не стоит терять время, теперь же он настоял, видя широкие раны, послать тотчас за доктором на каменноугольные шахты, находящиеся в 3-х верстах от с. Лебедянки, что и было тотчас исполнено.

Мы закусили с удовольствием. Я был уверен, что на другой день буду в состоянии ехать окончить охоту, для чего послал в Пухаревку за Соболькой, а корнета Маслова просил заехать ко мне в Томск «передать записку, чтобы прислали мне Мишку и тройник Зауера с гильзами, заряженными пулями».

Простились с князем, который поехал на Дальний Восток, обещая заехать ко мне на возвратном пути и прося оставить щенят от Лушки, которой восхищался, говоря, что таких собак он не только не видел, но о существовании подобных и не слышал.

Я остался один в ожидании врача, которого на шахтах не оказалось, и вместо него приехал фельдшер. Осмотрел раны, промыл их и советовал ехать скорее в Томск для радикального лечения, так как может произойти нагноение, заражение крови и проч. прелести.

Всю ночь я не спал от боли, а наутро нога опухла, и наступить на нее я не мог. Надо было внять совету эскулапа

и ехать в Томск, что я и не преминул исполнить, распорядившись следующим образом.

Убедившись, что Шелехов трус, а на племянника его тоже надеяться я не мог, так как свой характер он мне не имел случая показать, почему я послал за Александром Кузмичевым, ранее служившим у меня охотником, которого описал французский путешественник, профессор Бордосского университета Sules Gebras в своем сочинении «В Сибири», ездивший со мной на глухариные тока.

Кузмичев стреляет из винтовки очень хорошо, охотник смелый и видавший мое обращение со зверем и собаками, почему я доверил ему свое ружье и любимцев-сподвижников собак, но так как Мишка и Соболька еще не прибыли, то я распорядился предварительно обойти без собак круг, а потом уже идти с двумя или тремя собаками искать раненую медведицу и убежавшего пестуна. Сам же с сокрушенным сердцем уехал на вокзал ст. Судженки.

На руках меня внесли на вокзал, и таким же способом я попал в вагон. Прибыв на ст. Тайгу, меня внесли в вокзал, где меня встретил милейший студент технолог С. Н. Торбеев, везший ко мне Мишку и трехстволку. Весть о происшедшей со мной катастрофе быстро разнеслась на вокзале, но служащие, знавшие, что я езжу часто на охоту за медведями, всегда один с собаками и всегда благополучно

возвращаюсь, не верили в возможность поранения меня медведем, приходили справляться о случившемся.

Меня положили на диване в I классе, вскоре около меня собралось общество моих знакомых и подошел ко мне симпатичнейший полковник артиллерии Григорий Федорович Чепурнов, едущий на войну с японцами, бывший председатель рижского отдела Императорского общества правильной охоты.

Это солидный, страстный охотник и дельный организатор охотничьего кружка, так высоко поставивший Рижское общество охоты, особенно его пулевую стрельбу по движущимся мишеням и пр. Дай-то Бог ему благополучно возвратиться из далекого и трудного путешествия. Горячо я простился с ним, обещая приехать весной в Манчжурию, если удастся, то есть возьмут...

После меня Александр Кузмичев с обоими Шелеховыми пошли искать медведицу. Лушка ее скоро учуяла, и Александр выстрелом промеж глаз окончил ее существование. Пестун ушел далеко, но его обошли, и он остался до моего выздоровления бодрствовать.

Я лежу и досадую, что не удалось ехать в Москву и побывать на XXXI выставке собак Императорского общества охоты, где мечтал показать своих любимцев.

Многие винят моих спутников, то есть крестьян Шелеховых в трусости, благодаря которой я попал в

объятия медведицы. Виноват единственно во всем один только я. Не я ли писал и доказывал, что охота на медведя возможна, приятна и картинна с двумя-тремя собаками — и вдруг очутился на охоте с одной: верить в способности Шарика не имел права, не убедясь лично в его качествах, как не следует верить в сказки крестьян-охотников.

Убив первого зверя, надо было скорее разрядить правый ствол или, проковыряв иглой, подсыпать пороху и потом уже кончать с ними. Отдал же я ружье, не зарядив его, был уверен, что лончак один, так как никогда он не выходил ранее медведицы.

Не следовало кидать собаку к берлоге, не зарядив путем оба ствола, на выстрел коих я надеялся как на удар ножа.

Уверенность в ружье, собственную силу и ловкость лишили меня удовольствия посетить московскую выставку 1905 г. и заставили лежать месяц в постели, но все-таки я получил массу удовольствия и был так близко с грозной мохнатой дамой.

г. Томск,
3 января 1905 г.

Приключения на реке Яе

Охотясь за долгоносиками около дачи в продолжение лета довольно удачно, я досадовал на дождь, ливший сутками не переставая, благодаря чему травы были высоки, густы, а в тайге положительно непроходимы, так что рискнуть на поездку за медведем с лайками я не решался, хотя слыхал о единичных жертвах его хищений из домашнего крестьянского скота и лошадей.

В конце августа приезжает ко мне пасечник из тайги с просьбой ехать убить медведя, сломавшего у него три колодки пчел и задавившего большую корову. Старик уверял, что зверь «большущий и черный», как вороново крыло.

Соблазн был велик, хотелось промять собачонок и попытать счастье — на собак я надеялся, но боялся густой травы, затрудняющей движения собак.

Тем не менее я решил ехать, с чем и отправил пасечника, а сам поспешил в Томск к Г.К. Решу, страстному и смелому охотнику на медведей, убившему прошлой зимой трех медведей на берлогах. Столько медведей не убивал ни один томский охотник.

С ним я познакомился прошлой зимой, и он интересовался посмотреть на работу моих собак, слышавши от таежников про их приемы и количество убиваемых мною зверей, единственно благодаря собакам.

Одним словом, здесь нет по медведю другого страстного охотника. Много раз я его приглашал с собою на берлогу, но все кто-нибудь его задерживал. Так и в этот раз я его не застал дома: он уехал на охоту с собакой за тетеревами.

Жаль, но делать нечего, поехал я один с двумя собаками.

Кое-как добравшись по ужасной дороге к пасечнику уже ночью, я устроил собак, а сам, плотно закусив, улегся спать, поставив заряженное ружье рядом на случай ночного визита медведя к пчелам.

Старик отправился караулить, то есть уселся в сенях, из которых окошечко выходило на пасеку, но, разумеется, увидать из него зверя в темную ночь было невозможно, услышать же его появление — нетрудно.

Спал я отлично и проснулся на заре, вышел в сенцы и увидал сладко спавшего старца в сидячем положении у окна.

Отняв засов у дверей, направился в пасеку убедиться, был ли ночью медведь. Оказалось — все цело. Жерди в заборе не изломаны, только валялись три колодки, ранее разбитые медведем.

Полюбопытствовал я узнать, каков медведь, что не трудно было видеть по оставшимся знакам на колодке от когтей. Оказался на мой взгляд зверишка средних размеров и далеко не огромный, как уверял пасечник.

Вернулся в избу, разбудил старика, приказав ему ставить самовар, а сам пошел в хлев навестить и покормить собак, которым предстояла трудная работа в продолжение дня — бегать и лазить по тайге, заваленной буреломником, поросшим гигантской травой, крапивой, малинником, перепутанным диким хмелем, павеликой и другими вьющимися растениями. Одним словом, ход трудный.

Напившись чаю, мы отправились, то есть я в сопровождении пасечника, знавшего, где медведь днюет, по его уверению, что оказалось ошибочным.

Я тянул идти навестить задавленную медведем корову, полагая найти его там.

День выдался серенький, тучки висели на небе низко, но дождя не было. Тайга безмолвствовала в своем угрюмом величии.

Собаки бросились в лес, а мы стали пробираться узенькой тропочкой, загроможденной валежником.

Трава была помята медвежьими тропами, способствующими риску собак.

Ходили мы с утра до ночи и нашли массу рябчиков, из которых я убил трех, и глухаря, облаянного собаками. Медведя не нашли.

Старик сопутствовал мне до 12 часов, устал и, нагруженный глухарем, вернулся на пасеку. Я странствовал один, наслаждаясь природой и ожидая услышать знакомый лай собак по зверю, но напрасно.

Солнышко показалось перед закатом, окрасив запад багряным цветом, предвещающим на утро ветреную погоду.

Зашел я далеконько, ночевать же надо было на пасеке, так как со мной пищи себе и собакам не было. Взял я направление — прямо, и не пошел, а полез домой.

Уже смеркалось, когда я перешел ручей, впадающий в реку Яю, на котором стояла гостеприимная пасека.

Придя в избу, разоблачившись, запер я собак, предварительно накормив их досыта. Позаботился и о себе: есть хотелось, как волку зимой. Усталости же я не чувствовал, несмотря на целый день ходьбы без отдыха.

Добродушный пасечник ахал и охал, ругая на все лады «бусурмана зверя», не попавшегося собакам, и стал меня угощать «супчиком из рябчиков», имевшим вкус необыкновенный, которым я утолил свой голод, не желая

притронуться к колбасам и прочей холодной закуске, привезенной мною из Томска.

После «супчика» я выпил пять стаканов чаю с душистой таежной малиной, намереваясь рано утром идти снова на поиски мишки к гарям и крутым логам, имеющим уклон к реке Яе.

Спал я сном юноши, несмотря на свои почтенные годы. Встал рано. Предварительно плотно закусив, напился чаю и тронулся в путь.

Погода изменилась: дул резкий ветер, светило солнышко, небо покрылось маленькими тучками, спешившими на северо-запад. Тайга шумела.

Не желая тратить зря силы собак, я их взял на сворку, рассчитывая пустить, когда достигну гарей.

Старик, вооружившись топором, громадной одностволкой и краюхой хлеба, отправился со мной.

Шли мы долго, путаясь в высокой траве, частенько запинаясь и падая. Ход замедлялся уставшим стариком и тащившими, тянувшимися собаками, желавшими работать.

Наконец показалась гарь. Собак спустили. Я пошел вдоль лога к Яе.

Спутник мой отстал, сев закусить. Я ходил долго, углубляясь в гарь по медвежьим тропам и, едва их терял, возвращался обратно к логу, который терять было нельзя, так как им уговорились выйти на реку, где напиться чаю, без которого старик не мог проходить день.

Я уже отчаивался в успехах охоты, предполагая на утро с пустом вернуться домой.

Вдруг слышу лай собаки на горе. По бреху знаю, что это зверь, а между тем лай кверху — по глухарю, белке собака иначе лает. Бегу на голос и по месту вижу — река близехонько. Наверное, думаю себе, собаки загнали рысь или росомаху — по этому зверю собаки одинаково лают, как на медведя.

Чем ближе, тем камней больше и путь труднее — лесок стал редеть. Увидал выбежавшего Мишку (моя зверовая собака), опять спустившегося под гору.

Иду и вижу картину: толстая осина, растущая в скале круто-береговой реки Яи, нагнулась к реке. Чуть не на макушке ее сидит солидных размеров медведь и «мурчит», поглядывая на неистовствующих внизу собак.

Берег был почти отвесный и скалистый, опускающийся крутизной в омут реки саженей 20 ширины, так, что если выстрелить и убить медведя, то он упадет в реку и сделается жертвой волн, то есть утонет.

Дело неважное, соображаю, любуюсь на редкую картину. Вдруг слышу радостный крик, брань и причитанье явившегося на лай старика.

— Что будем делать, дедушка, как добывать-то станем зверя? — обращаюсь к спутнику.

— А бей его в башку, супостата, а нет — дай я его пальну, — храбрится старик, снимая из-за плеч свою фузею.

— Да не то, дедушка, убить-то его недолго, а выручать-то как мы его будем, он аккурат скатится в реку и утонет в омуте, — делаю реплику отважному охотнику.

— Кабы лодка была, другое дело было бы. Я сбегаю к Тихону, тут недалеко он сети ставит, — говорит спутник.

Но Тихон подплыл сам на утлом челночке, услышавши лай собак.

На общем совете решили рубить осину «на косых», с тем расчетом, чтобы она макушкой упала не в воду, а на скалистый берег, медведя же не стрелять. Полагали мы, что он убьется о камни при падении и останется на берегу.

На всякий случай я спустился к реке, где стал ожидать падения осины, державши собак и ружье наготове, имея облаз рядом.

Долго рубили осину. Медведь все сидел и мурчал. Едва только дерево затрещало и рыбак вскрикнул: «Пошла, пошла» — колосс медленно стал нагибаться, и чем ниже опускался, тем скорость падения увеличивалась.

Все внимание мое было обращено на несчастного мишку, крепко сидевшего на дереве.

Каково же было мое изумление при виде соскочившего и бросившегося в воду зверя в противоположном направлении.

Я спустил собак и бросился к лодке, к которой кубарем скатился рыбак. Собаки живо догнали медведя, который

плыл очень тихо, как мешок, но весь наружу (то есть спина была не покрыта водою).

Мишка, лихой потомок моей знаменитой Дамки, подплыв к медведю, схватил его в зад, который сразу погрузился. Молодой Мальчик дергал, как умел, неуклюжего пловца, рычавшего, фыркающего в бессильной злобе.

Держу ружье наготове и кричу рыбаку: «Пробуй глубину!»

Тот погружает весло, которое не хватает до дна, медведь же направляется к берегу, преследуемый собаками, то и дело топящими его зад.

Берег — чуть не отвесная скала, по которой медведь взберется живо, но собакам за ним не поспеть, а мне и подавно не вскарабкаться, а стрелять его в воде не имеет смысла, так как он утонет, если его убьешь, и в глубоком омуте пропадет без пользы для меня, почему я кричу рыбаку: «Режь его от берега!»

Едва поравнялась наша ладья с мишкой, как начинаем кричать и брызгать в него водой.

Зверь яростно рычит и поворачивает к средине реки, держа свой путь вдоль по течению.

Таким образом, я его конвоировал более двух верст, не давая выскочить из реки; но вот видим, вода зыбит на перекате, собаки бегут берегом, сознавая бесплодное преследование своего врага в воде.

Тихон напряг свои усилия, и я очутился в трех саженях от свирепого беглеца, который, учуя под лапами опору, начал неуклюже скакать, но, сделав несколько прыжков, попал в яму и весь погрузился в воду; скоро его башка показалась наружу — а мишка «фышкал» и бил на одном месте передними лапами. Момент был удобный, я взял под ухо и выстрелил; пуля угодила выше, в глаз, раздробив переносье. Попал плохо, благодаря тому, что трудно было взять верный прицел, сидя на качающемся челноке, да и медведь не имел правильного движения. После выстрела мишка закружился на одном месте, обагряя воду кровью, брызги летели во все стороны, собаки кружились около. Все перепуталось, я спешил зарядить правый ствол, что тоже не совсем удобно выполнить, сидя в вертком челночке; только привычный рыбак умно лавировал своим суденышком, стараясь подплыть сбоку.

Наконец, солидная голова показалась от меня в 5 шагах, выстрел огласил тайгу, далеко раздавшись по горам, и медведь сунулся, катаясь по мелкому перебору. Собаки прыгали на него.

Немало труда, усилий и различных приспособлений употребили мы, прежде чем удалось нам вытащить тяжелого (около 11—12 пудов) зверя из реки на берег, где дожидался ликующий пасечник.

Вытащив медведя, мы скорее развели костер, чтобы обогреться и обсушиться, а я занялся сниманием шкуры.

Сала почти не было. Это не осенью, когда мяса не видать за толстым слоем жира. Медведь оказался самцом средних размеров, бурого цвета, с длинной уже шерстью, но без подшерстка.

По всем приметам, медведя нашло в тайгу много, благодаря обилию малины, черемухи, мака и кедровых орехов, до которых медведь большой любитель.

Белки, рябчика тоже много, так что осенняя охота должна быть чудная, только бы трава улеглась.

Зима наступит не скоро, что заметно по белке, не начинающей еще чиститься, так что к Покрову (1 октября) она не поспеет, а это бывает нередко в здешней местности.

Поживем — увидим. Я надеюсь поохотиться, лишь бы ноги не изменили.

с. Спасское Томской губернии и уезда,
сентября 10 дня, 1905 г.

На лабазе

Как я уже писал раньше, в этом году около Томска медведи появились в изобилии. Редкая деревня, прилегающая к тайге, избежала их посещения и опустошения.

Начался «ход» медведя с начала августа — зверь пошел из негостеприимной для него тайги в места населенные, где он надеялся набрать жирку для зимней лежки на овсах и крестьянском домашнем скоте, так как в тайге и болотах для него питательного суррогата не было по причине неурожая кедровых шишек, смородины, брусники, малины, черемухи и других ягод.

Много бед и убытков наделало это нашествие крестьянам, и очень немного мишек поплатились своей шкурой за смелость, побуждаемую аппетитом к овсу и домашнему скоту.

Обыкновенно медведи ознаменовывали свое появление, убивая несколько лошадей и двух-трех коров. Обыватели

тотчас делали лабазы вблизи убитой скотины, и непременно компанией в 2-3 и иногда 4 человека, вооруженные различными самопалами, предварительно выпив «зелена вина» для смелости, забирались на лабаз* до заката солнца; курили, шептались, смеялись, иногда выпивали, одним словом, не «таились». (*Лабаз — это род полатей, устраиваемых между двух-трех деревьев, на высоте 5-7 арш. от земли. Кладутся две перекладины, служащие основанием сооружения. Поперек их ставят рядом жерди, а если под рукой есть доски, то употребляют их, на которые и садятся охотники. Для удобства должно пропускать жердь для упора ног, так как на лабазе следует сидеть, а не лежать. Сидя, удобнее обозревать местность и стрелять в подошедшего зверя, и оборотиться, если медведь показался с противоположной стороны от падали. Наконец, не устают ноги. Кругом лабаза, особенно позади и спереди сидящего охотника, непременно нужно огораживаться ветками. Спереди он увидит, если не огорожено, а если придет ночью и нет веток позади сидящих, то на горизонте выделяются силуэты сидящих, что медведю, находящемуся внизу, сделается заметным и он уйдет моментально — не успеешь сделать по нем выстрел. — Примечание автора).

Часто заставали медведя, уже кушавшего убитое им животное. Скрасть, подойти поближе на верный выстрел они боялись. Стреляли далеко, зря или производили шум.

Извѣстный сибирскій охотникъ-промышленникъ А. Н. Лялинъ.

Медведь удалялся, охотники же взлезали на лабаз в ожидании вторичного прихода лакомки.

Если медведь не наелся и его не очень пугнули, то он приходит большею частью около полуночи или на утренней заре; но раз он насытился, то не явится в эту ночь, а через ночь, если у него нет задавленной еще скотины где-нибудь поблизости.

Бывает, и не редко, что ночью придут другие медведи, чаще — медведицы с детьми.

Редко медведь подходит к падали «с бацу», т. е. прямо, идя смело. Он обыкновенно шествует осторожно, крадется, останавливается, прислушивается подолгу, стоя или лежа на одном месте. Употребляя эти предосторожности, ему часто удается учуять, вернее выразиться — услыхать присутствие человека и тогда — конец: просидят впустую, а если он и покажется, то далеко или в чаще.

Крестьяне, как я говорил уже, прежде постараются сами убить медведя — и ходят сидеть несколько ночей подряд. Разумеется, сделают несколько выстрелов, которые напугают медведя — это наверное, а иногда ранят его. После этих неудачных личных попыток, видя, что им медведя не убить, а он, напуганный и потревоженный на одной падали, убьет себе другую, тогда мужички начинают приглашать охотника, имеющего путных собак и бивавшего медведей, будучи уверены, что, как собаки подбегут к

падали, так и причуют медведя, по их понятиям, лежащего недалеко.

Таких приглашений я получал в этом году множество, но так как они приходили в мое отсутствие, обыкновенно по телефону, то разузнать путем не доводилось, а выбираешь место для охоты там, где нет охотников-палил и удобнее средства передвижения.

Вняв усердным просьбам, не успев отдохнуть от далекой поездки по дождю и грязи, переменишь собак и едешь опять, уверенный, что медведя угнали, хотя просители говорят: «Вечерсь заломал коня, никто его не стрелил».

Приехав на место, узнаешь, что задран конь пять дней назад, а по медведю стреляли 5-8 раз, и вот две ночи, Бог миловал, не приходил. «Ну, да ваши собаки найдут».

Не тут-то было, медведь перекочевал в другую деревню, верст за 10-15; ходишь, ходишь по поскотине, облазишь притонные места его отдохновения, которыми являются уголки, трудно проходимые, увидишь место убийства коровы или лошади, которое узнаешь по воронам и сорокам, доклевывающим остатки медвежьей трапезы; полюбуешься на различных величин и полов следы медведя, полазишь по его тропам, измучив собак, и вернешься усталый, изодранный домой, не солоно хлебавши. Но что прикажете делать — охота. Нет, это не спорт, а болезнь, страсть, психоз своего рода.

Только я приехал с подобной охоты, как меня зовут в с. Воскресенку и Березкину. В обоих местах ходят медведи. Березкину я знаю, а Воскресенку нет, так что решаю ехать в последнюю деревню, но утром за мной нарочно приезжают два мужичка, и я, взяв трех собак, еду. Грязь непролазная, хорошая пара коней с трудом везет легкую тележку с двумя седоками.

Надо было проехать до д. Ключей 43 версты, которые рассчитывали сделать в один день, но пришлось ночевать на дороге. Часам к 10 утра добрались в Ключи. Скоро явились жалобщики, у которых медведь задрал скот. Узнаю, тоже сидели на лабазах компанией, медведь приходил, его стреляли, он рявкнул и убежал, после чего задрал еще коня. Мужички пасут позади огородов всякий свою скотину, так как пастух отказался пасти стадо, боясь нападения медведей.

Выслушав рассказы, убеждаюсь — медведя отогнали опять мужички-охотнички.

Напившись чаю и закусив, отправился в лес с провожатым, уверявшим, что медведя найдем лежащим у падлы.

Что я увидел, тому не поверил бы никогда и никому.

Оказывается, немвроды вырыли яму в четыре аршина квадратных и глубины 5 аршин, на нее положили две толстых слеги, которые перекрыли сучьями тальника, а на средину этого сооружения втащили убитую медведем корову, привязав ее веревкой за ноги и голову к лесине.

В четырех саженях от импровизированного жертвенника устроили лабаз между двух берез, сажени в четыре от земли, сзади и спереди не загороженный, так что медведь должен увидать ранее, чем подойдет к сооружению, сидящих людей.

— Для чего это сделали? — спрашиваю я.

— А как же, значит, он придет, запустит в животину когтищи, потащит к себе, а веревка-то не пустит; он осердится, упрется другой-то лапой, оборвется и бултых в яму, тогда уже мы его и заколотим.

— Мудрено и хитро, да и работы немало, но только медведь — зверь осторожный и умный, и в такую наивную ловушку не пойдет, — говорю охотникам.

Предсказание сбылось: медведь, оглядев хитро придуманную западню, не пришел и совсем отдалился.

Над лошадью, убитой у крестьянина Пупышова в той же деревне, охотники придумали не менее интересную штуку: вырыли яму в пол-аршина глубины, 3 арш. длины и 2 арш. ширины.

Отступя на аршин, по углам вбили вилки на 4 вершка от земли. В рогульки, выходящие наружу, положили слеги, так что образовался квадрат. На слеги положили ряд березовых жердей с неочищенной корой. Этим помостом была совсем закрыта убитая лошадь. В 5 саженях устроен громадный лабаз на голых лесинах — не закрытый.

— Это что такое? — задаю вопрос.

— А это, чтобы птица и собаки не растаскали мяса, да и на белом ночами виднее будет, как учнет разваливать помост, чтобы добраться до упади; тут ему раз и дадим.

— А приходил ли зверь-то?

— Нет, ништо не бывал, леший его унес, знать, — отвечает мне охотник.

Походил с собаками по болоту, дрязгу, гари и, разумеется, ничего не нашел.

Наутро отправился в тайгу, где встретился мне татарин, рассказавший, что на заимке в 15 верстах вчера убил медведь коня; охотников нет.

Я, понятное дело, тотчас направился туда.

Дорогой убил глухаря да 5 рябчиков. Последних можно было убить больше, потому что день был теплый, безветренный, рябок отзывался на пищик хорошо, но собаки его гоняли, и он улетал далеко, забираясь в макушки самых высоких кедров и пихт, где затаивался.

Ошибочно пишет г. Ивашенцов в своей книге, что лайку употребляют на охоту за рябчиком: промышленники, идя рябковать, никогда собак с собой не берут. Разумеется, сам г. Ивашенцов никогда рябчиков из-под лаек не убивал, так как рябок не только лая собак не выдерживает, но, увидев ее бегущею, улетает.

Пришел на заимку около 4 часов дня и услыхал следующее: хозяин заимки стал искать своего коня, не пришедшего ночевать, и отыскал его по сорокам и воронам,

летающим над ним; подойдя ближе, увидал медведя, лежащего возле убитого коня.

Тогда мужичок скорее дал тягу, хотя был вооружен одноствольным харчистым ружьем, заряженным жеребьем.

Прибежал домой и надумал пригласить соседа, живущего в 2-3 верстах. Вскочил на коня и поскакал за товарищем, которого застал дома.

Оповестил о своем несчастии и плане мщения, соседи отправились делать лабаз.

Подходят приятели к месту, где медведь убил коня, и видят топтыгина обедающим. Надо стрелять, но куда?

— Вестимо, в башку пали, а как встанет, я тогда его в лопатку попужну, — говорил хозяин убитой лошади.

Приятель целит в голову и делает выстрел. Медведь вскочил, сделал прыжок и остановился. Тогда пасечник наводит свою фузею в лопатку стоячему зверю, стреляет, и медведь благополучно убегает.

Ахи и охи: помешала лесинка, давно ружье было заряжено и прочие причины, оправдывающие пудель, находятся; но дело совершилось, медведь ушел невредимым. Надо приступать к сооружению лабаза. Сделали его между двух берез — от зари и не загородили от убитого коня в 5 саженях — и пошли домой, в это время я прибыл с собаками, о действии которых пасечники слыхали.

Как водится — чай и рассказ об их выстрелах, башке «огромаднейшей» медведя и проч. Все это я выслушал и говорю, что на лабаз им идти нет смысла, так как ночь будет темная — глаз коли, не видать, а медведь придет в полночь (большею частью так бывает) и мимо дать немудрено. Они настаивают идти на лабаз и зовут меня с собой; я положительно отказываюсь идти вместе и решаюсь отправиться с парнем лет 15, который должен изображать прожектор, но не электрический.

Моих собак привязываем на цепях в сенях пасеки.

Подойдя к лабазу еще засветло, вижу, чернеется, а паренек говорит: «Тутотка». Схватываю с плеча ружье, взвожу курок, не сводя глаз с трупа коня, и вижу убегающую черную собаку, которая приходила есть свежую говядинку.

Парень летит на лабаз и спускает мне веревку, на конец которой я привязываю ружье и шубу; все это он подымает, а затем и я карабкаюсь по березе на лабаз.

Начинает смеркаться и морозить. Ух, не люблю я эти охоты, когда приходится сидеть и ждать.

Все разложив по порядку, т. е. ружье, топор, бересту, спички сунув в карман с часами, я приготовился коротать долгую, скучную, холодную, темную осеннюю ночь.

Смеркнулось, вдруг слышу шорох, напрягаю слух и зренье, ожидая увидеть медведя, но появляется собака и начинает нюхтить, парень кидает в нее с лабаза хворостиной,

и она убегает. Все-таки развлечение. Темнеет и морозит, но тихо; начинают теплиться звездочки на небе, предвещая на утро хорошую погоду.

Я вглядываюсь в тушу коня, но ее едва видно, несмотря на то, что лишь восьмой час; ругаю себя, за что обрек себя на пытку мерзнуть с 6 до 4-х часов утра.

Прокричал филин где-то в согре, росомаха, шатаясь, начала гоккать, чуя далеко падаль*. (*Росомаха кричит по осени довольно громко: гок-гок-гок. Как она кричит весной и во время течки, не знаю. Осенью слыхал много раз ее характерный, гнусавый голос. — Примечание автора)

Сон меня одолевал, глаза смыкались, чувствую — усну; тогда я шепчу соседу, чтобы он меня разбудил, а я вздремну; едва я половчее прижался к березе, слышу — треснуло. Не медведь ли, задаю себе вопрос, а сосед меня берет за плечо, шепча: «Чу!»

Несколько времени спустя треснуло еще. Действительно, это медведь идет, так как звук произошел от перелома крепкого сучка. Смотрю на падаль, но ее не видать, даже двух березок, положенных мною углом близ коня заметить нельзя. А слышно, медведь подходит осторожно, чухает, набирая в себя воздух, потом сразу выпуская его. Вот он остановился и лег. Знаю, что не более 15 сажен до него, но зги Божьей не видать, не только верного выстрела, будь это днем, но и случайного, на авось стрелять нельзя.

Сижу, трепещу и жду, не чувствуя мороза, пробирающегося под полушубок, а мишка лежит на одном месте и почухивает.

Слышу, кто-то бежит с другой стороны. Очевидно, собака подскочила и давай чавкать падаль, странно не учуя лежащего недалеко медведя.

Такой дерзости мишка не стерпел. Как бросится к своей «убоинке» да зарюхает, собака опрометью, а он подбежал к коню, дернул его и давай есть, только кости затрещали в его могучих челюстях.

Слышу, понимаю все это, но ничего не вижу. Шепчу соседу: «Зажигай», — и сую ему коробку со спичками. Тот чиркнул, а я держу ружье наготове. Напротив береза, ничего не видать, да и огонь от спички мал и вдаль осветить не имеет силы. Вглядываюсь и вижу медведя, сидящего ко мне боком, упершегося лапами в падаль. Только вскинул ружье, спичка потухла.

«Зажигай бересту», — приказываю соседу, а медведь продолжает свою трапезу, не обратив внимания на свет.

Береста вспыхивает, но дым и копоть мне прямо в глаза; говорю: «Свети в сторону»; пламя громадное осветило местность и медведя, изумленно подымающего башку. Я вскинул, но не успел приложиться, как горящая береста падает вниз; медведь делает прыжок, я стреляю

наугад. Слышен только треск сучьев от убегающего зверя. Разумеется, пудель, как надо было ожидать.

Счастье было так близко и возможно, но — увы! — всему помеха темнота.

Уйти нельзя, надо сидеть до утра и мерзнуть в темноте.

Какое же было мое удивление, когда в десятом часу я услыхал опять треск. Мишка вернулся, но к падали не подошел, а проходил всю ночь неподалеку. Раз шел под самым лабазом, но углядеть его я не мог. Ляжет, чухает, наберет в себя воздух и выпустит, протяжно издавая род сопения или хриплого свиста.

Около 2-х часов перед зарей заржал конь на пасеке. Медведь встал и пошел к нему. Мои собаки, учуяв зверя, залаяли, стали выть. Пасечник выскочил в сени, стал их уговаривать, но они, ощетинившись, рвались на цепях. Конь ржал. Пасечник догадался взять ружье и выстрелить в пространство. Медведь, находившийся вблизи, убежал в согру.

На рассвете я с пареньком слезли с лабаза и бегом отправились греться в хату. Я, как пришел, так и лег и захрапел.

Проспав до пяти часов, напился чаю и пошел искать ночного бродягу с собаками.

Обошел поскотину по горе, вышел на пашню. Смотрю, все три собаки кинулись к речке в согру и скоро залаяли в болоте. Я к ним. Очевидно, нашли медведя, который

пошел болотом, поросшим лесом и покрытым громадными кочками.

По такому месту преследование зверя очень трудно, как самому, так и собакам. Медведь прыгает с кочки на кочку, а собаке подобраться к нему нет возможности. Я то и дело спотыкался и падал, весь изорвался, но все надеялся, что где-нибудь выйдет на пути грива или покос, рассчитывая, что там собаки задержат мишку.

Гнали собаки медведя более трех верст болотом, но задержать не могли, хотя зверь бежал не шибко, все время у меня на слуху. Но вот кочки стали реже и мельче, стали попадаться сосны, и началась почва покрепче; собаки стали чаще подбираться к зверю. Слышу, отчаянный лай и ворчанье зверя. Бегу, что есть мочи, и вижу средней величины медведя, стоящего задом к муравьиной куче, а кругом трех собак, приноравливающихся схватить медведя, но, видя его, готового дать оплеуху, только неистово лающих.

Мне скрасть из-за лесины по мшистому болоту, поросшему брусникой, не представляло особенной трудности. Вспоминая на лабазе описание француза-охотника г. Фоа в превосходном переводе Н. С. Романовской в «Природе и Охоте» и его совет стрелять в зашеек, я решил ему последовать, и, действительно, эффект полный. После выстрела медведь сунулся сразу, собаки на него и давай вымещать свою ненависть и злобу на бездыханном богатыре.

Вспоминал я г. Фоа и его советы на ночных охотах употреблять электрический прожектор, этот необходимейший аксессуар охоты в темные осенние ночи.

Хорошо, когда полнолуние, тогда медведя видно отлично, но в темные ночи, хоть не ходи — авось, и вернейший пудель, это одна из причин, почему на лабазах стреляют часто, а убивают редко. Вообще эта охота не в моем вкусе, хотя упустить случай поохотиться на медведя я не допускаю себе лично. Осень в этом году должна быть длинная по многим охотничьим приметам и надеюсь еще поохотиться на медведя и сообщить кое-что из охот, наблюдений и воспоминаний.

Что меня интересует, так это следить за направлением чела берлог.

Доживем, посмотрим. Что увидим, опишем.

г. Томск,
октябрь 2 дня, 1905 г.

По следу гонного медведя

Осень и начало зимы прошлого 1906 года были довольно странные. За мою память подобной осени и зимы не бывало в Сибири.

Первый снег выпал 5-го сентября и покрыл землю слоем в 3 ½ вершка. Непогода захватила меня на охоте по заливам реки Оби вблизи села Дубровина, куда я поехал на утиную охоту с приятелями пострелять утку, водящуюся в изобилии по обширным лугам с бесчисленным множеством озер — поросших осокой, кугой, камышом, способствующими скраду уток.

Приехали мы на пароходе из Томска в Дубровино поздно вечером и тотчас все поехали на луга с тем, чтобы ночевать в сосновом бору и с утра начать охоту по озерам, расположенным вдоль бора.

Добрались мы, не без приключений, под громадную сосну, долженствовавшую служить нам кровом, наслали сена и занялись чаепитием.

Темнота была, как в могиле, на небе ни звездочки, ветер крепчал и могучий бор шумел как-то неприветливо. Я предсказывал, что разыграется погода. Товарищи смеялись и ссылались на хорошую погоду, стоявшую чуть не половину месяца. Я стоял на своем, понимая значение шума тайги. Ночь, холод, сырость от окружающих болот располагала к закуске и чаю, которым мы оказали подобающее обстоятельствам внимание, после чего улеглись рядом «вповалку» и скоро захрапели сном праведников на лоне природы.

Я проснулся рано, выглянул из-под шубы и узрел все белое кругом: снег валил хлопьями, как зимой.

Ну, думаю себе, вот так утки. Моя милая Алегра, первопольная сука ирландец, жалась у ног, ежась от непривычного мокрого снега.

— Вставайте, друзья! — начинаю будить товарищей. — Собирайтесь домой, едем на санях.

Приятели вылезают из-под шуб и все начинают охать и ахать и собираться обратно.

Я и местный охотник протестуем, уверяя, что в снег самая добычная охота за утками — и, глядя на нас, вся публика тронулась к болотам.

Пройдя саженей 25-30, мы увидали тучи уток, летающих над озерами и несколько штук лебедей, которые налетели

на юного охотника, тот послал им два безвредных выстрела, после чего красавцы потянули на меня. Я ими полюбовался, но свою «Лебеду» оставил висеть на погоне* (Лебедей я не стреляю — и в смерти этой элегантной птицы-рыцаря неповинен. — Примечание автора). А вскоре началась отчаянная канонада моих приятелей по снующим уткам. Снег же все валил и валил, залепляя глаза и мешая прицелу.

Я тоже увлекся стрельбой уток и даже бекасов, не мало удивляясь потяжке и мертвой стойке по дупелю. И это по снегу! Ничего подобного видеть мне не доводилось. Болотная дичь вся была цела. То и дело подымались тяжелые коростели, курочки, бекасы, в бору встречали вальдшнепов. Но вся масса этой разнообразной болотной дичи меня не удовлетворяла. Бранил я себя, что попал сюда, когда надо было бы рыскать в тайге, где можно бы найти след таежного зверя — медведя, рыси, оленя, росомахи, а эта стрельба по утке не удовлетворяла страсть таежного охотника.

Итак, это был первый снег, которым я воспользоваться не мог. После опять сделалось тепло и выпал снег в половине сентября.

Осень стояла чудная. Дождей и ветров было мало. Холодов сильных не было. Белки по сосняку оказалось достаточно, а медведей находить по снегу не удавалось. Собаки остановили двух по гону. Описание этих случаев я послал в «Neue Balt. Waidmannsblatter». Здесь же я хочу описать охоту, состоявшуюся 26-го декабря 1906 года.

Долина р. Ушайки

Летом я много слышал о гастролях медведей в дер. Ивановке, где на него сторожили луки и ружья, так что предпринять в этой местности охоту с собаками рискованно. Но 24-го октября я получил сведение, что громадный медведь бродит по логам в вершинах речки Ушайки. Местность эту я хорошо знаю и тотчас собрался ехать. Предварительно я отправился к приятелю Г. К. Решу, который меня просил еще летом пригласить его на охоту, чтобы попробовать его лайку, подаренную ему мною.

Придя к нему, я узнаю, что и его зовет охотник из бродяг, без определенных занятий, из поляков, на этого же медведя. Явился в комнату, в охотничьем костюме; болтает много.

«Врет, — думаю себе, — этот бродяга».

Тем не менее, говорю Г. К., что я еду сегодня и подожду его завтра в дер. Ивановке. Пойдем вместе.

Бродяга Степка уверяет, что медведь обойден, и в малом окладе, только надо собак.

Ход собакам чудный, снегу мало и он мягкий, почему я решил взять двух старых псов Мишку и Копейку; пусть натравляются.

От Реша захожу в охотничий магазин, где приказчик говорит мне, что с пасеки диакона Владимирова был работник и спрашивал мой адрес, звал бить медведя, шатающегося вблизи пасеки. Все около одного и того же места, так что не того, так другого медведя найти по печатной пороше представлялась возможность.

К вечеру Легавый Степка явился ко мне — и я, взяв четырех собак, отправился с ним на пасеку диакона Владимирова, где оказался не медведь, а росомаха, прошедшая пасекой три дня назад.

Я ночевал на пасеке, а на утро ушел в Ивановку, рассчитывая вечером увидеться с Г. К., чтобы утром идти искать медведя в Поперечной.

Из расспросов товарища Легавого узнаю, что медведь действительно рылся в логах Поперечной, и едва Легавый увидал его след, как убежал домой, уверяя своего компаньона, что у него есть знакомый барин, Г. К. Реш, купивший ему ружье за то, что он объяснил ему лишь след медведя.

Товарищ Легавого — смышленый хохол, понимая всю неосновательность приезда из Томска охотника ради следа не обойденного медведя, стал уговаривать Степку: погоди, обрежем след, тогда и звать будем охотников. И действительно, остался в тайге, а Легавый укатил к Г. К. Решу.

К ночи Г. К. не приехал в Ивановку, а наутро в ожидании его я отправился на чучела, а потом ходил по р. Куербаку и, поздно вернувшись домой, был уверен, что Реш дожидается меня в Ивановке и ругает меня, на чем свет стоит. Каково же было мое удивление, когда я убедился, что его нет, равно и Легавого. Оно и лучше, одному куда сподручнее ходить, чем с компаньонами, слабыми ходоками и непривычными к таежной охоте, сопряженной с лишениями и многими физическими усилиями.

Железный мост
через Ушайку

Так и пришлось идти одному в сопровождении ленивого, хитрого хохла и четырех собак.

Погода стояла чудная, снегу немного, собаке самый ход; можно в день свободно выходить 50 верст, несмотря на то, что он очень короток. Замедлял только ходьбу тяжелый на ногу хохол, то и дело куривший и закуривавший и вообще подвигающийся туго. Идти надо было из Ивановки около восьми верст, через пасеку, стоящую в глухой тайге, обитаемою старeньким маленьким старичком лет за 80 и таковою же его супругой, притом глухой, и эта мирно доживающая чета, имеющая более 160 лет от роду, живет в одинокой избушке, держит лошадку, коровку и до двух десятков кур, которых кормит и нянчит, как редкая крестьянка-мать своих ребят.

Когда я пришел к ним в избу, то старушка крестилась и все причитала: «Ах, супостат, ах, супостат, разорил — грех его возьми». Дедушка тоже был взволнован, куры кричали и бегали по избе, а одна лежала среди пола в неестественной позе и вся в крови, но голову держала бодро.

Оказалось, что причиною всего переполоха был горностай, замечательно большой — чуть не с котенка, бросившийся на курицу, гуляющую против избушки, и вцепившийся в несчастную жертву с такой яростью и силой, что большая курица не могла вырваться, а тащила его на себе в избушку. Старичок вышел на улицу и, увидя такую оригинальную картину, схватил горностая за шею и вместе с курицей, которую не выпускал маленький хищник из

зубов, внес в избушку, где и убил его с помощью своей глухой подруги. Жаль, что горностай еще не выкунел, то есть не дошел и не имел настоящей цены* (* Настоящая цена горностаю 3-4 р. штука, а восемь лет назад их бросали на промысле или продавали по 5 коп. за штуку. — Примечание автора). Напившись чаю у добродушного старичка, мы тронулись в путь. Собаки лихо рявкали, а молодые часто лаяли на белок и гоняли рябчиков и тетеревей нещадно. Эта птица лая собаки не выдерживает, что известно всякому охотнику с лайкой, хотя некоторые описывают охоту на рябчиков и тетеревей с лайкой, из-под которой хорошо стрелять только глухарей.

Но вот чистина, с которой начинаются падуны в Поперечную, где мы предполагали найти медведя.

Я остановился, перезарядил ружье, собрал собак, которым дал по белочке, и тронулся далее, спустился в лог и едва поднялся на хребет, как увидал вчерашний след человека в сапогах. Осмотрел внимательно — острый носок, обувь не охотничья. Кого, думаю себе, сюда нелегкая принесла. Немного отойдя, увидал еще след, но другой формы, и скачки довольно крупной собаки.

Эх, вижу, дело дрянь, мы ищем сегодня, а медведя угнали или убили вчера, поднадули нас ловко, и дурак я ждал Реша вчера, только время терял и медведя упустил. Свищу хохлу, который вскоре подходит с неизменной люлькой в зубах.

— Ну что, видел следы? — обращаюсь с досадой к нему.

— Каки следы, — отвечает он и удивленно смотрит на меня.

— На, гляди, кто тут ходил, — показываю ему бродок человека в сапогах с острыми носками.

— А, да это Лягавого сапоги, я ему их штопал, это он уговорился со мной идти, а ушел один искать «зверюгу», — говорит хохол.

— Нет, не один, — перебиваю его, — а вот и другой след да с собакой — это, наверное, Георгий Карлович бродил вчера. Его походка: ноги врозь ставит.

Но, что они пошли тут делать с собакой, которая не только на медвежьей охоте, но и в лесу не была? Эту лайку, очень ладного, куцего молодого кобеля подарил я Г. К. щенком семи месяцев.

Удивляюсь, но факт налицо. Надо обрезать ходы, чтобы узнать, где нашли, а может, и убили охотники вчера медведя.

На последнее обстоятельство вероятия было мало, хотя Георгий Карлович говорит про себя, что он смелый, охотник, но убил 3-4 медведей всего-навсего, и то на берлогах и непременно в компании с другими охотниками и стреляли на этих охотах сразу из трех ружей. На одной охоте его спасла крестьянская собака, которую медведь изломал. Одну медведицу он убил один, так что сведущим охотником его назвать нельзя, несмотря на его хорошую стрельбу и отличные ружья.

Река Ушайка близ завода Фуксмана

На воле он никогда медведей не следил и не бывал на охоте по гонным медведям. Собака молодая, не видевшая медведя. Легавый — форменный трус, но болтун и притом ходить в тайге не умеет, и медведей никогда не стрелял и боится их до полусмерти.

Чего-то только не бывает!

— Идем, обрезать надо, а то что тут путаться, — говорю я своему спутнику.

Пошли от Поперечной к вершине Ушайки. То и дело следы охотников, каждый ложок искрещен их следами; кое-где видны следы медвежьи, но занесены снегом.

Вижу, что охотники понятия не имеют, как искать медведя. Надо не путаться было по старым следам, а делать обрез большим логом, что я и предпринял.

Не пройдешь 10–15 саженей, как увидишь след вчерашних охотников или нарыск собаки. Можно сказать, не жалели они времени и ног, исходя эту местность в надежде взбудить медведя, но оказалось напрасно. Медведь перешел ложок колдобиной, который они проглядели, и ушел на северо-восток к деревне Емельяновой. Увидав этот маневр зверя, я подозвал спутника, и мы тронулись следом, хотя довольно слепым, однако еще видным.

Прошли мы верст пять, зверь все идет в одну рядь. Это, значит, ход на лежку. Он, очевидно, хотел лечь в логах р. Поперечной, но раздумал, и направился в другое

облюбованное им ранее место, к которому он однако прямо не шел, а предварительно наделал массу кривулин, петель и проч., то есть всех обычных приемов скрадывания следа, хорошо известных зверовому охотнику, которого этими штуками не собьешь с толку. Все хорошо обдуманные Мишкины приемы зверовой охотник распутать умеет.

Дело клонилось к ночи, надо было ночевать в тайге, так как до деревни Емельяновой идти предстояло около 7-8 верст, а до ближайшей пасеки — тоже версты четыре, да и неизвестно, была ли она обитаема зимою или нет, что бывает в Сибири нередко.

Нашли густую ель, расчистили снег, наломали пихтовых веток для постели, и здоровенный хохол нарубил сухостоин вершков от 6-8, штук 5, и все их стащил в табор, перерубив на концы аршин по 8, чтобы хватило этого топлива на всю ночь. Она длинная в тайге.

Устроили казанок, на который повесили чайничек и занялись по хозяйству: хохол очищал ветки и готовил постели и топливо, а я снимал шкурки с белок, а тушки давал собакам.

Молодые лайки Мальчик и Копейка церемонились, а Мишка с Соболькой в один миг сделали всю белку без остатка.

Оснимав белок, я убрал 4 шт. на утро, шкурки повесил на сучок, вынул из сумы мыло, которое всегда беру с собой

на охоту, вымыл хорошенько руки, достал чай, сахар и кое-какую закуску и начали чайничать при освещении громадного костра.

Хохол горевал о «горилке», но я водку на охоту не беру: придешь в избу по окончании поля, закусишь, почайничаешь плотно и уляжешься спать на хвойную благоухающую постель. Так и теперь. Оделся я мешком и своим охотничьим драповым, не на вате, пиджаком. Вершницу постлал вместо простынь, подушку заменил чембарами, а думку — полотенцем. Хорошо, привольно и покойно.

Собачата прижались кругом, греют тебя. Спи себе на здоровье.

Едва одна серия бревен начинает догорать, навалишь других, хотя неприятно вылезать из гнездышка для этой операции, а делать нечего: в постели начинаешь мерзнуть и у потухающего костра холодно.

Но вот начинает белеть восток; недельные часы* (Подарок М. В. Селиванова — за медвежью шкуру в 18 четвертей. — Примечание автора) показывают шесть часов — пора вставать.

— Эй, — кричу, — Викентий, вставай.

Хохол нехотя выглядывает из-под своей хламиды, служащей ему одеянием летом и зимой, — и скорее за свою люльку.

— А рано, поди, петухов не чуть.

— Какие тебе петухи взялись здесь, — говорю ему, — твоя Оксана далеко.

— А я и заспал; думаю, дома, — отвечает Викентий и берет уголь из костра, чтобы запалить свою носогрейку, которую я ненавижу, как человек не курящий вообще, а на охоте, кроме невыносимой вони от махорки, тютюна и проч. дешевых табаков, курение отнимает много времени. Табак чует далеко зверь, и бывают постоянные случаи упускания момента сделать выстрел по дичи из-за курения, зажигания, свертывания цыгарки или набивания трубки табаком. Вообще курить охотнику не следует.

Однако я удалился от рассказа.

В потемках еще мы напились чаю, закусили, покормили немного собак, так как у нас запасу, то есть хлеба и солонины, оставалось мало, и опять направились в путь на розыски зверя.

Медведь все шел в одну рядь, но около полден забрался в гарь, ломь страшенную.

«Ну, думаю себе, ляжет», и, о, радость, громкий лай и слышна октава Мишки — значит, медведь; Мишка на белку не особенно зарок, а тут шумит. Бегу скорее на лай, но хохол кричит:

— Вона, вона залез в дупло — бегите скорее, А. Н.

Оказывается — колонок. Хотя это и зверь, но не его я ожидал.

Из дупла добывать его — дело не совсем легкое, а главное — канители много; оставить там, спаси Бог, не добудешь,

да и не потравишь молодых собак, они его искать тогда не будут, не пойдут и по соболю, которого эти молодые собаки не видали.

Колонок спрятался в толстый березовый, гнилой пень, который надлежало срубить, предварительно затянув отверстие, в которое влез зверек.

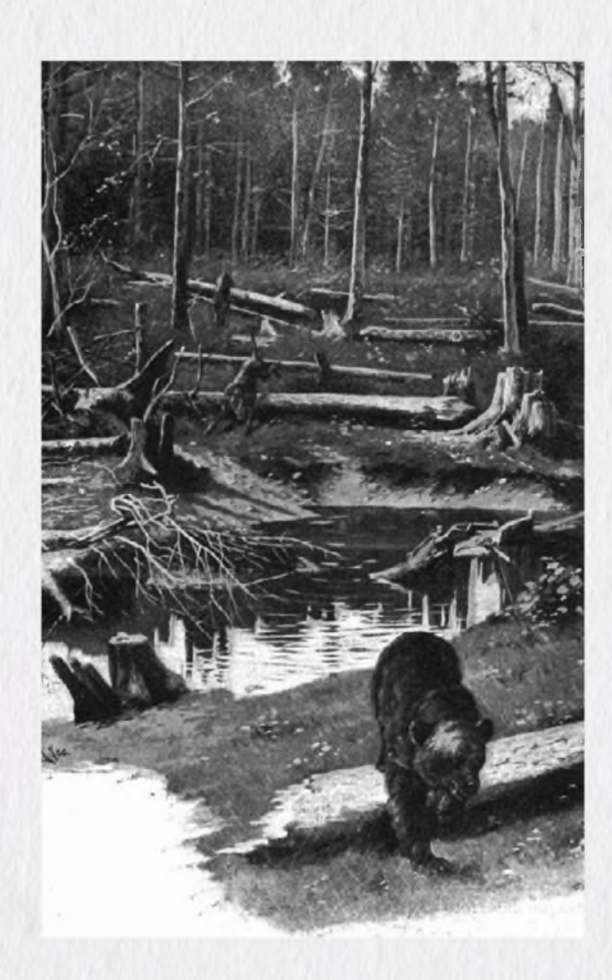
Провозились мы, добывая колонка, более часу и едва грохнулся на землю старый свидетель многих картин таежной жизни, как юркий зверек вскочил и тотчас попал в зубы Мишки, остальные собаки глядели, стоя кругом, как Мишка его немного потрепал, бросил и отошел, услышавши мой окрик.

Я взял вонючего колонка и давал нюхать Мальчику и Копейке. Те сначала схватили с жадностью, но, учуя сильный специфический запах мускуса, тотчас бросили.

Мешкать было некогда, надо было спешить. Наделали тут мы много гаму.

Если и лег медведь в этом логу, то ушел, слыша нашу возню. Вместо того, чтобы ломать себе ноги да путаться следами зверя по гари, мы ее решили обрезать.

— Ты ступай от того чернолесья, — показываю я Викентию направо, — а я обогну налево, спущусь по моховому болоту, а потом логом подойду к кромке ельника, где ты меня жди, а если увидишь раньше выход на чернолесье, то кричи

мне: старый или гонный будет след все равно, — приказываю я хохлу.

Пройдя с версту и спустившись к болоту, слышу крик моего сподвижника, зовет меня. Спешу к нему и вижу медвежий след, но не свежий; следовательно, медведь в этой гари и не ложился, а лишь путал свои следы.

— Хитер зверь, но не отделаться ему, взялись, так не отстанем, — говорю Викентию и хвалю его, что не проглядел медвежий след.

Опять продолжаем следить и лазить по горам и логам. Вдруг старый след пересекает нам свежий. Я снял рукавицу, пощупал проступь. Оказывается, застыл мягкий снежок и подернулся легонькой корочкой, что означало ход зверя утром сегодня.

Первым делом я поймал Собольку, а потом Мишку, бежавшего новым следом, и привязал их на сворки. Хохла оставил с собаками на следу, где он хотел раскладывать огонь для чаепития, а сам побежал следом, приказав Викентию по моему выстрелу или крику спускать собак и самому идти ко мне.

До заката солнца оставалось мало, я спешил окончить розыски в тот же день, чтобы ночевать в жилье, так как у нас хлеба было не более ½ фунта.

Иду, тороплюсь, перепрыгиваю через многочисленные колодины, зорко слежу за всяким знаком на снегу, чтобы не пробежать медвежий след.

Только занес я ногу на сухостоину, как заметил на ней отпечаток медвежьей лапы. Опять в круг — след свежий. «Что за оказия! Уж не другой ли это зверь?» — задаю себе вопрос и продолжаю делать осек, спускаясь к большому, крутому логу, которым решил замкнуть круг.

Смотрю, снег истоптан на крутом берегу оврага. Вглядываюсь, медведь пролез, но куда? Оказывается, опять в круг. По счету, в левой руке у меня три входных и ни одного выходного следа — и все они как бы одинакового размера.

Снег мягкий, осыпается, так что точно трудно определить, тот ли это медведь путается или разные, что выяснится по окончании круга, который и спешу замкнуть, пройдя лог и свернув налево к старому моему следу.

Через несколько времени я увидал выходной след вправо и еще подальше, саженей 300, другой, опять из круга. Остается у меня один след в осеке.

Продолжаю проверку и замечаю еще след вправо, но старый, на который обращать внимание в данном случае не должно.

Надежда крепнет. По местности — медведь может остаться на зимовку: лога, гари небольшие, осинники и все ломь — самое подходящее урочище для зверя.

Выйдя из большого лога отрожком, идущим к болоту и далее, я заворачиваю к своему следу, на котором ждет меня Викентий.

Слава Богу! Вот и моя тропа. Выхода нет. Медведь обложен — но где? Это вопрос, но второстепенный, главное же сделано. Прибавляю шагу и подхожу к мирно спящему хохлу, окруженному собаками, обрадовавшимися моему возвращению и выражающими свой восторг повизгиванием, а Мишка — густой октавой.

Я их унимаю, боясь не подшуметь обложенного в громадном кругу зверя, лежащего сначала на слуху, как всегда по первому снегу, и объясняю результат своего странствования хохлу, который вопрошает:

— А що мы станем робить: хлеба ни ма, я его увись съел.

— Плохо, — говорю, — без хлеба ночевать, а придется, не уходить же от медведя, а идти искать его сейчас с собаками тоже не дело, кто его знает, где он и скоро ли его найдешь, а уже ночь на дворе; давай оставим до завтра, а теперь примемся готовить дрова к ночи.

Хохол ворчит, но отправляется с топором за дровами, я разжигаю потухший костер, устроенный Викентием, вешаю чайник, набитый снегом за неимением воды и

приступаю к снимке белок, которых добыли за день только 5 штук, можно было бы убить больше, но как нашли свежий след медведя, то белок не стреляли, и чуть найдут собаки белку, их отводили, боясь взбудить медведя.

Чаю напился достаточно, но съел одну корочку хлеба, оставленную ранее собаке, да немного солонины, с чем и лег спать. Находился я за день изрядно, весь день не отдыхая, и скоро заснул.

Проснулся покрытый снегом, который валил хлопьями. Хватаюсь за часы — четвертый.

Подкинув дрова в костер, я набил чайник снегом, повесил его к огню. Хотелось найти чего-нибудь поесть, но тщетно.

«Эх, — думаю, — давай ощиплю и сварю рябчиков, которых убил хохол и одного я. Хотя это не важный суп, но все же питание».

Рябчики находились в мешке у хохла. Взяв его торбу, висевшую с ружьями на суку кедрины, я начинаю ощупывать ее. Под руки попадает что-то твердое. Вытаскиваю. О, счастье и блаженство. Старая, замерзшая краюшка ржаного хлеба!

Беру хлеб и кладу к огню таять. Прибавляю снегу в чайник и бужу хохла. Тот просыпается и опять за люльку.

— Брось, — говорю, — садись чай пить, да я вот и хлебушка нашел у тебя в суме, — показываю ему на греющуюся краюшку. — Что же это ты мне вчера не сказал о нем?

— О, да я вин сам запамятовал, — врет скрытный и хитрый хохол.

Кое-как домаячили — и чуть стало светать, тронулись в путь.

Жаль было собак. Оставалась одна белка, которую я и отдал Мишке, зная, что ему предстояла самая трудная работа найти зверя. Едва он увидит свежий медвежий след, как не отстанет от него, пока не разыщет. Собак пустил вольно, а Мишку вел на цепочке, решив его спустить на свежих следах внутри круга, то есть в левую руку.

Подойдя ко второму входному следу, я спустил Мишку и полез в круг, оставив хохла на тропе. Долго я лазил и крестил осек; везде были видны следы медведя, по которым три дня не разобрался бы в них и не нашел бы берлоги.

Собаки подняли его около одиннадцати часов дня. Какая нашла, не разобрал, случилось это далеко от меня и на стрелке ложка; мимо берлоги накануне я прошел в 50 саженях.

Собаки брали чудно. Отличался старик Соболька. Они положительно не давали ходу зверю. Маленькая Копейка и та влепилась в зверя. Молодой кобель Мальчик просто

неистовствовал, а Мишка брал спереди. Вообще картина травли была удивительная.

Медведь попал бойкий, легкий, пудов на девять, кидался на собак, хотел удрать, рявкал, пышкал, задавал страху, но ничего не помогало; собаки липли и не давали ходу.

Я набежал шагов на 15 и выстрелил ему по загривку. Зверь сунулся. Собаки вцепились в него, кто куда горазд.

Викентий ликовал и хвалил моих любимцев.

Распоров брюхо медведю, я выпустил внутренности, которыми и накормил собак.

Подвесив тушу, мы, голодные, измученные, но довольные, отправились на пасеку.

г. Томск,
10 декабря 1906 г.

А медведь-то есть!

В местной газете «Сибирская Жизнь» я прочел публикацию о продаже желающим охотникам берлоги с медведем.

В публикации обозначена цена 50 р. Это для меня дорого, так как более 30 р. за берлогу я не плачу. Поэтому я написал г. Семенову публикатору, открытое письмо, назначая зверю цену в 30 р. Если же зверь окажется более 12 четвертей, то за каждую четверть (то есть 4 вершка) по 3 руб., а за семейную — по 5 руб. за штуку, кроме 30 руб.

Отправив письмо, я не ожидал получить согласия от Семенова, принимая в соображение близость нахождения берлоги от Томска, где функционирует отдел Императорского Общества Правильной охоты, но через неделю получил от Семенова ответ, содержание которого и привожу: «Милостивый Государь, Г-н Лялин! Я Вашу открытку получил. Затем извещаю Вас, что могу уступить за 40 р. А там счастие Ваше, большой или нет, самка или

самец, это все равно. Однако по виду берлоги и по следу, который я видал еще в сентябре, медведица с детьми. Если желаете, то 15 сего декабря приезжайте, иначе 16-го ч. мы сами идем бить. Анжерская копь, колония Малый, 9-й барак, № 53, квартира 2-я, К. И. Семенов».

Хотя обладатель берлоги сбавил десять рублей, но все-таки я более 30 р. не желал ему давать, тем более, что все охотники мою цену знают, а раз заплатишь в одном месте дороже, и в другом придется платить 40 р. Тем не менее я решил лично увидать Семенова и поехал на Анжерские копи, что было мне по дороге в село Лебедянку, где мне надо было узнать олени стойбища и проведать две берлоги.

Приехав к Семенову, я узнал от него следующее: в сентябре месяце он с братом ходил за рябчиками и брат его, удалившись в сторону на охоте, увидал сидящего подле берлоги медведя. Охотник ретировался и стал давать условные свистки брату, стрелявшему неподалеку в логу табунок рябчиков.

К. Семенов за ветром свистка не разобрал и начал отзываться сигнальным рожком, издающим резкий звук.

В. Семенов подбежал к брату и рассказал ему, что видал медведя, сидящего подле берлоги.

Братья зарядили ружья пулями и пошли к берлоге, где медведя уже не оказалось, что вполне понятно: он, услыхав свист и звук рога, благоразумно ушел, в чем убедились братья Семеновы.

После этого они у берлоги были только один раз 3-го декабря и, разумеется, никаких признаков нахождения медведя в берлоге не видали, так как чело было не заткнуто, а «куржама» не замечалось. Собак у них не было. Следовательно, достоверных данных о нахождении зверя в берлоге ровно никаких не было.

— Почему вы знаете, что медведь в берлоге? — спрашиваю я Семеновых.

— Как же! Берлога свежая! Мы это видели, а потому он должен туда придти, — отвечает мне старший из братьев.

— Скажи, пожалуйста, сколько ты бил медведей на берлогах и сколько находил их, — задаю вопрос охотнику.

Оказывается, что старший брат в глаза не видывал медведей на воле, а младшему пришлось встретиться со зверем два раза. Первый зверь был громадных размеров, и, увидав его, охотник испугался и пустился бежать к брату, и когда подошел к нему, то не мог выговорить ни слова — лицо его изображало страх и испуг.

— Удивляюсь вам, публикуете о берлоге, назначаете высокую цену за медведя в берлоге, не зная, там ли он и не умея убедиться в его присутствии.

— Да ваши собаки найдут, — отвечает мне Семенов, — а как же без собак узнать.

— А если нет зверя в берлоге, что весьма вероятно, тогда как? Раз я приехал, то сходим. Если найдем — ваше и

Общий вид станции Томск

мое счастье — плачу вам 30 р., а нет, да будет вам урок зря публикаций не делать — вот вам мой сказ.

Братья соглашаются. Я пошел с ними, имея малую надежду найти медведя в берлоге, угнанного ими неуместными сигналами рожка.

Распорядившись взять лопатку, топор и веревку, мы пошли трое. Со мной были мои собаки — Мишка и Биска.

Погода была ветреная и морозная. Выбрались на вырубленную гарь. Холодный, резкий ветер безжалостно жег лицо, забираясь всюду, но ход был легкий по белой, твердой корке обнажившегося глубокого снега.

Мои подшитые лыжи быстро скользили по направлению, указанному Семеновыми, шедшими на плохих лыжах-голицах, да и сами они неопытные, плохие ходоки на лыжах.

Собаки резвились, и то и дело катались по снегу, что предвещало буран и непогодь.

Быстро пробежав гладкую гарь, мы вступили в глухую тайгу, где было тепло и тихо, только ветер шумел, качая верхушки гигантских елей.

Старый лыжник, проложенный Семеновыми две недели назад, был хорошо виден; им мы и пошли. Собаки следовали за нами, так как рыскать по лесу им было в рыхлом, глубоком снегу невозможно.

Старательная лайка Мишка, заметив выворот или корягу, несколько раз направлялась туда и с трудом возвращалась на лыжник и брела позади нас.

Пройдя около двух верст, мы заметили другой лыжный след, более свежий, сделанный дня два назад и ведший на старую лыжницу.

Этот новый лыжник меня очень заинтересовал, почему я его внимательно рассмотрел и убедился, что он идет нам в «посыл», то есть в тайгу. Прибавив ходу, желая придти скорее к берлоге, через версту встретили еще лыжницу, вышедшую с левой стороны, на старый лыжник. Оказалось, что этот след сделал обход и шел нам навстречу, а потом свернул в сторону.

— Вы поняли, что это значит? — обращаюсь я к Семеновым. — Это охотники ходили два дня назад к вашей берлоге и вернулись обратно на шахты.

Братья начали предполагать, кто именно мог ходить на их берлогу, ахать, охать и бранить «исследователя». Увидав обратный след, идущий от берлоги, я потерял надежду найти медведя, осталось одно желание подойти к берлоге и посмотреть, убит ли был медведь или берлога была пустая.

Раз я пошел, то уже решил дойти и самому осмотреть берлогу, почему попросил Семеновых предупредить меня, когда я буду на расстоянии 25-30 саженей, чтобы на всякий случай приготовить ружье.

Остаток пути мы прошли довольно быстро. Вдруг мне свистнул Семенов. Я остановился.

— А вон под кривой березкой берлога и есть, — говорит мне старший брат, указывая на склонившееся толстое дерево, находящееся от меня в 25 саж. или около этого.

Я тотчас остановился, скинул с плеча ружье и стал приводить его в боевой вид, то есть снял войлочек из-под курков, вынул пробки из стволов и приготовил заряд с пулей.

В это время мимо меня промчались собаки, находившиеся сзади меня, — вперед по готовой лыжнице.

Гляжу на них и вижу, что они, подняв круто хвосты, мечутся впереди меня, очевидно, чуя зверя.

— А медведь-то есть, — говорю я Семенову.

Вскоре послышался ожесточенный лай собак, нашедших медведя. Изготовив ружье и вынув нож, я пустился к собакам, и то, что увидал, меня поразило.

Мишка и Бес кидались к челу берлоги, совершенно пологому и расчищенному, очевидно, охотниками, бывшими у берлоги два дня назад. Около чела виднелись следы лыж, и снег изрыт человеческими следами. Затычки не видно, только в челе торчала сухая елочка, которой, очевидно, исследователи тыкали в берлогу, желая ею найти медведя, но все их старания были тщетны, и они удалились с убеждением, что берлога пустая.

Собак у них не было.

Охота съ лайками въ Сибири.

Медвѣдь вѣсомъ 17 пуд. 16 ф. Лайки: Бѣсъ (А) и Мишка (В) А. Н. Лялина (1). 2. Инородческій голова села Колпашева. 3. Докторъ Аккерманъ.

Мои лихие пособники лают, кидаются в берлогу, но медведь хранит гробовое молчание.

Семеновы, не бывавшие на берлогах, высказывают свое предположение, что медведь ушел.

— Руби вон ту длинную черемошину, — говорю младшему из братьев, показывая на близ растущее дерево, — а ты расчищай снег к чистому месту от берлоги, чтобы в случае «выкидки» зверя из берлоги собаки могли бы свободно отскочить, не завязнув в глубоком снегу.

Биска со злости начинает грызть и выталкивать сухую елку, торчащую в челе, а Мишка побрел кругом и стал копать рыхлый снег в 5-6 арш. от чела, очевидно, чуя зверя. Я, взяв вырубленную черемошину, стал зондировать ею берлогу, но везде было пусто; медведь голоса не подавал.

— Что за оказия, где же медведь, — думаю вслух и продолжаю обследовать берлогу шестиком, упирающимся в твердые стенки медвежьей зимней квартиры — но вдруг с правой стороны шестик пошел дальше, и за конец его схватил медведь. Я тащу назад, но сильный зверь крепко держит его зубами.

— Бери шестик и тычь им сильнее, — приказываю я Семенову, а сам жду появления зверя.

Но медведь опять скрылся.

— Разгребай снег, где копал Мишка, — командую я охотникам, стоя наготове возле чела, куда кидаются собаки.

Когда снег был расчищен до земли, по звуку от удара топора определилась другая берлога, которую медведь прокопал себе, сделав проход из первой.

Я приказываю рубить топором поверхность земли над второй берлогой, что моментально исполняется. После нескольких ударов топора обнаруживается дыра вглубь берлоги, в которую я сунул колом. Медведь первый раз рявкнул и уцепился за палку — собаки ушли в берлогу. Этот маневр меня испугал: я боялся, что медведь бросится к ним, и они не успеют отбежать.

— Руби шире дыру, — говорю Семенову, но тот, очевидно, боится и нерешительно исполняет мое приказание.

— Вот он, вот он, — кричит младший Семенов и прыгает в сторону от дыры.

Биска лезет сверху в прорубленное чело, а лихой Мишка воюет в самой берлоге.

Я успел поймать Биску за пушистый хвост, желая привязать собаку, так как она не давала вылезти зверю из довольно широкого отверстия.

В это время раздалось под моими ногами внушительное ворчанье, и медведь ринулся мне в ноги.

Об отступлении не могло быть и мысли, так как кругом лежал, подобно брустверу, глубокий снег.

Я моментально выстрелил. Медведь отскочил и скрылся в берлоге. Мишка бросился к нему, зная по привычке,

ул., 19, д. Козьмина, противъ родильнаго, спр. столяра. 2—17372

Нужна прислуга.
Знаменская, д. Кадкина, № 4, 1

Двое желаютъ поступить на мѣсто кухаркой и горничной. Почтамтская ул., д. 26, Чернява, спр. во дворѣ, внизу. 1

Кухарка съ ребенкомъ ищетъ мѣсто въ небольшое семейство. Благовѣщенскій пер., 17, Батурина, въ угл. домѣ, въ подвалѣ. 1

Нужна дѣвочка лѣтъ 13--14.
Даниловскій пер., д. № 14, кв. Белковскихъ. 1

Нужна кухарка одинокая одной прислугой. Магистратская ул., домъ № 13. 1

Ищу мѣсто няни къ маленькому ребенку, имѣю аттестатъ. Б.-Королевская ул. 44, спр. въ лавкѣ. 3—29007

Нужна кухарка.
Дворянская ул., № 34. 3—4260

Нужна простая хорошая горничная Магистратская улица, № 6, вверху. 2—4350

Нужна кухарка одинокая, умѣющая готовить. Спасская ул., д. Кочнева, № 4, 2-й отъ угла, вверхъ. 2—29266

Нужна кухарка.
Противъ электрической станціи, д. № 10. 3—29206

Поваръ (холостъ, нравственный, трезвый) ищетъ мѣсто. Согласенъ въ ресторанъ или-же на домъ, здѣсь или въ отъѣздъ. Адресъ: Болотный пер., д. Кострыгина, 12, спр. въ столярной мастерской, у г-на Маркина. 2—

УРОКИ и ЗАНЯТІЯ.

ГОТОВЛЮ и репетирую по предметамъ младшихъ кл. ср. шк. Адресъ: Лично до 12 час. дня. Обрубъ, винная лавка № 8. 3—17350

Ищу мѣсто экономки, домоправительницы. Обрубъ, парикмахерская въ д. 6, спросить Комарову. 3—17365

Ищу швею поденно, умѣющую кроить. Заозерный пер., д. № 9 Захаревской. 1

Нужна швея поденно.
Офицерская, 24, флигель. 1

Опытный массажистъ (ст.-медикъ)
Троицкій. Александр., 9, внизу. 3—29306

Окончившая гимназію готовитъ и репетируетъ за курсъ женск. гимназіи. Монаст. пер., 5-28, д. Моисеева, кв. Федоръ. 3—17384

Даю уроки математики студ.-технологъ (бывшій студ.-математикъ). Обращаться письменно: Миліонная, 15, верхъ Дерисавину. 3—29326

Барышня ищетъ мѣсто, знающая латинскій яз. Почт. до востреб. предъяв. квит. „Сиб. Ж.". 3—29336

Конторскихъ занятій желаю имѣть: постановку, веденіе и провѣрка книгъ, составлен. баланса и отчетовъ, по двойн. и прост. бухгалт. Гост. рядъ, кож. лавка Шиц и Шпшелевича, Бухгалтеру. 3—17481

Въ школу кройки Штейнбукъ
Нужна опытная мастерица лифиица, на хорошее жалованье. Спасская ул., № 6. 1

Ищу уроковъ по предметамъ младшихъ классовъ средней школы. Б. Королевская, № 1, верхъ 1

Студентъ-технологъ (нѣмецъ) ищетъ уроковъ и п [illegible] Нечаевская ул., 77, студ. Вольнеръ 2—17353

Приглашаю учительницу музыки давать первоначальн. уроки на рояли. Миліонная, 36, верхъ. 2—17333

МЕБЕЛЬ. ДОМАШН. ВЕЩИ. ЖИВОТН.

За отъѣздомъ продается соверш. нов. полн. обстановка: мягкіе гарн. вѣнская меб. дубовая и простая, комоды, гардер., буфет. и пр. жел. кровати, ванна, самов. ник. посуда разн. Магист., атск., 4, надъ аптекой Ковнацкаго. 2—17396

По случаю отъѣзда продается комодъ, столы, стулья вѣнскіе и разныя другія вещи. Нечаевская ул., 17, д. Вознесенскаго, во флигель налѣво. 2—17384

Продаются двѣ коровы, третья нетель. Уг. Спасской и Монаст., № 7. 1

Продается игреній иноходецъ съ быстрымъ бѣгомъ, бѣговыя санки, троичная кошева, дойная корова. Солдатская, 53. 1

Кобыла на 6 л. 6-я случайно продается, хорошая для завода. Ушайка, домъ—гдѣ русскій банкъ, верх. эт. флигеля во дворѣ. 1

Продается воротникъ соболій, лавка Данилова, у базарнаго моста. 1

СПѢШНО ПРОДАЮТСЯ:
кровати больш. и дѣт., мягкій гарнитуръ 12 шт. д а трюмо за 150 р., можно порознь, гардеробъ, буфетъ, книж. шкафъ, комодъ, оттоманка, стулья вѣн., 2 дѣт. стула, письмен. обѣд. и прост. столы, лампы, посуда и кухонная утварь. Миліонная, № 39, низъ, до 3 ч. веч. 1

Продается пристяжка бурой масти, ходитъ въ одиночку. Миліонная, № 34. 1

Продаются щенки пойнтера. Технологич. Горн. корпусъ, спросить Юшкова. 1

Продаются бронзовые канделябры. Почтамтская улица, домъ Семеновой, у Стефаникъ. 1

Продается
полная обстановка на 5 комнатъ, рояль Шредера, бронза, цвѣты, мягкая меб. краснаго дерева, (гарнитуръ), варшавскія кровати, столы, стулья, письмен. столъ, оттоманка, книжн. шкафы, посуда, домашн. утварь. Продается также хорошая корова. Спасская, д. 6. Вейсма а. кв. домохозяина. Торговцамъ не безпокоиться. 5—29011

По случаю отъѣзда
недорого продается: фортепіано (60 р.), велосипедъ (60 р.), казачья шашка (золингенскій клинокъ) съ портупеей, комодъ, гардеробъ, одна большая и двѣ дѣтскихъ кровати, перина, матрацъ, этажерка, ширма, столы, стулья, цвѣты, столовыя лампы, судки и кухонныя принадлежности. Учащимся скидка. Спросить: Бульварная ул., 1, верхъ, отъ 9 до 4 часовъ. 3—29214

Продается ротонда на лисьемъ мѣху. Большая Подгорная, № 37, средній этажъ, входъ со двора. 5—29014

ПРОДАЮТСЯ:
комоды, этажерки, шкафы въ мастерской Видусова, по Духовской ул., д. № 10, по подходящимъ цѣнамъ. 3—17194

ДОМА. КВАРТИРЫ. ДАЧИ.

Отдаются двѣ комнаты большихъ, свѣтлыхъ, можно отдѣльно. Преображенская ул., д. 17, во дворѣ, флигель, верхъ, отъ Александровской 2-й домъ. 3—29152

Отдается въ интеллигентномъ семействѣ большая, теплая, изолированная комната вблизи Почтамтской улицы. Уголъ Татарскаго пер. и Источной ул., д. 9-18, Шеренчицъ, кв. 2. 2—17159

Нужна комната
въ семьѣ, теплая съ обстановкой, удобствами и столомъ. Желательно въ районѣ пятаго участка. Гостинница Европа, № 6. 1

Отдается въ центрѣ квартира: верхъ подъ номера, низъ пивная. Справиться: кожевенная лавка Фуксманъ. 3—17240

ДОМА НОВЫЕ,
благоустр., въ центрѣ города, приносящіе дохода 13%, годовыхъ, продаются. Монастырская, 27. 10—17006

Комната, мож. двумъ холостымъ.—Продается дам. шуба лис., собол. воротникъ, платья дом. хорошія. Ефремовская, 19. 3—29215

Продаются дома №№ 6 и 3.
Подгорный пе[illegible]улокъ, Майговыхъ. 5—28741

Продается домъ.
Большая Кирпичная ул., д. № 18. 6—16858

Отдается квартира, три комнаты и кухня, есть помѣщеніе для скота. Горшковскій пер., № 22, д. Хотинской. 2—17324

РАЗНЫЯ.

Желающему отдается
берлога съ медвѣдемъ, за 50 руб. Обращаться на Анжерской копи, отъ копи въ 7-и верстахъ, къ старшему десятнику К. Семенову. 1

Біоскопъ по Уржатскому пер., въ [illegible] [illegible] [illegible] дек., почему 5-го XII были афиши заклеены афишами Коммерческаго собранія. Біоскопъ ставимъ по желанію и на вечерахъ; онъ-же продается, № 4, по Уржатскому пер. Ципенко. 1

МѢШКИ
3 тыс. держ. съ под. мук. время прод. Заозеромъ, Знаменская ул., д. № 6. [illegible] Иванова, рядомъ съ давк. конт. Родионова. 5—17269

Продается партія гусей, утокъ, индюшекъ, гусинаго жира, еврейскаго приготовленія; тутъ-же продается лошадь. Пески, Большая Подгорная, № 50, Ситникова. 2—17338

Желаю отдать дѣвочку 6 лѣтъ, хотя на время. Почтамтъ, до востребованія Н. Д. 1

Мелочная лавка сдается съ 1-го января 1908 г. Петровская, д. № 1, Медвѣдчикова. 3—17404

Найдена собака пойнтеръ темно-желтый, на лбу подъ шеей бѣлыя пятна, спр. Никиту Ревнивыхъ. Дворянская улица, д. № 40. 1

Продается выѣздъ биржи. Миліонная улица, у Кузнецова, № 57-а. 1

Продается піанино малодержанное. Миліонная, д. № 32, во дворѣ, во флигелѣ, 2-я дверь, внизъ. 1

Открылась новая иностранная прачешная. Жандармская ул., № 46. Принимаетъ заказы по умѣреннымъ цѣнамъ, исполняетъ въ сроку всевозможныя заказы, крахмальныя сорочки плоеныя и чистку шелковыхъ и суконныхъ вещей. 3—17517

Паровая машина 10 силъ завода Тангe. Паровой вертикальный котелъ, нагрѣва 110 футъ. Электрическая машина съ доской 35 амперъ. Продается въ Томскѣ, контора Бр. Каменскихъ. 2—174 8

За скорымъ отъѣ домъ продаются дешево заграничныя поющія птицы. Тутъ-же нужна прислуга въ кофейную. Акимовская ул., № 2, д. Барсукова. 1

Нуженъ компаніонъ для открытія въ Новониколаевскѣ или Бійскѣ торговаго дѣла. Вкладъ можетъ быть и незначительный, но необходимо личное участіе въ дѣлѣ. Справ. Солдатская, 58, отъ 8 до 10 ч. утра и 6 7 ч. вечера. 1

НАШЕДШАГО ДАМСКІЯ ЗОЛОТЫЯ ЧАСЫ
съ монограммой, на память «19/XI/07 г. И. В.» прошу доставить за вознагражденіе, въ мебельный магазинъ Г. Голованова. Утеряны часы на Магистратской улицѣ. 2—29229

что медведь убит с первой моей пули, но, сунувшись, отскочил назад.

Семенов опять стал шарить колом в берлоге и, вытащив его, увидал на конце его кровь.

— Руби еще шире дыру, — приказываю охотникам, — а как полезет, отскочите, выпустить его на волю нельзя: всех нас передерет. Я стрелять буду в голову.

Не долго пришлось ожидать: медведь выскочил сам и тут же сунулся после моего выстрела в голову между глаз.

Собаки впились и страшно толкали его во все стороны, вымещая на нем свою злость и победу.

Удостоверившись, что медведь убит, мы общими усилиями вытащили медведицу, оказавшуюся щенной. Биску, неистово рвавшую голову зверя, я привязал к дереву. Опытный Мишка полез в берлогу, удостоверился, что она пуста, и скромно лег, свернувшись калачиком, ожидая свою порцию, о которой я забочусь тотчас, как убил зверя, то есть, распоров брюхо, немного снимаю шкуру по надрезам и вырезаю мяса собакам. Пока я этим делом занимался, Семеновы разожгли костер, и появилась бутылочка водочки. Мы устроили тризну по медведице, наводившей страх на жителей Анжерских копей.

Я забыл упомянуть, что на этой охоте был симпатичный латыш Блюменталь, страстный охотник по перу, но медведя не видавший. Он просил у меня дозволения посмотреть,

на что я, разумеется, согласился. Приглашал также инженера копей А. А. Неклюдова, но он уехал стрелять с загоном зайцев, как мне передали.

Чело берлоги было на север.

Из первой берлоги в углу был сделан проход и выкопана вторая берлога, где была убита медведица. В обеих берлогах была постлана ветошь, то есть старая, сухая трава.

Первой пулей я рассек обе челюсти, угодив в средину верхней чуть пониже ноздрей.

Вторая попала между глаз и прошла в горло.

Весила медведица 12 п. 25 ф., темно-бурая с густой, хорошей шерстью.

Немало удивились охотники Анжерских копей, узнав, что я убил медведицу, так близко от копей и в берлоге, которую обследовали и оглядывали охотники за два дня до моего приезда. Я сознаюсь, что без собак узнать и определить нахождение в подобной берлоге зверя, невозможно.

Когда медведицу эту привез я в Томск и сделал вскрытие, то в ней оказалось три медвежонка, фотографии которых прилагаю. Присутствие на них шерсти незаметно, хотя совершенно образовавшиеся зародыши имели появиться на свет Божий через месяц. У медведицы, убитой мною 14-го октября 1907 года близ 32 вер. Томской ветки, зародыши были едва заметны.

Эти факты вполне доказывают мои прежние наблюдения, что медвежья течка происходит в половине сентября, а не в июне месяце, как ошибочно утверждал кн. Ширинский-Шихматов и другие.

При вскрытии этой медведицы был ветеринарный врач Н. А. Лыткин, студент К. С. Коренев и другие лица, которых это обстоятельство очень заинтересовало.

Я лично много охочусь на медведей, бью уже третью сотню, но есть факты, объяснение которым я не нахожу, так, например, я в июне месяце 1907 г. убил медведицу, темно-бурую, в 11 п. 17 ф. весу, без внутренностей.

При ней было два медвежонка ростом с крупную собаку.

Одного из них задержали собаки, а другой, видя критическое положение сестрицы, залез на березу. Обоих я взял живьем и привез в Томск.

Шерстью они не походили друг на друга, а равно нравом, но что особенно странно, это то, что медведица не предалась зимней спячке и ест каждый день два раза, сидя на цепи.

Самец с половины сентября занялся копаньем ямы наподобие гнезда и таскал туда всякий хлам. Когда ему положили сена, он его тоже утилизировал.

Тогда над устроенным гнездом поставили большой ящик с прорезанным отверстием, медвежонок стал форменно улаживать себе берлогу, в которой «залег» спать, не выходя из нее по сие время. Раз, думая, что он околел,

пустили собаку, которая его потревожила и он, злобно рявкая, вылез из берлоги, но когда взяли собаку, он успокоился и убрался в свое гнездо, где лежит и по сейчас, то есть 20 января 1908 года.

Два медвежонка-однопометники при одинаковом режиме воспитания ведут различный образ жизни.

Но я положительно утверждаю, что медведь, залегший в берлогу на зиму по своей воле, то есть не быв потревожен, из нее не выходит и пищи и воды не принимает, на что указывает А. Э. Брем на странице 231 2-го тома своего сочинения «Жизнь животных».

Этого быть не может.

Впрочем, в упомянутом труде А. Э. Брема есть некоторые ссылки на сообщения сибирских охотников о жизни и привычках медведей, которые не отвечают действительности, о чем я напишу, когда буду иметь более свободного времени, а ноги откажутся служить и преследовать зверей.

г. Томск,
января 30 дня, 1908 года

Две охоты на медведя

Прошлой зимой члены Томского Общества Правильной охоты два раза выезжали на медвежьи берлоги и оба раза неудачно, но интересно.

Первая охота, которую я хочу описать, состоялась в декабре месяце.

Берлога была куплена в Мариинском уезде Тундинской волости, более 200 верст от Томска.

По уверению крестьян, медведь был громадный. Охотники следили его несколько дней, и, наконец, зверь залез в берлогу, находившуюся под старым кедровым деревом.

Об этой берлоге я слышал, бывши на охоте в деревне Сироталовке, где я убил медведя в ноябре месяце 1906 г.

Лайки И. Я. Поплавского

Мне передавали, что охотники, найдя берлогу, сами хотели убить медведя, несколько раз выстрелили в момент его появления из берлоги, но не убили. После этого они долго следили его. Когда же зверь залег, решили берлогу продать и предложили мне, но я этим приглашением не мог воспользоваться, имея на примете двух ходовых, гонных и нестрелянных зверей, которых надо было скорее взять, что я и сделал, а потом услыхал об охоте членов Отдела Томского Общества Правильной охоты, купивших эту берлогу.

Господа охотники приехали на место охоты, вооруженные различными смертоносными орудиями, собрали несколько мужиков и в сопровождении собак, за неимением своих, двинулись бить громадного медведя.

Предварительно бросили жребий, кому первому стрелять, разместились по порядку и пустили крестьянских собак, поднявших страшный лай, чуя близость медведя, однако в берлогу они боялись лезть.

Охотники с ружьями наготове ждали появления громадного медведя, крепко лежащего в берлоге, не подающего голоса.

— Давай, — говорит один из участвующих, — стрелять в берлогу, а вы будьте наготове, в случае выскочит зверюга, не зевайте палить ему в башку.

Сказано — сделано.

Охотники приняли воинственные позы; ждут момента появления головы медведя.

Раздался выстрел, застлавший дымом чело берлоги, но ожидаемого мишки не было, равно не слышно было его рычания.

Что делать, как вызвать медведя, если собаки в чело не лезут?

Судили, рядили и кончили тем, что вырубили дерево, которым принялись пырять в берлогу.

— Конец впирается во что-то мягкое, — говорит действующий колом охотник.

— Тычь сильнее его, каналью, — учит другой, — будет ему лежать, вылезет, тогда ему и зададим жару.

Но в результате одно гробовое молчание в глубокой берлоге.

Одному мужичку надоело быть свидетелем этой скучной истории.

— Да вы стреляйте туда пулями, там его и забьете, — учит он томских охотников.

Те слушают его и палят в лазею, и опять ни звука в берлоге.

— Ну, таперичко сразу забили, — утешает охотников счастливый окладчик. — Надоть осветить берлогу, да тащить зверюгу, — командует он.

Живой рукой содрана береста с гнилого дерева и подожженная спичкой дала массу огня и дыма.

Томское общество правильной охоты. *Облавная охота по зайцамъ въ д. Жуковой, близъ г. Томска 23 сентября 1912 г. (Фотографія съ натуры).*

Импровизированный факел поднесли к челу берлоги, в глубине которой увидали бездыханную тушу зверя.

Для «верности» еще потыкали жердью в мертвого медведя и, убедившись в окончательной его смерти, решили его вытащить, для чего один из мужичков спустился в берлогу с веревкой, привязал один ее конец за шею медведя, а за другой взялись всем миром и, запев «Дубинушку», дернули.

— Эх, ребята, ништо легко больно идет, — отзывается инициатор извлечения убитого медведя.

— Ну-ка, еще подернем, — командует он участникам, которые, дружно рванув веревку, вытащили бренные останки когда-то большого медведя, а в настоящее время наполовину съеденного мышами и другими зверьками, давно издохшего топтыгина.

— Вот, паря, так оказия, то-то он и голоса не подавал, да и тащился шибко, — легко рассуждают мужички, видя объедки медведя.

Грустные, одураченные судьбою охотники поплелись обратно в деревню, с горя отпраздновать тризну по издохшем звере.

Другую охоту на медведя, не менее интересную, устраивал г. Жуковский, нотариус Томского Окружного Суда, тоже член томского Общества Правильной охоты, охотник страстный, но, сколько мне известно, не бывавший на

медвежьих охотах, но большой любитель природы и ездивший на глухариные тока в Мариинский уезд.

Подобных охот томские охотники не предпринимают и не любят, предпочитая им осенние охоты на чучела за тетеревами, которых они убивают массу.

В начале осени вблизи деревни Алаевой крестьянин той же деревни, ходя за рябчиками, наткнулся на берлогу и продал ее г. Жуковскому, быв уверен, что охота скоро состоится, но по каким-то странным соображениям г. Ж. на медведя не ехал. Слух же об этой берлоге распространился по всей громадной казенной Темерчинской даче.

Промышленники завидовали счастливцу, нашедшему берлогу, имеющему получить хороший куш с щедрого томского охотника.

Несколько раз окладчик поджидал и готовился принять г. Ж., но все ожидания его были напрасны.

Наконец, когда снег оглубел и медведю по нем двигаться стало затруднительно, как раз на масленой неделе, состоялась охота, которую участники желали увековечить фотографическими снимками одного из охотников, хорошо работающего «Кодаком».

Все они, одевшись в изящные зимние охотничьи костюмы, снялись группой. Потом фотография воспроизвела зимний, таежный пейзаж и компанию охотников. Далее было предположено снять моменты самой охоты на медведя: 1) подход к берлоге охотников-медвежатников, 2)

позы стрелков у берлоги, 3) вызывание медведя из берлоги, 4) его появление из берлоги, 5) позы охотников с приложенными к плечу смертоносными орудиями, 6) момент выстрела в выскочившего медведя, 7) результат рокового выстрела и проч., и проч. возможные картины охоты на медведя, включая изображения тризны на убитом звере.

Несколько снимков были уже выполнены, и охотники подошли к берлоге, соблюдая полнейшую тишину, приняли боевые позы, ожидая зверя, и «Кодак» щелкнул.

Окладчик, он же нашедший берлогу мужичок, начал вызывать медведя, суя колом в недра берлоги, но голоса медведь не подавал.

Собак у охотников не было, которые могли бы указать существование в берлоге медведя.

Охотникам и фотографу с готовым аппаратом становилось невмоготу ожидать на морозе появления медведя. Мужики выходили из себя, стараясь выгнать из берлоги медведя, которого, увы, не оказалось, и все приготовления были напрасны.

Раздосадованный более всех охотник-фотограф уехал домой, измучившись изрядно, сделав непривычное путешествие на лыжах несколько верст по глубокому, рыхлому снегу. Имеющиеся у него снимки с гг. охотников в их воинственных позах и охотничьих костюмах можно было сделать дома, не ездив за 40 верст от города и без утомительной ходьбы на лыжах.

Мариинская тайга

Потом я слышал об этой берлоге следующее: мужичкам надоело ожидать приезда господ охотников из Томска, все откладывающих свой выезд, и они умышленно выгнали медведя из берлоги, желая убить сами, но зверь миновал их выстрелы, ушел, был несколько раз перегоняем, и попался мне за деревней Макуриной в начале ноября 1906 года, где и был мною взят, что вполне вероятно, так как он оказался не жирен, имел легкую рану в ляжку и потерял «пробку»* («Пробкой» называют затверделое кало в заднем проходе, образующееся у медведя во время лежки. Если выгнан из берлоги, он «пробку» теряет от принятой пищи. — Примечание автора) в заднем проходе.

Другая версия, тоже правдоподобная, гласит, что промышленники из соседних деревень, слышавши о найденной алаевским крестьянином берлоге и проданной дорогой ценой томским охотникам, долго искали ее, и найдя «залыски» или «затески»* (Залыски или затески — это топором или ножом снятая кора на дереве; их делают в тайге от найденной берлоги по прямому направлению от дерева до следующего дерева — к какому-нибудь известному урочищу или дороге. По этим заметкам зимою охотники находят берлогу. — Примечание автора), по ним подошли к берлоге и, воспользовавшись бураном, убили медведя и вывезли целого. Снегом все следы их занесло, и виноватые оказались не узнаны.

Действительным остается то, что осенью медведь лежал в этой берлоге, а для того, чтобы подобные неприятные инциденты не повторялись, позволю предложить свой совет гг. охотникам, покупающим берлоги у крестьян-охотников не специальных окладчиков — ехать бить медведя тотчас по извещении, не откладывая поездку в долгий срок. Положим, я могу ожидать возражение, что по первому и мелкому снегу, а тем более поголу на берлоге бить зверя много рискованнее, чем среди зимы, когда снег на два аршина, в котором медведь вязнет, и убить его очень просто, так как он не вылетает «бомбой» из чела, а тихо карабкается, еле-еле бредет по рыхлому снегу, увязая до половины спины.

Правда, тогда в него стрельба не трудная, собаки не нужны, потому что они работать не могут в глубоком снегу, медведь же сильнее их и способен поймать лихую, злобную лайку.

Его же выгоняют из берлоги жердью, иногда прорубая отверстие в небе берлоги, выдворяют колом. Это повторяется часто с детными медведицами, лежащими крепче одиночек.

Крестьяне-промышленники зимой добывают медведя ружьями, копьями, а то и просто с помощью топора, но всегда заламывая, то есть запирая островинами.

Лично мне такой прием медведя не по характеру; я люблю бить зверя во всей его могучей красоте на свободе, наслаждаться приемом своих питомцев, видя отчаянный и умелый прием лаек и сноровку зверя.

На стэндѣ Томскаго Общества правильной охоты 27 февраля 1900 года.

В. Г. Головановъ.
Д. М. Сковородовъ. А. А. Ломачевскій. Н. П. Кайдаловъ.
С. В. Хомичъ. С. И. Толкачевъ.
Ю. К. Эршке. Н. Н. Поспѣловъ.
К. К. Трипозитовъ. В. В. Хомичъ. А. А. Питателевъ.
Михневичъ. М. М. Елесинъ.

Но вкусы бывают разные и охотники тоже...

Так, в начале этой зимы г. Б—в просил меня уступить ему берлогу, говоря, что у него состоялось пари с одним охотником на 300 р. Г. Б—в брался убить медведя из пистолета, не бравши ружья, и чтобы у жюри тоже отсутствовали ружья, между тем, зверовых собак, кроме моих, в Томске нет, так что задержать зверя нечем. Выслушав такое странное пари, я заметил г. Б—ву, что убить медведя из пистолета в январе или декабре месяце дело очень пустое, особенно принимая в соображение допущение стрельбы медведя в берлоге по башке, а что был бы действительно подвиг, если бы он взялся убить медведя из пистолета в октябре месяце без участия собак, вышедшего наружу из берлоги, при таких условиях стоило бы держать пари, а в данном случае подобный спор доказывает очень малую осведомленность с приемами и повадкой медведя держащего пари с г. Б—м, а равно имеющиеся у него шальные деньги, которые он желает пожертвовать г. Б—ву, хорошему стрелку из пистолета (по его словам). Но говорю вперед, что пари это не состоится, хотя я берлогу предложу, уверенный, что спорящие найдут какой-нибудь предлог, чтобы не ехать: удержут их неотложные дела по службе или что-нибудь экстренное, вроде крестин, именин, похорон и проч., а то вдруг сделается неопределенное недомогание.

Так вот какие здесь бывают неудачи с охотниками Томского Общества Правильной охоты. Несмотря на обилие медведей, ими не было убито ни одного, хотя жалоб от крестьян на разорение стад было достаточно, я получил массу приглашений в продолжение лета, которых все удовлетворить не мог, за неимением времени. Всюду один не поспеешь.

Зато Томское Общество Правильной охоты, уничтожив зайцев вблизи Томска своими облавными охотами, на которых убивалось более 100 штук в день, занялось истреблением хищных голубей и тарелочек, за что я и медведи приносят им искреннее спасибо.

В продолжение этой зимы было в местных газетах три публикации о продаже берлог, и все их я купил по 30 руб. Из томских же охотников никто и не спрашивал. Только из Ново-Николаевска был запрос г. Поплавского, сотрудника журнала «Природа и Охота», крестьянину В. Литвинову, на ст. «Тайга», но эта берлога была уже мною куплена.

Г. Поплавский ведет породу лаек. Надеюсь доставить себе удовольствие при случае быть у него и посмотреть на его питомник, который, судя по его статьям, помещаемым в охотничьих журналах, должен заслуживать особого внимания, принимая в соображение его проживание на далеком востоке, кончая островом Сахалином, где он был со всей своей стаей остроушек. Приятно, что недалеко от

ОТЧЕТЫ

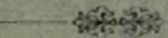
состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
Великаго Князя Николая Николаевича,

ТОМСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРАВИЛЬНОЙ ОХОТЫ

за 190$^{3}/_{4}$ годъ

10—11 годъ существованія Общества.

ТОМСКЪ.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“, Театральный пер. соб. д. № 12.
1905.

Томска поселился охотник, любитель лаек, этих необходимых для Сибири собак. В настоящее время крайняя необходимость из существующих особей, с чудным экстерьером, хорошими охотничьими качествами, выработать тип лайки, так как чистого его нет. Читаешь отзывы о тунгусских лайках, самоедских, зырянских, даже сибирских, а посмотришь — все они разные по росту, колодке, окраске псовины и проч. Только и есть один признак — стоячее ухо.

Если всмотреться хорошенько, то можно легко заметить, что все лайки имеют стоячие уши, но неодинаковой формы и величины.

Бывает ухо, как у медведя, то есть сравнительно маленькое, а то встречаются лайки с большими, острыми ушами, торчащими в разные стороны. Самое красивое ухо вполне острое, небольшое и близко друг к другу сидящее.

Да простит читатель, что слишком увлекся своей слабостью, да и могу ли я не любить, не ценить своих лаек, дающих мне возможность самостоятельно и с увлечением охотиться, изучать всякого таежного зверя, которого без помощи лаек не добудешь, а охотиться за ним без лаек — одна грусть, тоска, а не охота. С чужими собаками охоту я не понимаю и не признаю.

XXI

В обетованных палестинах

Много в Сибири водится всякого зверя и массу вывозят из ее глухих урманов, массу всякой пушнины на европейские рынки. Так что, читая биржевые сведения привоза на ярмарки сибирских мехов и кож лосей, оленей и других копытных зверей, читатель воображает, что зверя в Сибири много, и, следовательно, его можно и добыть в большом количестве, без особого труда и разъездов.

Это далеко не так в действительности, так как зверь разбит на громадном, мало — а то и вовсе необитаемом пространстве, не имеющем зимою никаких дорог. Единственный способ передвижения зимой — это на лыжах, так что приходится идти соболевать за 110 верст от проездной дороги. Зайдя так далеко, имея под руками одни нарты, вмещающие в себя не более 5—6 пудов клади, кои тащит один человек, поневоле приходится не обращать внимания на свежие жировки лосей и оленей, кидать

следы на медведя, прошедшего день-два назад, а стремиться увидеть характерный следок соболя, глубокую борозду, оставленную дорогой ценной выдрой или нарыск росомахи или рыси.

За этими зверями можно далеко гнаться, в надежде не обременить нарты легкой шкуркой добытого объекта охоты.

Промышленники, увидев свежий след медведя, не преследуют Топтыгина, я же не променяю плохого медведя на хорошего соболя — и только бы увидать отпечаток солидной, когтистой лапы, не упускаю случая поохотиться за Топтыгиным.

Вот причина малого нахождения берлог аборигенами Сибири, так что там немыслимо получить такую массу предложений берлог, а следовательно, и убить медведей, как в Европейской России, где мужики стараются найти и обложить медведя, надеясь получить сотни рублей за убитого столичными охотниками медведя, с пуда — по 25 р., что выходит 375 рублей за 15-пудового медведя.

Да, признаться сказать, таких любителей, состоятельных охотников, у нас нет.

Самая большая цена — 35 р. берлога, будь зверя хотя 17—18 пудов, так что крестьянину-промышленнику много выгоднее стрелять рябчика, белку, ловить колонков и горностаев, чем следить и окладывать медведей.

Надо указать еще на одно обстоятельство, о котором не имеют представления европейские медвежатники-спортсмены — это невозможность найти людей для облавы ни за какие деньги; да если бы и нашлись кричане, то их надо бы вести очень далеко, целиком, что очень неудобно.

Берлоги в Сибири находят случайно: во время белкованья и рябкованья — охотники; а то крестьяне-дроворубы нечаянно выгонят лежавшего в берлоге медведя упавшим деревом, а собачонка облает.

Так что количество убитых мною медведей из берлог — купленных — ничтожно; все больше бьешь из-под лаек. Сравниться с этой охотой не может ни один спорт, на мой взгляд, но для этой охоты надо иметь могучих, злобных собак, а не брехунов, лающих издали на медведя и не берущих его зубом.

И вот я выбрал досуг описать одну из моих охот, состоявшуюся в половине ноября.

Местность, носящая название Таганы, представляет из себя длинное, на несколько десятков верст растянувшееся, лесное моховое болото, пролегающее среди глухих дебрей и лесов. По нем раскинулись несколько высоких грив, поросших сосняком и ползучим кустарником, представляющим из себя любимейшие места для зимних квартир медведей, которыми изрыты все бугры и кочи, незатопляемые осенней и весенней водой — паводками.

Туда добраться не легко, но раз дошел, можно быть уверенным, что собаки найдут медведя во всякое время года (летом я там не бывал, за невозможностью пройти зыбучими болотами).

В эти-то обетованные палестины я и направился после безвременно оконченных соболиных охот в Обских урманах, где неожиданно выпал снег, прекративший рыск лайкам.

Потеряв немало времени и труда на переход лесной полосы, достигающей 20—30 верст ширины, я добрался в полосу кочек и грив. Собаки, почуяв твердый грунт, бросились вглубь искать все живое, и скоро я заметил пролетавших глухарей и тетеревей, ютившихся в непромерзшем бруснишнике.

Смотря по мху, видны следы медведей — во все стороны, шлявших по снегу. Полагаю, причина безвременного выхода медведей из берлог — бывший в начале октября дождь, которого медведь в берлоге не переносит: чуть образуется капель — сейчас Топтыгин покидает свою зимнюю квартиру и отправляется искать новый укромный приют.

Свежих следов не было видно, а так как день клонился к вечеру, то мы — я был вдвоем с охотником — облюбовали себе для ночлега высокое место под густой могучей елью.

Скоро затрещал благодетельный костер, к коему был подвешен нами чайник, и мы принялись за устройство комфортабельных постелей из веток, молодых елок и пихт.

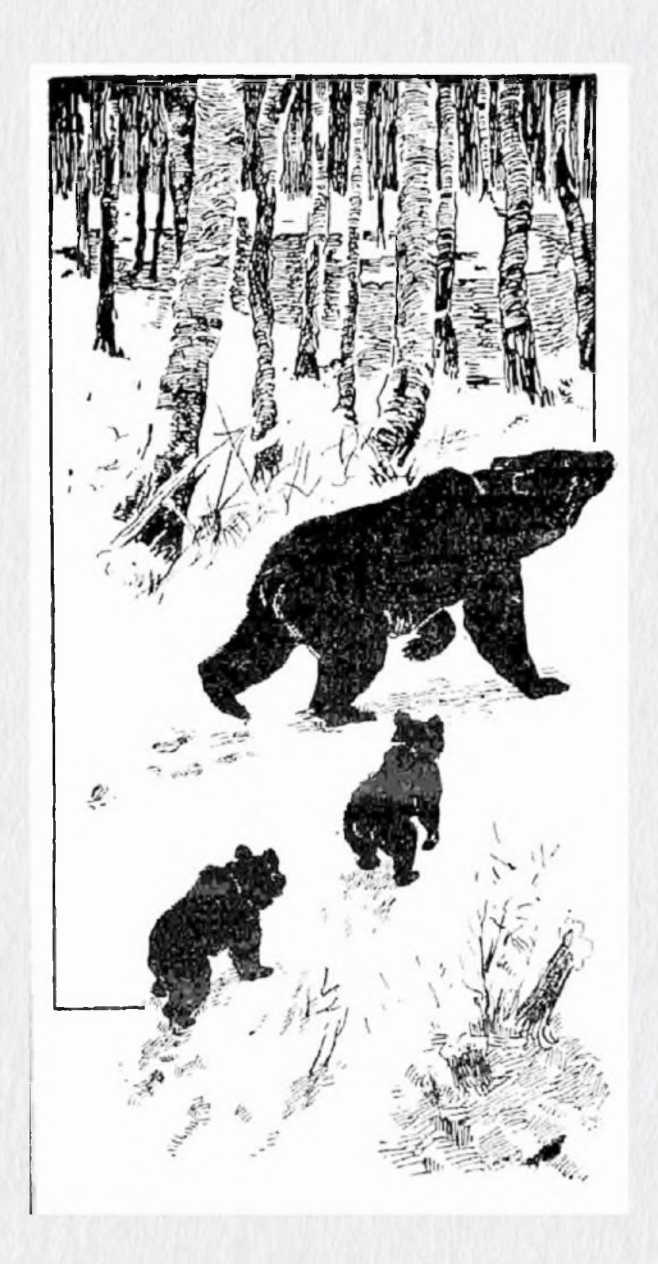
Собаки, набегавшись в продолжение всего дня, растянулись в живописных позах кругом обширного костра, дающего массу тепла и света.

Плотно закусив и вдосталь напившись чаю, накормив собак размоченными сухарями, за неимением свежей «убоинки»* («Убоинкой» сибирские охотники называют мясо убитого зверя. — Примечание автора), мы улеглись на ароматные постели и скоро заснули — «после трудов праведных», рассчитывая наутро встать до света.

В продолжение длинной осенней ночи приходилось несколько раз вставать, чтобы поправить обгоревшие сутунки или прибавить свежих дров, заготовленных накануне. Рано утром мы проснулись и, напившись чаю, тронулись в путь, едва солнечные лучи, как уши громадного зверя, стали показываться из-за горизонта, бросая оранжевый окрас на необъятную гладь моховых болот, стелющихся внизу нашего обсервационного пункта. Что за чудная картина!..

Все тихо, спокойно и величественно: громадные кедры в своих мохнатых шапках высятся над сплошным лесом «островов», раскинутых по необозримым, чистым болотам, поросшим вереском и кое-где маленькими куртинками чахлого сосняка.

Иногда этот ландшафт украшается табунком оленей, разрывающих снег, чтобы проникнуть к толстому слою сочного моха, дающего им обильный корм.

Кружокъ охотниковъ-медвѣжатниковъ (Томскъ).
(Фотографія нашего корреспондента).

Мне приходилось подолгу любоваться на этих неуклюжих, кротких животных, пасущихся на далеком от меня расстоянии. Но едва они заметят какое-то новое существо, бык сгрудит стадо, и сам начинает тихо приближаться по направлению заинтересовавшего его предмета и, заметив опасность, мекнет, круто повернется, и быстро, но неуклюже помчится к стаду и с ним вместе, во главе, пускается галопом прочь от грозившей ему опасности, причем все олени подымают свой маленький хвостик торчком, а головы держат по-свинячьи.

Северный олень, о котором я говорю, далеко не так изящен, как марал или даже коза.

Простите, читатель, за мое удаление от описания прошлой охоты на медведя с лайками.

Кое-что из провизии и багажа мы оставили подвешенным на кедре, закрыв хвоей от таежных воровок-соек или роньж, нахально обкрадывающих провизию и битую птицу промышленников, а сами налегке тронулись в путь.

Спущенные со сворок собаки, радостно взлайнув, ринулись в густую тайгу на поиски зверя, мы же держали направление по возвышенной гривке вдоль болота.

Моему оруженосцу удалось взять трех рябчиков, а я убил белку.

Сильное желание было у меня убить другую, чтобы дать собакам поровну свежей «убоинки».

Около половины дня я услыхал зов моего сподвижника. Подойдя к нему, я увидел недавний след медведя, по которому ранее нас бегали и нюхтили собаки.

Посоветовавшись, решили, не путаясь следом, обложить остров, чтобы узнать — вышел ли зверь или залег в нем.

Собак на сворки не взяли, дав им возможность рыскать в острову.

Через несколько времени я услыхал зов моего спутника, что означало выход зверя из острова.

Действительно, подойдя к нему, я увидал выходной медвежий след, направляющийся болотом в другой остров, находящийся приблизительно в двух верстах.

Странно, что медведь не лег в первом, крепком, густом, с массою заломов, полке.

Созвав собак и взяв их на сворки, чтобы, зря бегая, не тратили свои силы, мы поспешили следом к острову — площадке в 10—12 десятин.

Лес был преимущественно хвойный — и кое-где высились громадные, корявые тополя, осины, из кустарников — черемуха, рябина и масса акации.

Приблизившись к острову, я предпринял ту же тактику: то есть мы пошли порозь опушкой, а собак пустили рыскать в полок.

Обойдя его, мы убедились, что медведь тут, так как выхода не было, но собаки его не подняли.

Посоветовавшись, решили идти в остров, взяв со следа.

Едва мы тронулись в обратный путь, как послышался лай одной собаки — по зверю; мы бросились на лай и вскоре увидели медведя, выкатившего из леса на болото. Одна собака его преследовала, давая хватки, а другой нет.

Собака схватит мишку в зад, он обернется и — за ней, она — тягу. Мишка, прогнав собаку, — на уход. Та опять, догнав его, хватает в зад и т.д.

Я стал кричать другую собаку — и на мой зов бурей вылетел могучий красавец Бес — не слыхавший первый лай Дамки, поднявшей медведя. Берут же у меня собаки медведя всегда молча — и лают, когда совсем остановят или загонят на дерево.

Медведь от меня находился саженях в 150. Я показал его Беске и тот громадными скачками понесся на выручку своей подруге.

Картина сразу переменилась с приступами Бески, который так рвал зверя, что бедняга не знал, куда деваться на гладком болоте.

Медведь кинулся обратно в лес, из которого вышел, но собаки его положительно не пускали. Я остановился и любовался на своих любимцев. Какая злоба и верткость у суки и отвага с громадной силой у кобеля!.. Вот когда оценивается могучая, злобная собака в охоте на медведя. Может ли маленькая, хорошенькая остроухая, беленькая

лаечка так работать, останавливать медведя?.. Разумеется, нет, и тысячу раз нет…

Медведь несколько раз вскакивал на дыбы, вертелся на одном месте, издавая отчаянный рев, но подвигался к лесу очень туго, да и там ему было бы не лучше.

Я, осмотрев ружье, приготовив нож, вынув его из ножен и сунув в муфту, стал, не торопясь, подвигаться к турниру.

Медведь, увидев меня, стремительно бросился к острову, но обе собаки сразу вцепились ему в зад, и он опрокинулся на них: те, видя мое приближение, еще отчаяннее приступали к нему.

Я прибавил шагу и был уже в 30—40 шагах от зверя, как он, рявкнув, кинулся ко мне, как бы сознавая, что я причина его мучений.

Бес поместился ему в бок, а Дамка в ляжку. Медведь ринулся на кобеля, который метнулся в сторону, ко мне ближе. Медведь, вздумав его преследовать, получил от меня пулю по лопатке «на косых», сунулся головой в снег; собаки моментально, как пиявки, вцепились в зад, но он сразу вскочил, сбросив рассвирепевших псов.

Я оказался позади его, вскинул ружье, прицелился в затылок и тронул гашетку. Выстрел раздался, и медведь, убитый наповал, зарылся в снег. Конец делу.

Я описал эту охоту с целью познакомить охотников-медвежатников с работой хороших лаек в охоте на медведя.

Для чего нужна сильная, злобная собака?

Слыхал я от многих охотников, даже читал на страницах охотничьих журналов сомнение их в существовании собак, могущих остановить, удержать и загнать на дерево медведя.

Их неверие доказывает то, что они путных хороших зверовых собак не видали, а привыкли к маленьким остроушкам, лающим издалека на медведя: подобным собакам — грош цена.

Я все-таки надеюсь, что мне удастся показать на деле работу настоящих зверовых собак путным, дельным охотникам, понимающим охоту, и на их желание готов всегда откликнуться. Уверен, что после такой охоты они бросят облавные охоты, дорого стоящие, и своим криком, часто пьяным видом, отравляющие удовольствие охоты. То ли дело брать медведя одному с надежными собаками… Красота и упоение.

Положим, о вкусах не спорят.

А я, пока здоров, охоту с лайками ставлю выше всякой.

г. Томск,
декабрь 2 дня 1908 г.

ОХОТА НА МЕДВЕДЕЙ
В СИБИРИ
С ЛАЙКАМИ
А. Н. ЛЯЛИН
ОХОТНИЧЬИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ